

Библиографическая информация.

Алексаха Андрей Григорьевич.

Происхождение славян. Прогрессологическая реконструкция.

Опубликовано: Гуманитарный журнал. Днепропетровск № 1 2012 с 57-72.

Проблема происхождения славян интересна широким слоям населения и давно находится в центре внимания науки. На эту тему написано огромное количество исследований и сказать что-то новое возможно лишь либо при получении новых уникальных данных, либо при новых способах осмысления уже накопленных наукой фактов.

Именно попыткой использовать новую методику исследования для реконструкции наиболее ранних этапов славянской истории и является эта книга. Методика, о которой идет речь, впервые была мною изложена в книге «Введение в прогрессологию» (Алексаха), однако затронутая в ней проблематика несравненно шире ранней истории славян.

Таким образом, книга «Происхождение славян» является апробацией методов, которые можно назвать прогрессологическими, для изучения тех периодов истории, о которых у нас практически нет письменных сведений. Об этом времени мы можем судить на основании главным образом данных археологии, лингвистики и, в определенной степени, этнографии. Использовать антропологические и генетические данные можно только ограниченно, так как антропологический состав населения Европы существенно менялся преимущественно лишь до конца бронзового века. Кроме того, длительное время у многих народов Европы

господствовал обряд кремации умерших, поэтому костные останки не сохранились. Применение прогрессологических методов к столь ограниченной базе источников может оказаться весьма перспективным, если эти методы позволят выявить специфические закономерности развития ранних обществ, понять причины миграций, этнокультурные изменения и экономические процессы.

1. Методология.

Поскольку наше исследование будет осуществляться не только на основе формальной логики и здравого смысла, но и на основе определенной модели развития общества, то очевидно, что прежде всего нужно изложить основные принципы этой модели. Я постараюсь дать здесь лишь самые главные теоретические положения модели применительно к интересующему нас историческому периоду, более подробно эта тема раскрыта в вышеупомянутой книге (Алексаха, с.5-27). Я очень прошу читателя постараться получше понять и запомнить теоретическую часть, так как без этого дальнейшее изложение будет непонятным.

В основе предлагаемой модели развития общества лежит тезис о том, что человечество биологически едино. Несмотря на то, что разные народы очень сильно отличаются друг от друга и не столько внешне, сколько своим образом и уровнем жизни, способом мышления, шкалой ценностей и т.д., люди биологически одинаковы. Существует немало примеров того, как грудные дети из самых отсталых обществ попадали на воспитание в высокоразвитые страны и впоследствии ничем, кроме своей внешности, не отличались от детей коренных жителей. Следовательно, раз все люди в своей массе при рождении одинаковы, то все они в одинаковой степени способны к развитию. Если мы допускаем, что отсталые народы являются таковыми потому, что такими родились, то есть менее способны к прогрессу, чем жители развитых стран, то мы сразу оказываемся на расистских позициях. Если же мы признаем биологическое единство человечества, то, следовательно, все различия между народами есть результат внешних факторов. Целью создания модели развития как раз и является определение тех главных, внешних для человека факторов, которые определяют прогресс общества.

Наиболее важным для правильного построения модели развития является правильный выбор критерия прогресса, то есть такого показателя, изменение которого и будет означать прогресс. Кажется очевидным, что мудрить тут особенно нечего, потому, что прогресс – это хорошо, а его отсутствие – плохо. Но всегда ли явный прогресс сопровождался улучшением жизни людей? История свидетельствует, что нет, и далее я приведу немало примеров, подтверждающих этот тезис.

Поскольку кажется очевидным, что прогресс реализуется через изменения в материальной культуре, то распространено мнение, что прогресс должен происходить в случае ее усовершенствования. Но может ли материальная культура и в первую очередь орудия труда, как ее главный производящий фактор, быть критерием прогресса? Очевидно, что предметы материальной культуры могут быть легко заимствованы путем обмена, в качестве военной добычи, в результате дарения. Но означает ли такое заимствование прогресс? Например, на Новой Гвинее заимствование железных топоров племенами, питающимися главным образом саго, то есть крахмалистой сердцевинкой саговой пальмы, существенно подняло производительность труда. Но это привело не к прогрессу общества, а лишь к сокращению времени работы и увеличению времени досуга (Salisbury.1962). Подобные примеры носят массовый характер. Заимствование индейцами-охотниками за бизонами огнестрельного оружия и лошади не привело к ускорению их развития, так же, как и заимствование ранними земледельцами железных сельхозорудий.

Следует сказать, что проблема критерия прогресса является одной из сложнейших проблем общественных наук. До сих пор

общепризнанного критерия прогресса нет, и некоторые авторы даже утверждают, что «...подобных критериев просто не существует» (Коротяев, 7). Именно потому, что не удастся определить критерий прогресса, многие западные ученые вообще избегают этого термина. Как мне кажется, если мы не можем решить эту проблему в рамках истории человечества, нам нужно расширить эти рамки, ведь человек – сам продукт процесса развития, а такие процессы настолько глобальны, что часто их действие вовсе не кончается там, где нам уже отчетливо видятся их результаты.

Итак, прежде чем говорить о прогрессе социальном, рассмотрим прогресс биологический, вследствие которого человек и возник. Сегодня ни у кого нет сомнения, что появление человека есть результат естественного отбора в ходе борьбы за существование. Но, как мне кажется, часто упускается из вида, что борьба за существование начинается в определенных условиях, о которых Дарвин писал так: «Борьба за существование неизбежно вытекает из большой скорости, с которой все органические существа имеют тенденцию увеличить свою численность» (Darwin 1859, 63).

Исследованиями экологии популяций установлено, что при заселении новой территории численность популяции растет почти экспоненциально до определенного уровня плотности, который можно назвать критическим. Следовательно, **критическая плотность популяции животных – это максимально возможная их плотность в долгосрочной перспективе при данных природных условиях**. После достижения уровня критической плотности количество особей колеблется, то превышая этот уровень, то снижаясь ниже него. Основным фактором, определяющим циклические колебания численности популяции, является размер кормовых ресурсов, который и определяет критическую плотность популяции. Когда плотность популяции животных возрастает сверх критической, они поедают свою кормовую базу (растения или другие животные) быстрее, чем она может восстанавливаться. Кормовая база быстро сокращается, вследствие чего сокращается и плотность популяции. Наконец плотность популяции становится настолько мала, что кормовая база начинает восстанавливаться и процесс повторяется.

Именно тогда, когда плотность особей в популяции достигает критической величины, при которой средств существования начинает не хватать на всех, и начинается, по Дарвину, борьба за существование, в ходе которой выживают наиболее приспособленные и «...каждое существо обнаруживает тенденцию делаться более и более улучшенным по отношению к окружающим его условиям» (Darwin 1859, 129). Именно так и возник человек. Первоначально его способ добывать средства существования принципиально не отличался от того, как это делают животные. Человек охотился и собирал дикорастущие растения, только делал это намного более искусно, чем животные. Однако, в соответствии с Дарвином, когда-то наступило такое время, что средств существования перестало хватать всем. Иными словами, в определенных человеческих популяциях был достигнут уровень критической плотности. Именно в этих условиях и произошло то, что принципиально отличает человека от животного: животные в таких условиях подвергаются естественному отбору, а человек, благодаря своему разуму, изменил способ добывания пищи таким образом, что это увеличило критическую плотность и позволило жить на той же территории большему числу людей.

Смысл этих изменений состоял в интенсификации пользования землей. В экономике сельского хозяйства **под интенсификацией понимают увеличение затрат труда и капитала на единицу площади используемой земли**. Обратный процесс называется экстенсификацией. В результате интенсификации увеличивается количество продукции с единицы площади. Например,

собиратель тратит труд на поиск и сбор полезных растений. Земледелец тоже тратит труд на обработку земли и сбор урожая, однако очевидно, что из расчета на единицу площади используемой земли земледелец вкладывает намного больше труда и собирает намного больший урожай. Ступеней интенсификации землепользования в истории человечества было много. Например, отгонное скотоводство, при котором скот пасется на естественных пастбищах, намного экстенсивнее земледелия. Земледелие также имеет ряд ступеней интенсификации: подсечно-огневое, залежное, двуполье, и т.д.

Следовательно, если критическая плотность популяции животных есть их максимально возможная плотность в долговременной перспективе при данных природных условиях, то **критическая плотность человеческой популяции – это максимально возможная плотность населения при определенном уровне интенсивности землепользования и при данных природных условиях.** В отличие от популяции животных критических плотностей в человеческой популяции может быть много, в зависимости от того, насколько интенсивно используется земля.

Вместе с тем критическая плотность зависит и от изменения природных условий. Например, при достаточном количестве осадков население, определенного уровня развития может получить неплохой урожай, а при засухе то же население, того же уровня развития может получить столь плохой урожай, что начнется жестокий голод. Следовательно, критическая плотность – это также некая усредненная за ряд лет теоретически возможная плотность населения.

На первый взгляд представляется очевидным, что переход к более интенсивному землепользованию – это вопрос знаний и навыков. То есть, если население узнает о более интенсивных методах, оно должно к ним перейти, ведь в этом случае отдача с единицы площади возрастет. Однако, этнографами накоплена масса фактов, свидетельствующих о том, что многие отсталые народы, владея навыками интенсивного землепользования, упорно придерживались прежних более экстенсивных методов хозяйствования. Описаны случаи, когда целый ряд народов в самых разных местах Земли (азта, пунаны, пигмеи и др.), жившие по соседству с земледельцами, временами помогали им собирать урожай, и имели все навыки для перехода к земледелию, но продолжали добывать пищу охотой и собирательством (История первобытного общества, с. 270). Многие собиратели знали, как разводить растения. Например, при выкопке дикого ямса они оставляли часть его корней в земле (История первобытного общества, 269). Этнографы наблюдали, как австралийские аборигены рассеивали зерна злаков, семена других полезных растений, например, саговой пальмы (Harris, 1977, 426-429). Некоторые группы австралийцев жали дикие злаковые, обмолачивали и провеивали зерно, мололи муку, из которой замешивали тесто и выпекали лепешки, но к земледелию так и не перешли (Максимов А.Н. с 21-33). И такое нежелание интенсифицировать землепользование характерно не только для охотников и собирателей. В Европе трехпольная система земледелия возникла в раннем Средневековье, а ее распространение растянулось на шестьсот лет. Хотя крестьяне знали технологию этой системы, они зачастую продолжали практиковать двуполье, переложную и подсечно-огневую системы земледелия (История крестьянства т 2, 25-26). Сложные севообороты с кормовыми травами были известны еще в античное время, но возродилась эта практика только в XIII в. во Фландрии (Nicolas, 5-31), однако долго она ограничивалась Нидерландами и очень медленно распространялась в Англии, северо-западной Германии и северной Италии (История крестьянства, т. 2, 26-27). Но даже в Англии севообороты с кормовыми травами стали широко распространенными только в XVIII в. (История крестьянства, т.3, 50).

Таким образом, только знаний о способах ведения более интенсивного хозяйства явно недостаточно. Впервые подобного рода факты были объяснены датской исследовательницей Эстер Бозеруп (Boserup) следующим образом: **интенсификация сельского хозяйства ведет к снижению производительности труда**. Для удобства в дальнейшем мы будем называть эту закономерность законом Бозеруп.

Очевидно, что если этот вывод справедлив, то интенсификация сельского хозяйства крайне нежелательна для населения. Вместе с тем, именно интенсификация сельского хозяйства, как уже отмечалось выше, является магистральным путем развития человечества. Отсюда следует, что переход к более интенсивной системе сельского хозяйства происходит только в результате сокращения площади обрабатываемых земель, приходящихся на одного жителя, вследствие роста населения. Рост населения есть независимая переменная, определяющая, таким образом, развитие сельского хозяйства (Boserup, 11).

Закон Бозеруп представляется нам парадоксальным. Из него следует, что чем более примитивную, с нашей точки зрения, деятельность ведет население, тем легче ему просуществовать. Однако многочисленные данные собранные этнографами и историками подтверждают, что это действительно так.

Рассмотрим для примера наиболее примитивные формы земледелия – подсечное и пойменное. Во многих книгах можно встретить утверждение, что подсечное земледелие было очень трудоемким, требовало труда многочисленных родовых коллективов и т.п. Однако на самом деле это совершенно не так. Многочисленные факты из разных мест Земли, в том числе относящиеся к Северу Европейской России (Петров. 1968), где подсечно-огневая система просуществовала до начала двадцатого века, свидетельствуют, что эта система включала в себя следующие операции:

1. Кольцевание деревьев;
2. Выжиг;
3. Посев и заделка семян;
4. Уборка урожая.

При подготовке участка к выжигу на деревьях топором снимали кору кольцом вокруг ствола и деревья погибали. Далее, по прошествии нескольких лет, погибший лес падал при сильном ветре и участок поджигали. Нигде, где известно подсечное земледелие, а оно известно практически везде, где растут леса, пней не корчевали. При выжиге выгорал подлесок, а плохо растворимые органические вещества почвы (гумус) переходили в водорастворимую форму (минеральные соли). Пепел служил прекрасным удобрением и, поскольку он имеет сильную щелочную реакцию, нейтрализовал кислотность лесных почв. Кроме того, сильный огонь делал почву настолько рыхлой, что ее обработка была не нужна и семена просто раскидывали по поверхности слоя пепла, заделывая их с помощью верхушки дерева с обрубленными сучьями. О сорняках при этой системе, разумеется, говорить не приходится. Далее, нужно было только убрать урожай, который был очень хорошим, в два раза большим, чем при трехполье с применением навоза. Однако минерализация гумуса приводила к его быстрому вымыванию из почвы, и уже на второй год урожай был хуже, а после третьего года на севере, и после 6-8 лет на юге, участок забрасывали. (Алексаха с. 15 и сл.). Таким образом, при подсечном земледелии не нужны ни в корчевание пней, ни удобрение, ни даже обработка почвы. Из инструментов нужны лишь топор да серп, причем не обязательно из металла. Урожай же значительно лучше, чем при пашенном земледелии, для которого нужны и удобрение, и вспашка.

Еще один пример примитивного земледелия, которое практиковалось многими древними народами: пойменное или лиманное. Суть пойменного земледелия состоит в том, что когда после весеннего паводка вода сходит и на пониженных участках поймы открывается мокрая голая

земля, прямо по ее поверхности разбрасывают семена, а затем по этому месту прогоняют скот, чтобы он втоптал семена в землю. Потом остается только убрать урожай. Ежегодные разливы реки приносили плодородный ил, что позволяло использовать участки ежегодно без удобрения. Пойменное земледелие было первоначальным во многих районах древних цивилизаций – в Палестине, Месопотамии и Египте.

Таким образом, очевидно, что при примитивных формах земледелия труда нужно значительно меньше, а урожай бывает больше, или, во всяком случае, не меньше, чем при пашенном земледелии, а это означает, что производительность труда при более экстенсивном способе земледелия выше. Однако само по себе земледелие является довольно интенсивным видом хозяйственной деятельности. Если закон Бозеруп справедлив, то более экстенсивные виды деятельности являются более производительными. Действительно, этнографические данные подтверждают, что охота, собирательство и рыболовство требовали еще меньше труда для поддержания существования людей, занятых ими.

Например, бушмены Калахари имели средний дневной рацион равный 2140 калориям. Чтобы обеспечить себя, а также детей и стариков, пищей, взрослые работали в среднем от 12 до 19 часов в неделю (Lee pp.39,40). По другим свидетельствам бушменам, чтобы обеспечить себя, детей и стариков пищей, нужно было работать в среднем пять часов в день (Tanaka pp. 295–316). Имеются также свидетельства, что бушменами одной из локальных групп, включающей в себя 16 охотников, за год добыто более 9 тонн мяса, что составило в среднем на члена группы, включая детей, более 100 кг мяса (Silberbauer.)

Следует заметить, что бушмены живут в пустынных районах, в которые они были оттеснены в сравнительно недавнем прошлом. Что же говорить о народах, живших в более благоприятных условиях! Первые переселенцы из Европы, прибывшие в Северную Америку, были поражены изобилием дичи и рыбы и той легкостью, с которой индейцы обеспечивали себя всем необходимым. В Старом Свете такая ситуация была также типичной в древности. Если же мы обратимся к историческому материалу, то существует много свидетельств, того, что охотники каменного века убивали просто громадные массы животных. Например, возле современного села Амвросиевка на Украине обнаружены кости почти 1000 зубров, убитых одновременно. По подсчетам ученых в этой облаве участвовало около 100 охотников (Пидопличко, с. 65–67). В США также обнаружены стоянки, на которых нашли остатки сотен одновременно убитых бизонов (Macgowan, Hester). Во Франции, в Солютре, у скалы, к которой загонялись стада диких лошадей, были обнаружены остатки 50-100 тысяч этих животных (Замятин, с. 97–98).

Существовали и другие способы добывания пищи, например, сбор съедобных моллюсков, который был несравненно менее сложным занятием, чем охота и тем более земледелие. Собиратели моллюсков оставили огромные кучи раковин на морских побережьях запада Европы, севере и юге Африки, в Юго-Восточной Азии, на востоке США. Даже приведенных кратких примеров достаточно, чтобы понять, что охотники и собиратели работали намного меньше чем земледельцы. Это подтверждается и работами этнографов (Салинс)

Разумеется, нельзя представлять себе жизнь охотников и собирателей легкой и беззаботной. Для всех без исключения охотников и собирателей правилом были периодические голодовки. Но и для земледельцев, особенно ранних, голодовки были правилом. И дело не только в том, что охотники и собиратели меньше работали. Их труд для человека в принципе намного легче, чем земледельческий. Он не столь однообразен и тяжел. Не случайно в современном обществе все эти виды деятельности (охота, рыбалка, сбор диких плодов и ягод) являются развлечением, то есть отдыхом, а не работой. Кроме того, характер

питания при переходе к земледелию становится значительно хуже. Рацион ранних земледельцев намного однообразнее, чем у охотников, в нем преобладают углеводные компоненты. У всех ранних земледельцев отмечалось белковое голодание, вызывавшее у детей рахит. (История первобытного общества, с 451). Исследователи, хорошо знавшие условия жизни охотников и собирателей удивлялись их переходу к земледелию, настолько при этом ухудшаются условия их жизни (Salins, pp. 32–35).

Однако переход охотников к земледелию все же происходил, причем везде, где за этим переходом наблюдали европейцы, он происходил в условиях кризиса (История первобытного общества, с 271), когда продукции, добываемой охотой и собирательством, стало хронически не хватать. Иными словами, по мере роста населения охотники и собиратели просто не могли прокормиться старым способом, и были вынуждены перейти к земледелию.

И все-таки остается непонятным, почему, если интенсификация землепользования ведет к падению производительности труда, в современных развитых странах труд в сельском хозяйстве намного производительнее, чем в современных отсталых странах. Для ответа на этот вопрос нужно обратиться к экономической теории. Главный тезис Бозеруп об уменьшении производительности труда при интенсификации сельского хозяйства является экономическим законом, хорошо известным классической политической экономии, который формулировался как «diminishing returns on land», что, к сожалению, было неверно переведено в советской науке как «уменьшение плодородия земли», что совершенно искажает смысл этого закона. Правильно было бы перевести как «уменьшение доходов от земли».

Последний представитель классической политической экономии Джон Стюарт Милль считал, закон уменьшения доходов от земли является «наиболее значимым положением в политической экономии. Если бы этот закон был другим, практически все явления производства и распределения богатства были бы не такими как они есть» (Mill. p. 177.).

Позднее была разработана теория производства, в которой закон уменьшения доходов от земли рассматривался как частный случай общего закона убывающей доходности, согласно которому, если все факторы производства (в нашем случае – земельная площадь и капитальные затраты), кроме одного (в нашем случае – труд), остаются неизменными, то дополнительные затраты переменного фактора хотя и увеличивают общий продукт, но после оптимума этот прирост непропорционален по отношению к увеличению переменного фактора. Другими словами, если при неизменной площади земельного участка и объеме капиталовложений мы увеличиваем затраты труда, то до определенного уровня будут расти как объем урожая, так и производительность труда. Но после прохождения точки оптимума увеличение затрат труда хотя и ведет к увеличению урожайности, но производительность труда будет падать, то есть каждый дополнительный день работы будет давать все меньший прирост продукции.

Такое изменение производительности труда в сельском хозяйстве доиндустриального общества обусловлено тем, что интенсификация осуществлялась практически только путем увеличения затрат одного фактора – трудозатрат. Увеличение капиталовложений было редким явлением и происходило почти исключительно за счет мелиорации земель. Для других видов капиталовложений общество было недостаточно развито. В Европе только после индустриальной революции начался рост капиталовложений в сельское хозяйство за счет использования тракторов и других

сельхозмашин, синтетических удобрений, пестицидов и гербицидов, чем был и обусловлен быстрый рост производительности труда. После того, как это произошло, закон уменьшения доходов от земли перестал действовать и остался в истории экономической науки скорее как курьез. Только благодаря тому, что Бозеруп долго работала в развивающихся странах, где в то время капиталовложений практически не было, она заново открыла этот закон и ввела его в научный оборот.

Люди всегда стремились получить средства существования с наименьшими затратами труда. Экономия и рациональное использование сил характерны не только для современного общества, но и для наших далеких предков. Поэтому люди в первую очередь практиковали системы землепользования с наивысшей производительностью труда. Затем, по мере роста населения данную систему приходилось интенсифицировать, несмотря на падение производительности труда. Таким образом, населению постоянно приходилось преодолевать все более возрастающие трудности, чтобы выжить. Если, как мы говорили выше, человек, в силу своей разумности, сумел избежать биологической эволюции, то в описанных условиях, он неизбежно должен был подвергнуться эволюции социальной. Характер этой эволюции очевиден. По мере интенсификации землепользования люди, для того, чтобы выжить, должны были становиться более дисциплинированными и трудолюбивыми, лучше контролировать свои инстинкты и лучше уметь думать. Смысл этих изменений состоит в том, чтобы лучше справляться с нарастающими трудностями, которые были следствием увеличения плотности населения, точно так же, как по Дарвину с увеличением плотности популяции усиливается борьба за существование.

Именно поэтому заимствование более совершенных орудий труда не вело к прогрессу. Прежде всего, что-то должно было измениться в самом человеке, в его сознании. Эти изменения были следствием вынужденной интенсификации землепользования, в результате которой человек, чтобы выжить, должен был заниматься все более сложным трудом.

Итак, мы нашли тот единственный критерий прогресса, который действовал с возникновения человека и действует и сейчас. Это изменения в сознании людей, которые я предлагаю называть уровнем развития.

Уровень развития – это способность населения решать жизненные проблемы. Способность решать жизненные проблемы присуща всем человеческим обществам. Разница лишь в том, на каком уровне эти проблемы решаются. Этот уровень нельзя измерить линейкой или весами. Но для любого человека разница в уровне развития различных обществ очевидна. Например, во все времена людям была нужна вода, но решалась эта проблема по-разному в разных обществах. В одном обществе – методом ведер и коромысла, а в другом – путем строительства водопровода. Разница в уровне развития очевидна. Только в том случае, если данное общество вымирает, можно сказать, что оно не может решить свои жизненные проблемы.

Уровень развития определяется характером труда, иначе говоря, чем сложнее труд, тем выше уровень развития. В доиндустриальных обществах, где большинство населения занято в работах на земле (охота и собирательство, земледелие и скотоводство), уровень развития населения зависит от интенсивности землепользования. Качественные изменения характера труда влекут за собой качественный рост уровня развития. Поэтому переход от охоты и собирательства к производящему хозяйству, т.е. земледелию и скотоводству, привел к качественным изменениям в поведении населения не только в экономике, но и в социальной сфере.

Уровень развития подразумевает не только возможность того, что та или иная

задача может быть в принципе определенным способом решена, но и решимость и волю населения эту задачу обязательно решить. Иначе говоря, уровень развития включает в себя две составляющие – уровень интеллекта и силу воли. До промышленной революции рост уровня развития происходил в основном за счет волевой составляющей, т.е. формированию самодисциплины. Вряд ли охотники и собиратели имели уровень интеллекта более низкий, чем ранние земледельцы. Хорошо известно, что охотники обладали огромными знаниями об окружающей их среде, проявляли бездну изобретательности при изготовлении различных ловушек, силков и т.п. Земледельцы наверняка знали о природе меньше, потому что им не было нужды проявлять чудеса изобретательности, чтобы добыть пищу. Напротив, тяжелый, однообразный труд на полях отуплял человека. Но уже первые земледельцы имели более высокий уровень развития, чем охотники, потому что они были способны к такому труду. Поэтому в Америку везли из Африки негров, которые были земледельцами у себя на родине. Попытки заставить индейцев трудиться всегда оканчивались их быстрой гибелью. Современники сходились на том, что индейцы, жившие преимущественно за счет охоты и собирательства, были настолько непригодны для сельскохозяйственного труда, что быстро погибали на плантациях. Хотя индейцы биологически ничем принципиально не отличались от белых или негров, но что-то важное отсутствовало в их сознании, что приводило к губительному стрессу, когда индейцев заставляли работать на полях. Именно это что-то и было недостающим шагом в уровне их развития. Там же, где индейцы к приходу европейцев уже перешли к земледелию, их потомки и сегодня составляют значительную долю населения – в Боливии, Перу, Мексике.

Теперь мы можем сказать, что **прогресс общества – это повышение уровня развития населения**. Повышение уровня развития ведет к росту потребностей населения, потому что более умное и трудолюбивое население легче может добиться большего. **Определенный уровень развития соответствует определенному уровню потребностей.**

Не следует понимать уровень потребностей как некую арифметическую сумму вещей, которые нужны человеку. Потребности любого человека подчиняются очень жесткой иерархии. На первом месте всегда стоят потребности в реализации базовых природных инстинктов. И это не только потребности в пище, одежде, но и в безопасности, уважении окружающих. Эти потребности присущи любому человеку, не зависимо от уровня развития, но в зависимости от уровня развития они также развиваются. Например, развитие инстинкта самосохранения предполагает не только стремление избежать непосредственной опасности, но и поддержание порядка внутри общества, обеспечивающего определенную безопасность личности и т.д.

Следует также отличать потребности от **желаний** людей получать какие-то материальные блага просто так, даром. Любой взрослый человек хорошо знает, что такое бывает крайне редко и блага нужно зарабатывать. **Поэтому под уровнем потребностей нужно понимать потребности, ради достижения которых человек готов прилагать усилия, целенаправленно трудится.**

Такое определение сразу ставит все на свои места, потому что оно отделяет **потребности** от **желаний**. Желать можно многого, но ничего для этого не делать. Для удовлетворения потребности нужно работать. Труд напрягает и утомляет, поэтому всегда есть соблазн провести время более приятно. Однако существуют блага, ради получения которых населения определенного уровня развития **обязательно** будет работать. Характер и сумма этих благ определяются уровнем развития. Население будет работать лишь столько, сколько будет достаточно, чтобы удовлетворить свои потребности.

Из этого положения следует **принцип достаточности**, согласно которого при превышении данным сообществом критической плотности населения, интенсификация хозяйственной деятельности происходит лишь в той степени, в которой это достаточно для удовлетворения уровня потребностей.

Принцип достаточности следует из стремления населения расходовать свой труд рационально, так как более интенсивное землепользование менее продуктивно. Поясним этот принцип на примере. При достижении населением, которое занято охотой, критической плотности, оно начнет заниматься, скажем, подсечно-огневым земледелием. Но население будет производить зерна лишь столько, сколько ему не хватает до необходимого уровня потребления. Именно так и происходило до недавнего времени в бассейне Амазонки. Практически все индейцы этого района были знакомы с подсечно-огневым земледелием. Но доля его в их хозяйстве для разных групп колебалась от 10% до 90%. Остальная еда добывалась старыми способами – охотой и собирательством. Если же население занято, скажем, подсечно-огневым земледелием, то при достижении критической плотности оно перейдет к пашенному земледелию, но на небольших участках вблизи селения. Примеров такого землепользования собрано этнографами достаточно. Размер этих участков будет расти по мере роста населения, до тех пор, пока население полностью не откажется от подсечно-огневого земледелия. Разумеется, интенсификация использования отдельных участков зависит от природных условий. Если какой-то участок земли, например, на сильно пересеченной и засушливой местности можно использовать только для пастбищного скотоводства, то население так и будет его использовать даже при условии максимально интенсивного использования других, более пригодных для этого участков.

Население всегда стремится воплотить свой уровень потребностей в жизнь. В результате этих усилий человека окружает определенная социальная и материальная среда. **Условия жизни населения можно назвать уровнем потребления.** Уровень потребления обязательно должен соответствовать уровню потребностей, который в свою очередь соответствует уровню развития населения. Если уровень потребления существенно ниже уровня потребностей, то это всегда вызывает сильнейший дискомфорт и не может продолжаться долго. Такие случаи бывают, например, после тяжелых войн, после разрушительных стихийных бедствий и т.д. Это понятно и подтверждается нашим опытом. Гораздо труднее понять, так как у нас нет такого житейского опыта, что очень плохо также, когда уровень развития ниже уровня потребления. Между тем таких примеров известно множество. Они имели место при контактах отсталых народов с современным миром. Превышение уровня потребления над уровнем развития приводит к тому, что представители отсталых народов утрачивают жизненные цели, что приводит к деградации, алкоголизму, преступности, попрошайничеству и, в конечном счете, к их вымиранию.

При своем появлении на свет люди многое унаследовали от своего биологического прошлого. Так же как и животным, людям определенного уровня развития для существования нужна была определенная земельная площадь. И, так же как и многие высшие животные, люди образовывали группы, которые совместно эксплуатировали определенные территории и так же защищали их от посягательств извне. Никто из специалистов сегодня не сомневается, что человек с момента своего появления на свет жил в группе себе подобных. Подобные группы или объединения лучше всего называть сообществами. **Сообщества – это объединения людей, наделенных правами на хозяйственное использование территории сообщества и совместно защищающих свою территорию от посягательств извне.**

Смысл существования сообществ состоит в том, чтобы упорядочить землепользование в условиях, когда земли на всех не хватает. Сообществами могут быть человеческие коллективы самого разного уровня социальной организацией. Ими могут быть группа охотников и собирателей в количестве 50 человек, община земледельцев численностью в 1000 человек, племя или племенное объединение в количестве десяти тысяч человек и государство с населением в несколько миллионов человек.

Обязательным условием существования сообщества является его территория. Эта территория может быть заселена членами сообщества с плотностью, которая не может существенно превышать критическую плотность. Совокупность этих понятий позволяет нам территорию, занимаемую неким сообществом, рассматривать как резервуар, внутри которого может существовать определенное количество людей. То есть **резервуар – это территория сообщества**. Природа разделила всю территорию суши на регионы, достаточно четко ограниченные друг от друга, морями, горами, реками. Границы резервуара невидимы. Они определяются стремлением и возможностями населения не пускать на свою землю чужаков. Но со временем, в результате долгой борьбы границы резервуаров начинают тяготеть к природным рубежам – большим рекам, горам, пустыням. Эти природные границы легче защищать, поэтому большинство современных резервуаров, как правило, ограничены самой природой. Важнейшей характеристикой резервуара является его емкость. **Емкость резервуара сообщества определяется произведением критической плотности населения на площадь территории, контролируемой данным сообществом.**

Емкость резервуара определяется как природными факторами, так и тем, какой уровень развития достигнут конкретным сообществом. Вследствие этого емкость конкретного резервуара не есть величина статическая. Она меняется в результате развития сообщества людей, которые проживают в данном резервуаре. Если уровень развития неизменен, то плотность населения внутри резервуара может колебаться в пределах критической плотности.

Отношение фактической плотности населения к критической составляет критический коэффициент данного резервуара. Как понятно из определения, критический коэффициент не может быть существенно больше единицы. **Когда критическая плотность достигает единицы, можно сказать, что резервуар заполнен.** Если фактическая плотность населения становится больше критической, это ведет к снижению уровня потребления населения (или низших социальных страт, если общество стратифицировано) ниже того, который соответствует уровню потребностей, а значит, уровню развития. Мы уже говорили, что такая ситуация долго длиться не может. Смысл критического коэффициента, таким образом, состоит в том, что он показывает степень напряжения внутри сообщества. Если происходит интенсификация хозяйственной деятельности, критическая плотность возрастает, а критический коэффициент снижается, так же как и напряжение в сообществе.

Рост критического коэффициента вынуждал население интенсифицировать землепользование. Но закон Бозеруп, то есть падение производительности труда, делал интенсификацию нежелательной для населения. Поэтому самым легким путем снижения критического коэффициента были миграции. Именно так человечество расселилось по Земле. Но уже на ранних этапах истории человечества свободных земель было мало и вскоре они исчезли совсем. Каждый пригодный для жизни резервуар занимало какое-нибудь сообщество, и оно защищало его от вторжений извне. Если в некоем резервуаре критический коэффициент существенно больше единицы, то население может мигрировать на другие земли, лишь преодолев сопротивление соседей. Это

возможно лишь при определенных условиях, которые отвечают первому закону резервуара.

Первый закон резервуара: Сопротивление давлению внутри резервуара определяется давлением в соседних резервуарах. Этот закон следует понимать так – как только плотность населения внутри сообщества превысит критический уровень, потребления будет снижаться. Поднятию критической плотности путем интенсификации земледелия препятствует закон Бозеруп, поэтому население будет стремиться решить свои проблемы за счет соседей, то есть захватить новые территории. Соседи будут этому препятствовать, но если плотность населения внутри их сообщества не достигла критической, а масса населения меньше, то они проиграют борьбу, то есть стенка их резервуара будет обязательно продавлена и произойдет миграция населения, а критический коэффициент анализируемого нами резервуара упадет и прогресса в нем не будет до нового его заполнения. Более того, если плотность населения упадет очень сильно, то возможен даже регресс, то есть переход оставшегося населения к более экстенсивной системе землепользования. С течением времени анализируемый резервуар вновь наполнится и снова может произойти прорыв стенки другого соседнего резервуара. Далее в этот процесс включаются жители соседних резервуаров. Таким образом, в результате действия первого закона резервуара формируются большие регионы, состоящие из многих резервуаров. При этом критический коэффициент и уровень развития выше в центре такого региона и ниже на его периферии. Такой регион можно назвать **агломерацией резервуаров**. Из центра такой агломерации исходят импульсы миграций и культурных влияний. Со временем соседние агломерации резервуаров могут слиться, и на их основе может сформироваться **конгломерация резервуаров**, имеющая несколько центров, из которых один постепенно станет основным. Очевидно, что если природные условия препятствуют миграциям, то накопление населения в данном резервуаре произойдет быстрее, так же, как и прогрессивные изменения.

Таким образом, первый закон резервуара имеет три главных следствия:

1. Миграции происходят из резервуаров, имеющих больший критический коэффициент в резервуары, где этот коэффициент меньше.
2. Резервуары, миграции из которых по природным причинам затруднены, развиваются быстрее. Это острова, полуострова, горные долины и оазисы. Именно в таких условиях расположены все древние цивилизации – Египет, Месопотамия, Греция, Италия, Палестина и др. Разумеется, отдаленные места, как, например, острова Океании представляют собой исключение из этого правила.
3. Резервуары формируют агломерации, центры которых имеют более высокий уровень развития и из которых исходят культурные влияния и миграции.

Первый закон резервуара можно также назвать **законом миграций**.

Второй закон резервуара: чем резервуар меньше, тем он быстрее наполняется, но чем он меньше, тем меньше в нем возможностей для развития.

Необходимым условием развития сообщества есть заполнение резервуара. Меньший резервуар заполнится быстрее, чем больший и поэтому менее емкие резервуары развиваются быстрее. Но возможности для развития на первом этапе ограничены массой населения, то есть емкостью резервуара. Существует даже минимальная емкость резервуара, при которой развитие практически невозможно. Например, критическая плотность населения у жителей субарктических зон и южных пустынь очень низка, но возникновение тут цивилизаций невозможно, потому что численность населения слишком мала. Поэтому, хотя первоначально лидирующими оказываются страны с меньшей массой населения, затем лидерство переходит к тем, которые обладают

большой территорией и большим населением. Второй закон резервуара определяет последовательность смены стран, которые находятся на острие прогресса. Поэтому его можно также назвать **законом смены лидера**.

Третий закон резервуара: при приближении критического коэффициента к единице в резервуаре растет социальная напряженность, оживляется экономика и усиливается централизация власти, при снижении критического коэффициента процессы идут в обратном направлении.

При заполнении резервуара жизненных благ все больше начинает не хватать на всех. Это стимулирует развитие сельского хозяйства. Кроме того, все больше людей не находят себе работы в сельском хозяйстве и начинают заниматься ремеслом. Это стимулирует торговлю, а в целом разделение труда. В любом резервуаре существуют как отдельные люди, так и социальные и территориальные группы, которые готовы к такому развитию событий и выигрывают от него. Поэтому экономическое развитие ускоряется.

Дальнейший рост населения создает все более сильный дефицит средств существования, и уровень потребления падает ниже соответствующего уровня развития. Все это порождает недовольство все большей части населения и не только крестьян, поскольку в доиндустриальных обществах обеднение крестьян создает трудности почти для всех прочих слоев населения. Поэтому социальное напряжение в обществе усиливается.

Население ищет выход из этих трудностей и часто находит его во внешней экспансии. Осуществить такую экспансию можно лишь под сильным централизованным руководством, не случайно в армии и сегодня приказ старшего – закон. Ради решения проблемы растущего критического коэффициента население готово подчиняться власти и поэтому происходит ее закономерное усиление. Кроме того, далеко не все из тех, для кого в сельском хозяйстве нет работы, находят ее в ремесле или торговле. Значительная часть таких людей пополняют ряды бродяг, воров, нищих. Поддерживать порядок в таких условиях может только сильная центральная власть. Кроме того, оживление экономики также требует усиления центральной власти для безопасности перевозки грузов и людей, строительства дорог и мостов, уничтожения внутренних таможен, преодоления произвола местных властителей и т.п.

Если же критический коэффициент снижается, появляется больше возможностей для желающих снова вернуться к труду в сельском хозяйстве, поэтому все вышеуказанные процессы идут в противоположном направлении. Таким образом, между уровнем развития и величиной критического коэффициента с одной стороны и развитием экономики, формами социальной организации и социальным состоянием общества существует определенное соответствие, поэтому третий закон резервуара может быть назван **законом соответствия**.

Таким образом, развитие человечества происходило путем перехода от менее интенсивной системе землепользования к все более и более интенсивным. Если схематически представить этот процесс в виде лестницы, то на нижних ее ступенях будут находиться охотники и собиратели, затем скотоводы, занятые пастбищным скотоводством. Такое скотоводство требует от населения лишь работу по выпасу и охране стад. Следующей ступенью будут наиболее примитивные формы земледелия: пойменное, подсечное и залежное. И, наконец, этот список венчают формы пашенного земледелия, наиболее ранние формы которого – двуполье и трехполье.

Однако, это только схема. В действительности все было гораздо сложнее. Во-первых, принцип достаточности ведет к тому, что структура деятельности была всегда сложной и включала в себя наряду, скажем, с подсечным земледелием пастбищное скотоводство, охоту и собирательство. Эти же

виды землепользования могут сосуществовать и с трехпольем, но их доля, особенно охоты и собирательства, будет незначительной. Первостепенное значение имеет удельный вес того или иного вида землепользования в балансе потребления населения.

Во-вторых, каждый из приведенных видов хозяйственной деятельности сам по себе содержит много ступеней интенсификации. Например, скотоводство может быть пастбищным, когда скот пасется на естественных пастбищах круглый год. Более интенсивна стадия скотоводства, при которой скот летом пасется на естественных кормах, а зимой содержится в стойле и кормят его заготовленным кормом. Еще более интенсивным является стойловое скотоводство, при которой скот содержится в стойле круглый год, а корма для него выращивают специально.

Подсечное земледелие при очень низкой плотности населения позволяет выжигать старый лес, что позволяет обходиться без вспашки. По мере нарастания плотности населения крестьяне были вынуждены сжигать все более молодой лес, чтобы сократить время ротации участка. Уменьшение палового материала потребовало вспашки, так как жара уже не хватало для разрыхления земли. Также для сокращения сроков ротации вместо кольцевания деревьев и ветровала стала применяться рубка деревьев. (Алексаха, с 17).

Пашенное земледелие без выжига леса может быть залежным. Дело в том, что при постоянном использовании участка под посев даже самые богатые черноземы через несколько десятков лет деградируют и сильно снижают плодородие. До появления синтетических удобрений эта проблема практически не имела решения, так как органики на всю используемую землю не могло хватить в принципе. Поэтому, если плотность населения была достаточно низкой, истощенный участок забрасывался на несколько лет (залежь) и плодородие восстанавливалось естественным путем. По мере нарастания плотности населения срок залежи все более сокращался пока, наконец,, участок не начинали засевать через год, каждый второй год оставляя его под паром. Еще более интенсивным было трехполье при котором участок в первый год засеивался в конце лета – начале осени (озимый оборот), затем через год – весной (яровой оборот) и все следующее лето оставался под паром. При последующей интенсификации земледелия пары начинают занимать кормовыми травами, севообороты все более усложняются, так что пары полностью исключаются. Более интенсивным, чем выращивание зерновых, является виноградарство, а самым интенсивным видом земледелия является овощеводство, особенно поливное с выращиванием рассады.

В заключение этого краткого обзора следует подчеркнуть, что каждый новый шаг по ступеням интенсификации означал падение производительности труда, поэтому население всячески этому противилось и искало выход прежде всего в миграциях. Очевидно, что если плотность населения увеличивалась до критической, то для населения было предпочтительней переселение на новые, менее заселенные земли, чем переход к более интенсивной хозяйственной деятельности. Это был магистральный путь, по которому человечество шло многие тысячелетия и благодаря которому оно заселило всю Землю.

В этой связи очевидной является важность миграций. Эта важность осознавалась историками всегда, но непонятной была причина миграций. Непонятно, почему народы живут в одном регионе многие столетия, практически не меняя свой ареал, а потом рано или поздно наступает период миграций, которые перемещают народы на многие сотни и тысячи километров, резко меняют карту их расселения. Именно неизвестность причины миграций привела к давнему противостоянию автохтонистов и миграционистов. В том и другом случае одно

состояние общества бралось как естественное, а другое – как исключение, вызванное случайными факторами. Иначе говоря, автохтонисты рассматривали неподвижность населения как нормальное состояние, а миграции – как следствие случайных факторов, а миграционисты – наоборот.

Предлагаемая модель развития позволяет рассматривать оба эти состояния общества как естественные, обусловленные его внутренним развитием. Сообщества, сохраняющие свое географическое положение стабильным – это сообщества, находящиеся в незаполненном резервуаре. Для таких сообществ характерен низкий критический коэффициент, неизменный уровень развития, медленные изменения материальной культуры, относительно слабые контакты с окружающим миром. Сообщества, резервуар которых заполнен, подвергаются воздействию высокого критического коэффициента, испытывают сильное внутреннее напряжение. Если рядом находится резервуар или резервуары с более низким критическим коэффициентом, то миграции неизбежны.

Таким образом, миграции не случайны, а подчиняются действию первого закона резервуара или **закона миграций. Миграции всегда есть следствие высокого критического коэффициента, а направление миграций задается разностью величины критического коэффициента, от большего к меньшему.**

Историкам хорошо известно, что обычно массовые миграции приурочены к определенному периоду времени, как, например, эпоха Великого переселения народов. С моей точки зрения такие периоды почти всеобщих миграций соответствуют наполнению резервуаров в агломерациях, что вызывает миграции не только одного народа, а многих народов, входящих в данную агломерацию. Обобщающий вектор миграций всегда был направлен от центра агломерации к ее периферии, даже если миграция начиналась не в самом центре агломерации. Следует отметить, что и археологи, и лингвисты давно поняли, что существуют некие области, «ядра», или «центры» из которых исходят миграции и культурные влияния. Однако природа таких центров до сих пор объяснена не была. Из предлагаемой модели развития, в частности из первого закона резервуара, как раз и следует теоретическое объяснение возникновения и функционирования центров долгосрочных влияний и миграций.

Миграции имеют большое значение лишь в течение определенного периода истории общества. Я назвал бы этот период периодом активных миграций.

Период активных миграций продолжался до начала массового распространения двуполья или трехполья.

Такая связь обусловлена тем, что переход к этим системам земледелия резко поднимает критическую плотность по сравнению с предшествующим подсечным земледелием. Рост критической плотности соответственно снижает критический коэффициент, что делает невозможными массовые миграции, так как такие миграции происходят только после заполнения резервуаров. Но самое главное, следствием перехода к двуполью и трехполью является качественное возрастание уровня развития населения, так как и трехполье и двуполье – довольно интенсивные системы земледелия. Возросший уровень развития и накопление больших масс населения за счет роста критической плотности делает возможным значительно более глубокое разделение труда. Именно поэтому **только после перехода к двуполью и трехполью начинается переход от племенных союзов к государству.** Качественно иная плотность населения и государственная форма его организации делают массовые миграции очень трудноосуществимыми, так как сопротивление таким миграциям резко возрастает.

С точки зрения предлагаемой модели можно выделить два типа миграций: **периферийные и экс-центральные миграции. Тип миграции зависит от того, из какой части**

агломерации резервуаров происходит миграция. Если мигрирует население из резервуара, находящегося на **периферии агломерации**, то миграция носит характер «расползания» ареала данного сообщества, занимающей этот резервуар. В этом случае плотность населения в данном резервуаре существенно не снижается, а, скорее, остается постоянной. Уровень развития также сильно не меняется, так же как и уровень интенсификации хозяйственной деятельности. Для возникновения периферийных миграций необходимо, чтобы между соседними агломерациями было относительно слабозаселенное пространство, жители которого ведут соответственно более экстенсивную хозяйственную деятельность, чем жители агломераций.

Экс-центральные миграции происходят из центра агломерации резервуаров. Критический коэффициент в центре практически всегда выше, чем на периферии. Когда критический коэффициент в центре агломерации существенно превышает единицу, может произойти интенсификация земледелия, если, согласно первому закону резервуара, соседние сообщества смогут оказать достаточное сопротивление попыткам сообществ в центре переселиться на их земли. Но может произойти отселение из центра на периферию агломерации, через земли соседних сообществ. В этом случае население центральных резервуаров, как правило, покидает их почти полностью. Это вызвано тем, что нужно преодолеть сопротивление соседей, через земли которых приходится пройти. Такое сопротивление, как правило, небольшим группам мигрантов не преодолеть. Кроме того, мы должны учитывать, что низкий уровень развития населения в течение периода активных миграций, при высоком критическом коэффициенте, делает невозможным безопасное существование отдельных, небольших групп людей. В те времена человек мог выжить, только если он был частью достаточно большого сообщества. Как показывает этнографический материал между соседними племенами, если они не входили в союз, велись постоянные войны и убить человека из чужого племени считалось подвигом. Именно поэтому люди старались держаться вместе, поскольку было опасно в малом количестве как переселяться на новые земли, так и оставаться на старых.

И экс-центральные и периферийные миграции являются **первичными миграциями**, то есть их возникновению не предшествуют непосредственно другие миграции. Однако вследствие первичных миграций могут возникать **вторичные миграции**. Если, например, произошла экс-центральная миграция и почти все население покинуло данный резервуар, то критический коэффициент в нем резко упал. Под действием первого закона резервуара в опустевший резервуар начнет переселяться население из соседних резервуаров, то есть произойдет вторичная миграция.

2. География.

Как следует из предлагаемой методологии, географическая среда определяла почти все особенности развития доиндустриальных обществ. Природа создает весь комплекс условий, в которых живет и развивается любое сообщество. Тут важно все: климат, рельеф, увлажненность и т.д. Географический регион, в котором с уверенностью можно локализовать ранних славян – это Центральная и Восточная Европа, то есть регион от Адриатики на юге до Балтийского моря на севере и от Рейна на западе до Урала на востоке. Для всего этого региона характерно отсутствие изолированных природных резервуаров. Карпатская горная система отделяет бассейн Среднего и Нижнего Дуная от равнинных районов современной Польши и Германии на севере и Украины и Белоруссии на востоке. Однако она относительно невысока и во многих местах легко преодолима.

Именно в этом и состоит специфика рассматриваемого региона. Вследствие действия первого закона резервуара тут не могло возникнуть особенно продвинутых по пути прогресса сообществ. Если, по какой-то причине, критический коэффициент в каком-то резервуаре становился существенно выше, чем в соседних резервуарах, то обязательно происходил прорыв стенок резервуаров, миграция и выравнивание критических коэффициентов. По причине действия этого механизма не могло возникнуть и существенной разницы в степени интенсификации хозяйствования. Поэтому переход, скажем, к подсечному или к пашенному земледелию происходил в Центральной и Восточной Европе довольно быстро на огромных пространствах.

Принципиальное различие на рассматриваемой территории создавал характер растительности, то есть весь регион делится на две большие зоны – степную и лесную. Это важно потому, что интересующий нас период истории на территории Восточной и Центральной Европы относится к периоду активных миграций: до появления двуполья и трехполья, но после перехода к производящему хозяйству, то есть скотоводству и земледелию. Следовательно, это был период, когда на Евразийских просторах господствовало пастбищное скотоводство и наиболее примитивные формы земледелия – пойменное и подсечное.

В открытой степи деревьев нет, и поэтому тут возможно было главным образом пастбищное скотоводство. Для нас, людей современного мира, бывает непросто понять, что действие закона Бозеруп в то время делало невозможным земледелие там, где не было деревьев. Вспахать степные черноземы можно было только плугом – почвообрабатывающим орудием, подрезающим и переворачивающим пласт земли. Дернину степных трав нужно было подрезать, а затем переворачивать, чтобы их наземная часть оказалась засыпана землей, иначе они вновь начали бы расти. Переход к такой обработке почвы означал резкое увеличение критической плотности и, следовательно, емкости резервуаров, так как земледелие

в этом случае выходило бы на степные просторы. Однако переход к плужной обработке почвы означал сильное падение производительности труда. Пахота плугом, особенно подъем целины, была очень тяжелым занятием, тащить его могли только несколько тягловых животных, которых нужно было содержать целый год. Сам по себе плуг также был довольно сложным и дорогим орудием. Спонтанный переход к плужному земледелию у кочевников ни разу не был зарегистрирован этнографами, потому что слишком большим было падение производительности труда при переходе от пастбищного скотоводства к плужному земледелию. Именно поэтому оседание кочевников на землю, происходившее под действием высокого критического коэффициента, практически всегда происходило в зоне леса, то есть там, где деревья позволяли практиковать подсечное земледелие. Появление же в степи плужного земледелия было возможно лишь после того, как рост плотности населения в лесной зоне вынудил земледельцев перейти к трехполью и только потом, после очередного заполнения резервуаров в лесной зоне, земледелие могло выйти в степь, что произошло на Восточноевропейской равнине лишь в XVI веке.

Вместе с тем нельзя утверждать, что земледелия в степи вообще не было. В степи в поймах рек и даже в крупных балках существовали участки, на которых было возможно пойменное земледелие. Кроме того, также в долинах рек и балок существовали лесные массивы, так что подсечное земледелие тут также было возможно, однако в целом в степи участки, на которых было возможно как пойменное, так и подсечное земледелие были незначительны, что и определило соответствующую роль земледелия по сравнению со скотоводством.

Очевидно, что в лесной зоне возможности для земледелия в то время были несравненно больше. Принципиальная разница при обработке степных и лесных почв на выжженных участках состояла в том, что первые были покрыты мощной дерниной корневищных трав, а вторые вообще лишены каких-либо сорняков, да еще и разрыхлены сильным огнем. Примитивные рала, найденные в болотах в нескольких местах Европы, вообще не имели металлических частей. Собственно говоря, как уже отмечалось выше, на Восточноевропейской равнине достоверно зарегистрирована практика, когда разбросанные по палу семена заделывались вершалиной – верхней частью ели с обрубленными сучьями., Это легкое и простое орудие таскали по участку вручную. (Чубинский. с. 17, 20; Советов. с. 19). Вместе с тем в лесной зоне с успехом можно практиковать и пастбищное скотоводство.

Эти обстоятельства предопределили существенную разницу в величине критической плотности в лесной зоне и степи, так как даже примитивное подсечное земледелие создавало большую емкость лесных резервуаров по сравнению со степными, где население, как правило, жило практически только за счет пастбищного скотоводства. Следовательно, согласно второму закону резервуара, степные резервуары должны были развиваться быстрее, чем лесные. Далее, население степи должно было находиться под действием более высокого критического коэффициента, что, согласно третьего закона резервуара, определяло более высокую военную активность степняков.

Вследствие того, что заполнение резервуаров вынуждало население степи рано или поздно переходить к земледелию в лесных районах, в степи постоянно, на протяжении тысячелетий, происходил циклический процесс. Сперва, пока критический коэффициент был низок, население степи вело относительно мирную жизнь. Затем по мере нарастания критического коэффициента в степи усиливается напряжение. В соответствии с третьим законом резервуара все чаще

происходят столкновения между племенами, угоны скота и. т.п. Усиливается натиск кочевников и на земледельцев. Происходит усиление и централизация власти. Племена объединяются в крупные союзы, вожди наделяются неограниченной властью и, возможно, даже обожествляются. Наконец напряжение достигает апогея, после чего начинается оседание степного населения в лесных районах и его переход к подсечному земледелию. Хотя далеко не все население переходит к земледелию, критический коэффициент в степи резко падает. Поэтому в данный резервуар начинает переселяться население из других степных районов. Вследствие этих процессов в степи постоянно менялись народы, языки и культуры.

Евразийский степной пояс, протянувшийся от Монголии до Карпат, не везде граничит с районами, благоприятными для ведения подсечного земледелия. Поэтому оседание кочевого населения происходило на периферии этого пояса неравномерно. Суровый климат Сибири мало благоприятствует росту зерновых, хотя лесостепной район на южной границе тайги, особенно в долине Иртыша, имел определенное значение. Также немного возможностей для подсечного земледелия дают горные районы Средней Азии и, кроме того, они в своем большинстве отделены от степей обширными пустынями. Гораздо больше для этого возможностей в Европе. Это Северный Кавказ, район лесостепи на Средней Волге, украинская лесостепь, горный Крым и восточная часть Карпатской горной системы. Вдоль Нижнего Дуная степь коридором ведет вглубь Европы к венгерскому степному острову, так называемой пуште. По этому коридору прошли очень многие степные народы, чтобы осесть в Средней Европе.

Вследствие того, что в Европе для оседания кочевых народов было больше возможностей, тут оседало большее количество кочевников. В результате процессы в степном поясе Евразии напоминали действие «насоса»: в европейских степях происходило оседание очередного кочевого народа, вследствие чего критический коэффициент тут падал и, на освободившееся место, с востока приходила новая волна кочевников, затем цикл повторялся. Оседание кочевников на землю наглядно показывает, как мала была емкость степных резервуаров. После того как очередной кочевой народ оседал в лесных районах, становилось очевидным, как мало было людей в степи, потому что масса населения лесной зоны после этого существенно не менялась.

Оседание степных народов первоначально происходило не в собственно лесной зоне, а зоне лесостепи, то есть промежуточной зоне между лесом и степью, и лишь позднее бывшие кочевники могли расселиться глубже в лесную зону. Зона лесостепи, хотя и протянулась вдоль всей лесной зоны, далеко не везде одинакова. Наиболее обширные районы лесостепи располагаются вдоль течения крупных рек, пересекающих эту зону. Это обусловлено тем, что фактором, ограничивающим рост лесов в этой зоне, является недостаток влаги. На границе с лесом достаточно даже небольших понижений рельефа для того, чтобы тут хватало почвенной влаги для роста лесов. Именно поэтому вблизи течения крупных рек, где влажность почвы выше, леса заходят далеко в степь и образуют большие массивы, перемежающиеся с участками степи, находящимися на возвышенностях. В пределах Восточноевропейской равнины таких мест не так уж много, и они существенно разнятся между собой по размерам и значению для истории. Небольшим резервуаром такого типа являются верхнее течение Южного Буга, несколько более крупным верхние и средние течения Северского Донца, Дона и Днестра. Но наибольшее значение для истории всей Восточной Европы имел среднеднепровский лесостепной резервуар. Он расположен на правобережье Днепра и включает в себя лесные массивы в верховьях

Ингульца, бассейнов Тясмина и Роси и далее на север вплоть до лесной зоны.

Следует отметить, что на территории Восточной Европы есть резервуар существенно больше среднеднепровского. Это вышеупомянутый средневожжский резервуар. Однако, в соответствии со вторым законом резервуара, не средневожжский, а именно среднеднепровский резервуар наполнялся раньше и выходцы именно из этого резервуара заселили большую часть территории зоны лесов.

В течение периода активных миграций, тогда, когда население уже перешло к производящему хозяйству, но еще не перешло к трехполью, **лесостепь имела самую высокую критическую плотность населения**. Именно в пределах лесостепи на участках степной растительности травяной покров был самым лучшим, так как здесь осадков выпадает больше, чем южнее, то есть в степи. Но важнее всего, что в лесостепи возможностей для подсечного земледелия было даже больше чем в лесной зоне. Дело в том, что в лесной зоне подсека возможна только на берегах рек, так как в глубине леса слишком велика затененность и переувлажненность. Данные о том, что это было именно так, имеются для севера России (Бергштрассер. с. 43; Засодимский. с. 7; Шахов. с. 30), для Украинского Полесья (Левитский. с. 12; Фогель. с. 219), для тропиков (Bartlett. с. 801), и для Америки, (Hartman с. 118). В лесостепи же подсека возможна на участках отдельно стоящего леса, что исключает затененность и переувлажненность, ведь лесостепь переизбытком влаги не отличается. Кроме того, тут преобладают оподзоленные черноземы, а главной лесобразующей породой тут является дуб (Атлас почв Украинской СССР. с. 10). Широколиственные леса, особенно дубовые, считаются самым выгодными для выжига. С учетом этих факторов становится очевидным, что подсечное земледелие именно в условиях лесостепи должно было давать рекордные урожаи – в два раза больше чем в зоне лесов, притом, что участок использовали в 2-3 раза дольше, до 8 лет (Gwagnini. S 215-216).

Кроме того, следует учитывать, что и этнографические данные и письменные источники свидетельствуют о значительной роли желудей в питании населения. Желуди были также прекрасным кормом для свиней, которых пасли в дубовых лесах. Основные же массивы дуба в Восточной Европе находятся в лесостепи.

Таким образом, несмотря на то, что, как это отмечалось выше, в Центральной и Восточной Европе нет изолированных природных резервуаров, благоприятные природные условия создают резервуары, отличающиеся большей критической плотностью. Такие резервуары по размерам относительно невелики, так как особо благоприятные природные условия уже по определению не могут охватывать очень большие площади. Кроме лесостепных резервуаров на границе леса и степи следует отметить также Волынский резервуар. Его особенностью является то, что он расположен в глубине лесной зоны среди Полесья, уникального района для всей Восточной и Центральной Европы. Заболоченных земель в Европе немало, но такого массива переувлажненных земель как Полесье, больше нет нигде. Площадь Полесья составляет примерно 100 тыс. кв. км. Название Полесье лингвисты объясняют не производным от славянского «лес», а от балтийского *palios* – литовское «топь», «большое болото» (Катонова с.99). Собственно Полесье – это, главным образом, бассейн Припяти, который представляет из себя гигантскую плоскую котловину, имеющую слабое понижение на восток. Вся эта котловина плохо дренирована, что обусловлено близким залеганием плотных, слабодренирующих горных пород, на западе – мела и мергелей мелового возраста, в центре – кристаллических пород. Над плотными породами залегают в основном пески и супеси, отложенные талыми водами древнего ледника. Среднегодовое количество осадков невелико– 550-700 мм,

но испаряемость мала - 400-450 мм. При таком водном балансе и плохой дренированности, неизбежным является почти повсеместное высокое стояние грунтовых вод, вследствие чего тут переувлажнены и заболочены значительные территории. Еще в XIX в. для того чтобы добраться до соседнего населенного пункта, расположенного по прямой в 3 – 4 км. нужно было проехать 20 и более километров, объезжая болота (Военно-статистическое описание Волынской губернии с.14-15).

Более 10% всей площади Полесья занимают торфяники и торфяно-болотные почвы, остальные почвы представлены в основном песчаными, подзолистыми почвами, которые бедны питательными веществами, содержат незначительное количество гумуса. Для роста зерновых серьезным препятствием служит даже не бедность почв, а их переувлажненность. Зерновые, которые являются растениями степей, за исключением риса и, в гораздо меньшей степени, овса, очень плохо переносят избыточную влагу. Вот, например, что пишет современник о выращивании зерновых на Полесье в XIX в. «Часто озимые посевы очень хороши, но весенние воды, не имея стока, долго застаиваются на полях и уничтожают все труды хозяина» (Левитский с.12). На этом фоне выделяются возвышенные участки территории, на которых в условиях достаточного дренажа сформировались пятна лессовидных карбонатных суглинков. Эти почвы отличаются более высоким плодородием, чем окружающие их песчаные дерново-подзолистые. Наибольший массив таких почв в Полесье находится на Волынской возвышенности, хотя есть и другие, значительно меньшие районы, например, Словечанско-Овручский кряж.

Собственно Волынь расположена в пределах Полесья, но представляет из себя возвышенность, протянувшуюся с запада на восток примерно на 220 км, при ширине около 50 км. С юга ее ограничивает Малое Полесье, так же переувлажненное, как и Большое. В условиях хорошего дренажа на Волынской возвышенности сформировались лесостепная растительность на серых и светло-серых оподзоленных почвах (на западе и востоке) и оподзоленных черноземах в центре. Таким образом, Волынская возвышенность – это своего рода лесостепной остров, окруженный со всех сторон Полесьем с его переувлажненными и бедными почвами, непригодными для выращивания зерновых пространствами. Это природный резервуар, небольшой для Восточной Европы, который должен был, согласно второму закону резервуара, наполняться быстрее, чем прилегающие к Полесью районы лесной и лесостепной зоны. Такие резервуары в условиях Центральной и Восточной Европы были центрами миграций, которые распространяли на прилегающие территории культурно-этнические влияния. То есть эти резервуары в течение периода активных миграций были долгосрочными донорами миграций, а прочие территории – реципиентами миграций.

Поскольку в резервуарах - донорах критический коэффициент был, как правило, больше, тут была несколько выше и интенсификация землепользования. Миграции из резервуаров - доноров могли распространять, таким образом, также навыки более интенсивного землепользования.

Итак, в течение периода активных миграций, то есть до распространения трехполья, что произошло в Восточной Европе не ранее VIII - IX вв., основным видом земледелия было подсечное земледелие. По определению оно связано с лесами. В настоящее время почти все леса в лесостепи вырублены, а в лесной зоне они остались главным образом на неудобьях. Однако там, где когда-то росли леса, остались лесные почвы. Поселения в лесостепи группируются в основном там, где когда-то росли леса, в то время как на степных почвах поселений практически нет. Важно, что поселений нет и там, где среди лесов на территориях с

хорошим дренажем сформировались большие массивы степных черноземов. Такие массивы, например, расположены на Подольской возвышенности и на Киевском плато, это так называемое Перепетово поле древнерусских летописей. То, что эти черноземные районы находились далеко за большими, густо заселенными в древности лесными массивами, делает невозможным предположение, что лесостепное население селилось в пределах лесов, чтобы таким образом защищаться от кочевников. Концентрация населения в лесных районах лесостепи и на границе леса свидетельствует, что оно практиковало подсечное земледелие, а степные участки использовало для пастбищного скотоводства.

Особенно много поселений было в бассейне Тясмина и верховьях Ингульца, в зоне сплошного леса. Почти без перерыва этот сгусток поселений продолжается выше по Днепру – в бассейне Роси и прибрежной полосе Днепра до впадения в него Десны. В древности эта двадцатипятикилометровая полоса вдоль Днепра была занята сплошным лесом. Очень много поселений в среднем течении Южного Буга. Еще больше их в среднем течении Днестра и прилегающем верхнем течении Прута. Довольно густо в древности были заселены верхние течения правых притоков Припяти, а вот среднее их течение было заселено слабо. Это объясняется тем, что именно тут находятся наиболее заболоченные земли Полесья, которые мало годятся для выращивания зерновых. Плотнее всего в Полесье была заселена Волынская возвышенность с ее плодородными оподзоленными черноземами.

Левобережье в древности было заселено намного слабее, чем Правобережье. Поселения тут также сосредоточены, главным образом, в районах лесных почв, которых здесь намного меньше, чем на Правобережье, так как чем дальше на восток, тем сильнее континентальность климата. Наибольшие скопления поселений находятся в пределах крупного лесного массива в верхнем течении Северского Донца. Довольно много поселений по среднему течению Ворсклы, особенно на ее правобережье, там, где в древности был расположен большой лесной массив. Имеются также скопления поселений в среднем и верхнем течении Псла и Сулы, где в древности были лесные массивы. Значительно больше поселений на Левобережье находилось по Сейму и севернее него по Десне, то есть там, где начинается уже лесная зона.

То, что поселения разных культур, разделенные столетиями и даже тысячелетием, группировались на определенных территориях, разумеется, не случайно. Это происходило потому, что эти районы имели особо благоприятные условия для хозяйственной деятельности населения, или, пользуясь нашей терминологией, они имели более высокую критическую плотность. Это и есть природные резервуары, о которых речь шла выше.

Существуют и другие факты, подтверждающие то, что в рассматриваемый период население практиковало подсечное земледелие. Практически все поселения этого времени, за исключением крупных укрепленных пунктов, которых было очень мало, были небольшими по размерам и недолговременными. Подсечное земледелие может обеспечить критическую плотность населения на порядок ниже той, которую обеспечивает трехполье. Поэтому население все это время было очень редким и поселения маленькими. Кроме того, при подсечном земледелии участки, пригодные для выжига, расположены далеко друг от друга, а времени для восстановления леса на них нужно не менее 30 лет. Поэтому, когда население использовало все пригодные участки в данной местности, оно должно было переселяться в новый район, так как путь к участкам становился слишком длинным. Именно действие этих факторов и создавало наблюдаемую картину расселения.

В степи поселения сосредоточены в долинах крупных рек, особенно Днепра. В открытой степи поселений нет. Как уже отмечалось выше, в степи было возможно пойменное земледелие в поймах рек, кроме того, тут были прекрасные возможности для рыбной ловли.

3. Лингвистика и археология.

Название этой книги вынужденно неточное. Оно скорее дань традиции, так как происхождение славян науке известно довольно давно. Языки славянской группы входят в индоевропейскую языковую семью, в которую также входят языки германской группы (английский, немецкий, голландский, шведский, норвежский, датский, исландский), языки романской группы (итальянский, французский, испанский, португальский, каталонский, румынский), языки иранской группы (иранский, курдский, таджикский, афганский и др.), языки индоарийской группы (хинди, бенгали и др.), языки кельтской группы (ирландский, уэльский, бретонский), языки балтийской группы (литовский и латышский) и изолированные языки (греческий, албанский, армянский).

Кроме названных выше, в индоевропейскую семью входило много ныне вымерших языков. Разумеется, это не означает, что вымерли все носители того или иного языка. Обычно население переходило на новый язык, а прежний оказывался забытым. Как свидетельствуют данные этнографов, для первобытных народов язык был только средством общения и они очень легко переходили на новый язык, забывая свой родной. При ассимиляции одного языка другим победа всегда полная, то есть в победившем языке от языка побежденного могут остаться лексические заимствования, некоторые фонетические особенности и т.п., но в целом население полностью переходит на новую языковую систему. Именно поэтому все ныне существующие индоевропейские языки являются прямыми потомками индоевропейского праязыка.

В древности, когда народы не знали письменности, для ассимиляции нужен был непосредственный контакт носителей разных языков. Ассимиляция происходила в результате миграций, когда в данный резервуар прибывали мигранты извне. Кто кого в этом случае ассимилирует, зависит от многих факторов, среди которых главные – это **соотношение численности населения противоборствующих сообществ, величины их критических коэффициентов и уровней их развития**. Очевидно, что преимущество имеет та сторона, у которой эти факторы выше.

В течение периода активных миграций обычно миграции исходили из резервуаров-доноров. Как уже отмечалось выше, в этих резервуарах население накапливалось быстрее, критический коэффициент и уровень развития были несколько выше. Поэтому можно предположить, что мигранты имели критический коэффициент и уровень развития несколько выше, чем аборигены, а в численном отношении, по-видимому, преимущество имели аборигены. И все же преимуществ у мигрантов было больше. Если же имело место вторичная миграция, то уровень развития мигрантов мог быть несколько ниже, чем у оставшегося аборигенного населения, критический коэффициент несколько выше, а вот численное преимущество почти наверняка было на стороне мигрантов. Таким образом, в течение периода активных миграций, с большей долей вероятности можно утверждать, что **в большинстве случаев каждая миграция вела к смене языка аборигенного населения**. Эту закономерность можно назвать **правилом последней миграции**.

Чем выше уровень развития населения, тем меньше нужно мигрантов для перехода на новый язык. Например, если в обществе нет социальной стратификации, то число мигрантов должно быть сопоставимо с числом аборигенов. Но если уже возникла племенная аристократия, то переход на новый язык может произойти, если

мигранты сумели занять в обществе господствующее положение, хотя их может быть существенно меньше чем аборигенов. В обществах, где уровень развития достаточно высок для возникновения формализованной религии, ассимиляция может произойти, даже если мигранты составляют незначительный процент. Так было, например, во время арабских завоеваний. Арабы несли с собой ислам, и их язык становился языком новой религии, что способствовало ассимиляции арабами покоренных народов. В частности население Египта ко времени арабского завоевания составляло несколько миллионов, в то время как арабов переселилось в Египет несколько тысяч, но египтяне перешли на арабский язык, правда процесс этот растянулся более чем на тысячелетие.

Отношения между разными языками далеко не всегда сводились к ассимиляции одного языка другим. Если при периферийных миграциях вследствие роста плотности населения границы соседних сообществ смыкались, и общение между представителями этих сообществ усиливалось, но миграций на территорию соседей не происходило, то могло возникнуть состояние **языкового союза**. Оно было обусловлено равновесием критических коэффициентов и масс населения в соседних резервуарах. В этом случае происходило сближение соседних языков, возникали совместные инновации и обмен лексикой, но в конечном счете до ассимиляции дело могло и не дойти.

Наиболее естественным развитием языка, по мере увеличения числа его носителей и расселения их на все большей площади, было возникновение новых диалектов вследствие того, что расстояния препятствовали общению среди носителей языка, это так называемая модель языкового древа. Считается, что чем больше времени прошло после разделения родственных диалектов, тем сильнее они разнятся. На этой основе возник метод глоттохронологии, согласно которому по степени отдаленности языков можно определить время их разделения.

Следует отметить, что хотя накопления различий в родственных языках несомненно происходят с течением времени, в разных обстоятельствах равные периоды времени могут иметь разное значение для развития языка. Например, если носители какого-то языка живут в резервуаре с низким критическим коэффициентом, то их уровень развития будет оставаться неизменным до тех пор, пока критический коэффициент не превысит единицу, то есть пока резервуар не заполнится. Все виды деятельности населения в течение этого времени будут меняться очень слабо, если вообще будут. Хозяйственная деятельность будет оставаться неизменной, типы жилищ, керамика, одежда будут меняться медленно и эволюционно. Изменения в языке также будут очень медленными. Однако, как только резервуар заполнится, согласно третьему закону резервуара начнется ускоренное развитие экономики, интенсификация земледелия, возникнут новые социальные институты. Новые явления в жизни обязательно потребуют соответствующих названий и понятий. Рост экономической активности может повлечь за собой усиление или возникновение обмена с другими резервуарами, следовательно, усилятся языковые контакты с иноязычным населением. Кроме того, рост критического коэффициента может привести к попытке выйти за пределы резервуара, что также повлечет за собой контакты с иноязычным населением, следовательно, иноязычные заимствования. Таким образом, состояние населения, которое определяется высотой критического коэффициента, влияет и на скорость языковых инноваций.

Поскольку мы далее в той или иной степени будем говорить кроме индоевропейских также о языках других языковых семей, приведем краткую справку о составе этих семей. Для нашего исследования важны сведения о языках Кавказа. В картвельскую языковую семью входят грузинский, мегрельский, лазский и сванский языки. Кроме того, на Кавказе

говорят на языках северовостокавказской и северозападнокавказской языковых семей. В первую входят языки Дагестана и нахские языки (чеченский, ингушский и бацбийский), во вторую адыгейский, кабардино-черкесский, абхазский и абазинский. Существует предположение, что северокавказские языки образуют макросемью, но это мнение оспаривается. Если даже западно - и восточносеверокавказские языки когда-то произошли от общего предка, то было это очень давно, так как разделение восточносеверокавказского праязыка на отдельные языки лингвисты относят к концу III тысячелетия до н. э. (Алексеев, с. 156-165).

Уральская семья языков делится на две ветви: самодийская ветвь включает в себя ненецкий, энецкий, нганасанский и селькупский языки. Финно-угорская ветвь включает в себя следующие группы языков: прибалтийско-финская (финский, ижорский, карельский, людиковский, вепсский, водский, эстонский, ливский); саамская; мордовская (эрзянский и мокшанский); марийская; пермская (коми-зырянский, коми-пермяцкий, удмуртский); угорская (венгерский, мансийский, хантыйский). Марийский и мордовские языки иногда объединяют в волжскую группу. Языки прибалтийской, волжской и пермской групп существенно ближе между собой, чем с угорскими языками. Достоверных заимствований из языков уральской семьи в общеславянском нет.

Афразийская (или семито-хамитская) макросемья имеет в своем составе шесть семей языков. Это берберо-ливийская (берберские языки Сахары), египетская (вымерший древнеегипетский язык), кушитская (языки Северо-востока Африки), омотская (языки юго-запада Эфиопии), чадская (распространены в районе оз. Чад и в Судане) и семитская (арабский, иврит, мальтийский, амхарский, тигре и др.).

В алтайскую семью входят три ветви: тюркская, монгольская и тунгусо-манчжурская. Кроме того, к алтайской семье некоторые лингвисты относят также японский и корейский языки в качестве отдельных ветвей. Тюркская ветвь языков распалась относительно поздно, примерно на рубеже нашей эры на две подветви: болгарскую (чувашский и вымершие хазарский, болгарский) и собственно тюркскую, которая в свою очередь делится на западнотюркские языки (турецкий, азербайджанский, туркменский, караимский, крымскотатарский, татарский, башкирский, ногайский, киргизский, узбекский, казахский и вымершие языки – печенежский, половецкий) и восточнотюркские (хакасский, шорский, алтайские языки, тувинский, якутский). Монгольская ветвь языков распалась не ранее V в. н.э., вследствие чего монгольские языки близки между собой и делятся на северомонгольские языки (собственно монгольский, бурятский, калмыцкий и др.), южномонгольские языки (шира-югурский, дунсянский и др.), могольский язык и киданьские языки (киданьский, даурский).

Для нашего исследования большой интерес представляет распад индоевропейского языка, поскольку с выделением славянского и начинается собственно история славян. Как полагают лингвисты, ранее всего от единого индоевропейского языка отделились анатолийские языки (хетто-лувийские), в историческое время зафиксированные на территории Малой Азии. Произошло это не позднее IV тыс. до н.э. Через некоторое, лингвистически ощутимое время после этого, индоевропейский язык разделился на две общности, в одну из которых входили предки арийских (арийский – единый праязык из которого затем образовались нуристанские языки и индоиранский праязык, распад которого привел к формированию дардских, иранских и индоарийских языков), балтийских, славянских, германских языков, а также греческого и армянского. В другую общность входили предки итальянских, кельтских и тохарских языков (тохарские языки – вымершие языки, существовавшие в восточной части Центральной Азии). (Тохарские языки). Еще через некоторое время первая из этих общностей распалась и образовала две новые общности. В первую из таких общностей вошли праязыки арийцев, греков, армян (Гамкрелидзе, Иванов. с 415). В эту же общность, вероятно, входили предки

впоследствии вымерших языков: фригийского, македонского и фракийского. Вторую языковую общность образовали будущие германский, балтийский и славянский языки (Гамкрелидзе, Иванов. с 415).

Следующим этапом стал распад языковых общностей и образование языков, которые уже фиксируются письменными памятниками. Такими памятниками являются глиняные таблички с надписями на микенском диалекте древнегреческого языка, которые ученые относят к середине II тыс. до н.э. Лингвисты полагают, что прямым потомком микенского диалекта был аркадско-критский диалект, который наряду с эолийскими образует центральную группу диалектов. Для такой дифференциации нужно время, поэтому лингвисты относят распад общегреческого языка к концу III-началу II тыс. до н.э. (Гамкрелидзе, Иванов. с 864)

Еще одним ранним памятником индоевропейских языков являются религиозные тексты иранцев «Авеста» и индоариев «Ригведа». Хотя иранские и индоарийские языки образуют разные группы, они довольно близки между собой, что заставляет предполагать довольно поздний раздел этих языков. Некоторые отрывки «Ригведы» находят прямые аналогии в текстах «Авесты», а языки этих памятников весьма близки между собой. Возникновение этих памятников лингвисты относят ко второй половине – концу II тыс. до н.э. (Gonda. p.20-23).

Следует отметить, что если анатолийские языки настолько сильно отличаются от других индоевропейских языков, что многие ученые долго сомневались в том, принадлежат ли они вообще к индоевропейской семье (Краузе с. 48), то такой разницы между остальными языками индоевропейской семьи не ощущается. Поэтому, скорее всего распад индоевропейской языковой общности, после выделения анатолийского, произошел лингвистически примерно одновременно для оставшихся в ней групп языков. Судя по времени распада общегреческого языка, произошло это в III тыс. до н.э. Следовательно, именно в это время предки славян выделились из индоевропейской общности.

Первые письменные источники на славянских языках относятся лишь ко второй половине IX в. н.э. Как развивался славянский язык с III тыс. до н.э. до конца I тыс. н.э. мы знаем лишь на основании лингвистических реконструкций. Славянская группа языков состоит из трех подгрупп: западной (польский, кашубский, чешский, словацкий, верхнее - и нижнелужицкие языки, вымерший полабский язык), южной (болгарский, сербохорватский, македонский, словенский языки) и восточной (русский, украинский и белорусский языки).

Разделение единого общеславянского языка произошло удивительно поздно – лишь в VII – VIII в. н.э. (Мейе с.13). До этого периода «...славянская область ... была поразительно однородной в лингвистическом отношении. Это можно объяснить лишь предположением того, что незадолго до этой даты (приблизительно до IV в. н.э.) славяне обитали на относительно небольшой территории, внутри которой связи и передвижения населения между различными племенами были частыми и легкими». (Stieber с 108). Вот еще одна цитата: «Несмотря на самые изощренные методы сравнительно-исторического языкознания, удастся реконструировать не более 5 диалектных различий, не идущих глубже V в.» (Бирнбаум, с 454-455). Именно потому, что распад общеславянского языка произошел относительно поздно, сейчас все славяне, хотя и с трудом, но могут понять друг друга.

Этот факт является просто поразительным. Славяне появляются на исторической арене как очень большой народ – и вместе с тем незадолго до этого их было немного и жили они на небольшой территории. Это тоже удивительно, потому, что небольшой народ в условиях Восточной

Европы просто не мог существовать длительное время, не подвергаясь ассимиляции. Подобные явления возможны лишь в условиях сильно пересеченной местности: в горах, на островах и т.п. Этот достойный внимания факт дает нам **критерий бездиалектности**, который с одной стороны должен помочь нам в интерпретации имеющихся фактов, а с другой стороны должен сам быть объяснен. Итак, выводы лингвистов позволяют нам предположить, что до IV в. н. э. славян было немного и занимали они маленькую территорию. Начиная с IV - V вв., территория, занимаемая славянами, увеличивается, но остается единой, так как именно в это время возникают первые диалектные различия. С VII в. славянская общность распадается, отдельные группы славян расселяются на большие территории и начинают формироваться языки.

Для целей нашего исследования также очень важны языковые контакты славянского языка, то есть заимствования в славянском из других языков и славянские заимствования в этих языках. Наиболее близки к славянским языки балтийской группы. Балтийская группа языков делится на две подгруппы - восточная (литовский, латышский и латгальский) и западная (вымершие прусский, ятвяжский, куршский и др.). Разница между этими группами настолько велика, что лингвисты даже высказывают сомнения, существовал ли единый балтийский язык: «славянский имеет ряд общих черт не со всеми известными балтийскими языками, а лишь с частью их, обычно либо с восточнобалтийскими либо с западнобалтийскими или же с одним из последних. Такая ситуация предполагает раннее распадение общепалтийского если постулирование однородного балтийского вообще реально» (Бирнбаум с.30). Впрочем, высказывалось предположение, что общепалтийский язык распался в конце II тыс. до н.э. (Мажюлис).

Балтийские языки и славянский язык имеют ряд важных общих черт: значительное число лексических единиц, характерных только для славянского и балтийских языков; двойственные и параллельные рефлексy, некоторые сильные сходства в акцентологии; некоторое сходство в грамматике и словообразовании. (Бирнбаум с. 30-32). В настоящее время известно свыше 1600 слов, которые являются общими для балтийских языков и общеславянского языка (Lehr-Splawinski S 25). При этом около 200 общих слов присутствуют только в балтийских и славянском (Дини, 164). Различия в лексике между балтийскими языками и славянским меньше, чем между немецким и норвежским, которые входят в одну языковую группу и это при том, что славянские и балтийские образуют разные языковые группы. Такой степени близости между разными языковыми группами в индоевропейской языковой семье больше нет. Было высказано даже мнение, что литовский язык может заменить неизвестный нам общеславянский язык (Георгиев с 50). Однако между лингвистами нет единодушия по поводу степени родства славянского и балтийских языков.

Некоторые лингвисты полагают, что существовал балто-славянский язык, который распался сравнительно недавно, не ранее середины I тыс. до н.э. Разделение языков произошло уже после появления железа, так как для этого металла в этих языках существует общее название. Железный век на территории Восточной Европы начался не одновременно, примерно с VIII по V в. до н.э., что и дает основания для датировки разделения языков.

Другие лингвисты считают, что единого балто-славянского языка не существовало, так как между этими языками нет переходных звеньев и их общие черты есть следствие очень длительных контактов (Филин с 128; Трубаев 1991. с 17 и сл.), то есть языкового союза. Решающим, однако, является реконструкция балто-славянского языка. Если такой язык существовал, то он должен был пройти определенный период развития после выделения из индоевропейского и этот период должен быть общим, как для славянского, так и для балтийского. То есть, в языковых реконструкциях от славянского до индоевропейского, и от балтийского и до индоевропейского, должен быть период абсолютно одинакового развития. Но этого как раз и нет и хотя попытки реконструировать балто-славянский язык предпринимались и не раз, успешными их назвать нельзя. Поэтому более вероятной является та точка зрения, что балтийский и славянский выделились из индоевропейского отдельно, но потом долгое время находились в тесном контакте, то есть речь может идти о языковом союзе. Есть немало фактов, подтверждающих эту точку зрения. Например, если для железа балты и славяне имеют общее название, то для такого важного металла как медь и сплавы из нее (бронза) в славянском

и балтийских существуют разные названия (Трубачев 1991 с. 16). Это свидетельствует в пользу того, что в ранний период своего существования эти языки развивались отдельно. Отметим, что отношения этого языкового союза были не равноценные. Как отмечено выше, славянский имел контакты не со всеми известными балтийскими языками, а лишь с частью их, обычно либо с восточнобалтийскими либо с западнобалтийскими. Следовательно, славянский язык был един, то есть, славян было мало, балтийский же был уже разделен на группы и отдельные языки, то есть балтов было много, и они занимали большую территорию.

Необыкновенная близость славянских и балтийских языков требуют от нас уделить последним особое внимание. В первую очередь нас интересуют связи балтийских языков с другими языками. Наиболее тесные языковые связи у балтов были, как уже сказано, со славянами. На втором месте стоят контакты с финскими языками. Эти контакты были достаточно сильными и оставили следы, как в балтийских, так и в финских языках, причем особенно сильные в прибалтийско-финских. Древность заимствований подтверждается тем, что слова из балтийских языков попали в язык прибалтийских финнов тогда, когда прибалтийско-финские и волжско-финские языки были фонетически очень близки. Поскольку древние балтийские заимствования являются общими для всех прибалтийско-финских языков, можно заключить, что они были усвоены еще до распада прибалтийско-финского языка. Имеются также балтийские заимствования, хотя их и значительно меньше, в языках волжских финнов (Филин с.130).

Кроме того, в балтийских языках обнаружены заимствования из иранских языков (Трубачев 1967 с.20). К важнейшим иранским заимствованиям относят следующие: зерновые - литов. *miežis*, латыш. *miežis* 'ячмень' при иран. *maiz-*; литов. *duona* 'хлеб' при иран. *dānā-* то же; литов. *javaī* 'хлеб в зерне' при авест. *uava-* и т. п., продуктов молочного хозяйства (литов. *Sviestas* 'масло' при авест. *xšvid-* 'молоко и др. (Топоров, Трубачев, 231). Интересно, что такие связи практически не обнаружены в прусском языке прус. - молоко *daddan*, масло – *anktan*, зерно – *zirni*, зерновые – *arī*, хлеб – *geītka*, *sāltē*. Совпадает только название ячменя – *māizis*. В целом иранские связи балтийских языков несравненно слабее, чем славянские или финские.

Поистине удивительной является связь балтийских языков с языками Балкан. Эта связь особенно сильна с восточной, дако-фракийской частью Балкан. По подсчетам лингвистов существует 130 точно установленных балто-фракийских соответствий, в которых не участвовал никакой другой язык. Одним из ярких примеров таких соответствий является литовское слово «дайна» - песня. В румынском языке, носители которого живут на территории обитания дако-фракийских народов, есть слово «дойна» - лирическая песня. В других индоевропейских языках это слово не встречается. При этом важно, что подобных связей фракийского со славянским языком не обнаружено (Duridanov 1969 S. 100; Топоров 1973 с.51,52; Топоров 1977 с.81). Таким образом, притом, что мы очень мало знаем о фракийском языке, все же удастся проследить его связь с балтийскими языками. Следовательно, эта связь была довольно глубокой.

Вторым по близости к общеславянскому является германский язык, однако не общегерманский, а какой-то из восточногерманских языков. Распад общегерманского языка лингвисты относят к периоду около 500 г. до н.э. В это время общегерманский разделился на подгруппу западногерманских языков, из которых потом образовались английский, немецкий, нидерландский, фризский и подгруппу северогерманских языков из которых потом образовались скандинавские языки. Примерно между 250 г. до н.э. и началом нашей эры от северогерманских отделились восточногерманские языки: бургундский, вандалский, герульский, гепидский, готский. Скорее всего, существовали и другие восточногерманские языки, о которых мы ничего не знаем. Все восточногерманские языки вымерли. От готского языка сохранились довольно большие тексты главным образом религиозного содержания, от остальных восточногерманских языков уцелели лишь отдельные надписи и имена в передаче античных авторов (Германские и кельтские языки с. 15-16).

В общеславянском языке существовало много заимствований из восточногерманских языков, причем эти заимствования относятся лингвистами к поздней истории общеславянского языка, о чем свидетельствуют как фонетические особенности, так и характер заимствованной лексики, несомненно, относящийся к довольно поздней культуре. Действительно, среди германских заимствований в общеславянском обнаружены слова князь, блюдо, хлеб, крест, покупать, котел, названия мелкой монеты и др.

Лингвисты полагают, что время этих заимствований не может быть ранее последних столетий I тыс. до н.э. – первых столетий н.э. (Филин с.137). Славянских заимствований в готском обнаружено всего два (Готский язык с. 75). Однако одно из них – «плясать» имеет аналогии в балтийском и может быть заимствованием в готский из какого-то балтийского языка (Фасмер с 544). Таким образом, сомнительно, чтобы германские заимствования попали в славянский именно из готского, как иногда утверждается. Это было бы возможным только в одном случае, а именно тогда, когда славяне имели тесные контакты с частью готов, язык которой по каким-то причинам не был отражен в дошедших до нас письменных источниках. В то же время мы знаем о существовании большого количества восточногерманских языков, родственных готам, которые вполне могли быть донорами этих заимствований.

Еще одна языковая группа, из которой в общеславянском обнаружены заимствования, это иранская группа языков. В целом лингвисты отмечают, что «более или менее четких иранских компонентов в древнейших славянских лексических пластах на удивление мало». (Бирнбаум с 160). Если учесть, что на иранских языках говорило население степей от Днестра до Волги вплоть до VII в. н.э., то это действительно странно. Всего достоверных иранских заимствований в общеславянском не более 4-5 слов (Трубачев 1967 с. 211-218). При этом иранских заимствований много в отдельных группах славянских языков – южнославянских, западнославянских и особенно восточнославянских, или даже в отдельных языках. Их не обнаружили только в серболужицких языках (Там же).

Такой характер заимствований, несомненно, предполагает, что они имели место тогда, когда различные группы славян уже территориально были отделены друг от друга. Если учесть, что выделение диалектов началось в IV – V вв. н.э., то логичным будет предположение, что иранские заимствования имели место как раз в это время, то есть тогда, когда славянская общность увеличилась в размерах, но еще оставалась единой. Имеются также данные о очень ранних связях славянского с итальянскими языками и о возможных контактах славян с кельтами (Трубачев 1991 с. 22 и сл.). Хотя о кельтских заимствованиях пишут многие лингвисты (например, Бернштейн, 94-95), ни одно заимствование из кельтского не является общепризнанным. Следовательно, эти заимствования, если они были, также были очень ранними.

В начале книги я писал о том, что для ранних периодов развития мы располагаем только археологическими и лингвистическими данными. Это не совсем точно. Именно результаты работы археологов дают нам основной массив сведений по истории до появления письменных источников. Лингвистические материалы лишь задают определенные критерии, в соответствии с которыми мы можем интерпретировать археологический материал.

Археологи находят вещественные остатки жизнедеятельности людей, которые систематизируются как археологические культуры. Иными словами, **археологическая культура – это обнаруживаемые археологическими исследованиями следы существования группы людей, имевшей сходную материальную и духовную культуру.** Строго говоря, с точки зрения археологии, история – это процесс возникновения, развития и исчезновения различных культур.

С точки зрения предлагаемой методики, формирование единой культуры возможно только в рамках сообщества. Чем может быть сообщество, члены которого имеют одинаковую или почти одинаковую материальную и духовную культуру? Очевидно, что больше всего это определение подходит к этносу. Таким образом, этническая история является важнейшей проблемой археологии. Но кроме сходной материальной и духовной культуры, понятию этнос соответствует общность языка и национального самосознания, однако, по данному выше определению, письменных источников для изучаемого периода нет и сказать что-то определенное о языке населения мы не можем. В связи с этим неизбежно встает ряд вопросов: можно ли связывать некую археологическую культуру с каким-либо этносом и если можно, то какой характер носит эта связь? Проблема соответствия археологической культуры этносу ставилась неоднократно и разными учеными (см. например Третьяков 1962; Филин, с 72) , но совершенно очевидно, что однозначного ответа просто не может быть.

Если носители какого-то языка находились в незаполненном резервуаре, в который не было миграций извне, то их материальная и духовная культура менялась медленно и эволюционно. Изучая этот период, археологи могут предполагать, что язык населения оставался прежним. Но если

в данный резервуар произошла миграция населения другой археологической культуры, материальная и духовная культура, несомненно, изменятся. Наиболее типичной является следующая ситуация: существует некая культура А, рядом с которой расположена некая культура В. Затем культура А вдруг исчезает, а в ее ареале возникает новая культура С, содержащая отдельные элементы (керамика, погребальный обряд, тип жилища и т.п.) как культуры А, так и культуры В. Наиболее типичным и, смею утверждать, ошибочным подходом большинства археологов в таких случаях бывает попытка определить удельный вес элементов каждой из культур. На основании этих оценок, как правило, очень субъективных, делается вывод, что, например, если элементов культуры А сохранилось довольно много, то новая культура С сформировалась, главным образом на основании культуры А, что предполагает сохранение языка культуры А.

Однако, как отмечалось в методологическом разделе, сам факт миграции **уже предполагает ассимиляцию аборигенов**. Разумеется, категорически утверждать, что каждая миграция предполагает ассимиляцию, было бы крайне неосторожно. Тем более, что факт миграции далеко не всегда можно точно установить, иногда имело место культурное влияние. В том же случае, если миграция несомненна, очень важным является лингвистическое подтверждение, пусть даже косвенное, возможной ассимиляции.

С точки зрения обычного здравого смысла язык неотделим от определенного этноса, со специфической материальной и духовной культурой, антропологическим типом, менталитетом, уровнем развития и т.п. Однако это справедливо лишь в краткосрочной перспективе. И материальная и духовная культура меняется, в одни периоды времени медленно, в другие – быстро, уровень развития может вырасти. На тот или иной язык могут перейти совершенно разные народы. Например, американские негры в языковом отношении являются ближайшими родственниками немцев и голландцев. Поэтому в долгосрочной перспективе нет истории этносов, а есть история языков.

Как свидетельствуют факты, смена языка может происходить даже без смены культур. Например, ни у кого нет сомнений в ассимиляции славянами населения многих районов Балканского полуострова. Однако при этом далеко не везде в этих районах появление славян фиксируется археологически и это при том, что период расселения славян с археологической точки зрения происходил если не вчера, то позавчера. Что же говорить о событиях, скажем III – II тыс. до н.э.! Даже если были археологические памятники, свидетельствующие о миграции, в результате которой возникла новая культура, они могли погибнуть или просто не были обнаружены. В этой ситуации предлагаемая методика может быть полезной, так как она предполагает, что миграции не случайны, а подчиняются определенным закономерностям, о которых речь шла выше. Нам остается лишь попытаться применить предлагаемую методику к конкретному историческому материалу.

4. Ранняя история индоевропейцев.

Поскольку славяне по происхождению индоевропейцы, то начать наше исследование нам придется с ранней истории индоевропейцев. Мы должны попытаться выяснить, разумеется, насколько это вообще возможно, когда и где будущие славяне отделились от индоевропейской общности. Без этого наше исследование не будет иметь начала. Следует сказать, что по вопросу происхождения индоевропейцев написано значительно больше, чем по проблеме происхождения славян и единого мнения нет.

Археологические данные свидетельствуют, что до VII тыс. до н.э. Европу заселяли охотники и собиратели.

Но с VII тыс. до н.э. в Европе, а точнее на Балканах начинают расселяться племена земледельцев и скотоводов, вследствие чего тут возникла культура Старчево – Кереш – Криш, распространившаяся на части территорий Греции, Болгарии, Сербии, Хорватии, Венгрии и Румынии (Jakovljević, pp 108—119; Dimitrijević, pp 229—360). В результате дальнейшего расселения носителей этой культуры возникает культура линейно-ленточной керамики, охватившая огромные территории: от Мааса (на западе) до Днестра (на востоке), от междуречья Савы и Дравы (на юге) до Одера (на севере). Это расселение очень хорошо фиксируется археологически, потому что аборигены Европы были охотниками и собирателями и их культуры резко отличались от культур пришлых земледельцев и скотоводов.

Несколько позднее появления в Европе первых скотоводов и земледельцев, в начале VI тыс. до н.э., на востоке Адриатики возникает культура импрессо. Название происходит от обычая отпечатывать на керамике раковины моллюсков, особенно сердцевидки. К морю они предположительно вышли из Фессалии, где тоже найдена керамика с отпечатками раковин (культура пре-Сескло). Носители этой культуры практиковали скотоводство и земледелие, но специализировались на добыче морепродуктов. Такая специализация у них возникла потому, что носители культуры Старчево – Кереш – Криш к этому времени уже заселили Балканы. Поэтому культура импрессо распространялась вдоль побережья Средиземного моря, проникла на юг Италии, а затем она продвинулась на ее север в Лаций, Тоскану, Корсику и Сардинию, вплоть до Лигурии. В V тыс. до н.э. культура импрессо начала распространяться на юге Франции, проникнув по течению Роны далеко на север. В это же время носители этой культуры начали расселяться на востоке Испании.

С конца VI – начала V тыс. до н.э. на Балканах возникает ряд новых культур: Сескло в Греции, Караново II в Болгарии и Винча на территории Сербии, Венгрии, Румынии и Болгарии. В результате дальнейших миграций носителей этих культур возникают новые культуры, такие как Гумельница, Лендел и Кукутени – Триполье. Все эти культуры имели много общего, что свидетельствует об их генетическом родстве, поэтому археологи объединяют их в культурно-историческую общность, которую М. Гимбутас назвала «цивилизацией старой Европы». Как считают большинство исследователей, возникновение этой общности было результатом миграций из Малой Азии. Об этом свидетельствуют знаки переднеазиатского происхождения (Титов), металлургия меди, развивавшаяся под малоазиатским влиянием (Рындина), а также особенности культуры и письменности (Gimbutas 1974, Birnbaum 1974).

Следовательно, первые скотоводы и земледельцы пришли в Европу из Малой Азии (Анатолии). С севера и юга этого полуострова вдоль моря тянутся горные цепи. Гористым является также западная оконечность Малой Азии. Склоны гор, обращенные к морю, занимает пояс вечнозеленой средиземноморской растительности. В центре полуострова находится полупустынный (а местами – пустынный) район, с несколькими солеными озерами, наибольшим из которых является озеро Туз. Таким образом, центральная часть Малой Азии обладает наименьшей емкостью. Но именно здесь возникла культура Чатал-Гююка – одна из древнейших мировых земледельческих культур, которую археологи датируют второй половиной VII – первой половиной VI тыс. до н.э. (Mellaart 1965 p. 217). Население занималось пастбищным скотоводством и, вероятно, пойменным земледелием в долинах небольших рек, текущих с гор в соленые озера. Природно-климатические условия этой местности обусловили очень низкую критическую

плотность. Именно поэтому, в соответствии со вторым законом резервуара, тут так рано возникло земледелие. Однако эта же причина привела к тому, что резервуары тут относительно быстро наполнились и население в середине VI тыс. до н. э. покинуло эти места. Куда были направлены миграции нам уже известно – в Европу на Балканы. Археологами собрано множество фактов, свидетельствующих о том, что элементы культуры Чатал – Гююка находят параллели в культурах балканской культурно-исторической общности.

Представляется очевидным, что расселение культур Карпато-Дунайской общности и было расселением индоевропейцев. Такой точки зрения придерживаются сторонники так называемой анатолийской гипотезы, которую предложил английский археолог Колин Ренфрю. Согласно этой гипотезе, население культуры Чатал-Гююка говорило на индоевропейском языке. Примерно в 6500 гг. до н.э. началось движение индоевропейцев на запад, в Европу. Часть индоевропейцев осталась в Малой Азии, и дала начало анатолийским языкам. На основе археологических данных делается вывод, что около 5000 гг. до н.э. пришедшие в Европу индоевропейцы разделились на северо-западных (предков италиков, кельтов и германцев) поселившихся в бассейне Дуная, восточных, переселившихся в украинские степи (предков тохар) и всех остальных, оставшихся на Балканах. Около 3000 гг. балканская группа индоевропейцев начала расселяться и образовывать протоязыки греков, армян, балто-славян, индоиранцев. Последние образовали степные культуры и начали расселяться далее на восток по евразийским степям (Renfrew, 2003).

С археологической точки зрения анатолийская гипотеза очень вероятна. Но есть весьма убедительные возражения с точки зрения лингвистики. Во-первых, распад индоевропейского языка, после отделения анатолийских языков произошел не так, как следует из анатолийской гипотезы: в группы входили другие языки; распад на отдельные языки произошел в лингвистически близкое время. Далее, археологические данные свидетельствуют о крупных миграциях **из степи, а не в степь**. Важными являются также связи индоевропейского с другими языками.

Лингвистам удалось реконструировать индоевропейский праязык и выяснить, что в нем было довольно много заимствований из общесемитского, а в общекартвельском есть заимствования из индоевропейского. (Гамкрелидзе, Иванов. с. 870 и сл.). Кроме того, обнаружены связи индоевропейского и северокавказских языков. (Старостин, 1988). У лингвистов нет сомнения, что общесемитский существовал и позднее распался на Ближнем Востоке, распад его произошел не ранее IV тыс. до н.э. (Гамкрелидзе, Иванов с. 880). В принципе, возможно, что индоевропейский язык, когда он находился в Малой Азии, мог контактировать с прасемитским, но совершенно непонятны его связи с языками Кавказа.

Другой гипотезой, объясняющей расселение индоевропейцев, является так называемая курганная гипотеза. Она предлагалась и дорабатывалась разными учеными, но наибольшую известность получила версия Марии Гимбутас (Gimbutas, Dexter, Jones-Bley). Согласно ей, в первой половине IV тыс. до н.э. носители индоевропейского языка жили где-то в средневолжской лесостепи, а затем расселились в степях между Волгой и Днестром. Примерно во второй половине IV тыс. до н.э. индоевропейцы заняли район нижнего Днестра, где создали среднестоговскую культуру (одна из первых степных культур). Чуть позже этого периода начинается первая волна проникновения индоевропейцев в лесную зону Европы, где они создают смешанные культуры: баденскую, Эзеро и др. Характерной чертой, свидетельствующей о миграциях из степи, являются погребальный обряд (захоронение

под курганом и посыпание охрой) и керамика со шнуровым орнаментом (отпечатком шнура). В самом начале III тыс. до н.э. в степи возникает индоевропейская ямная культура, проникновение носителей которой далее в Европу знаменует вторую волну расселения индоевропейцев на Запад.

Гипотеза Гимбутас намного лучше объясняет археологические и лингвистические факты, чем анатолийская гипотеза. Она, например, объясняет известную из археологии экспансию степных племен в лесную зону Европы. Но при этом она не согласуется с некоторыми установленными лингвистами фактами, важнейшим из которых являются взаимные семито-индоевропейские заимствования. С целью устранения этих противоречий Т. В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов предложили так называемую армянскую гипотезу. Согласно ей первоначально индоевропейский язык бытовал в районе Армянского нагорья, то есть южнее Кавказа, но севернее Месопотамии. Примерно в IV тыс. до н.э. от индоевропейской общности отделились и ушли на запад анатолийские языки. Значительно позднее, примерно в III тыс. до н.э., началось разделение других индоевропейских языков. Греки мигрировали на запад и, в конечном счете, пришли в Грецию, тохары на восток и достигли Таримской впадины, где их языки просуществовали до VIII в. н.э. Все остальные индоевропейские диалекты, за исключением протоармянского, обошли Каспийское море и на территории евразийской степи создали ямную культуру, дальнейшее расселение носителей которой произошло примерно так как предполагала Гимбутас. Армяне же остались где-то вблизи прародины и впоследствии поселились на Армянском нагорье. (Гамкрелидзе, Иванов).

Таким образом, реконструкция Гамкрелидзе и Иванова в своем начальном пункте близка к анатолийской гипотезе, то есть раннее местонахождение индоевропейских языков обе эти гипотезы помещают на Ближнем Востоке, где-то от Восточной Анатолии до Армянского нагорья. Однако пути расселения индоевропейцев обе эти гипотезы предполагают совершенно разные.

Следует отметить, что армянская гипотеза противоречит некоторым фактам, установленным самими Гамкрелидзе и Ивановым. По их версии распад индоевропейского уже после отделения анатолийских, произошел не одновременно, то есть отделились греческий, армянский, тохарский и возможно индоиранские, а остальные языки существовали некоторое значительное время вместе, объединенные ямной культурой. В то же время их лингвистическая реконструкция предполагает первоначальный распад на группы, о которых речь шла выше, и эти группы совсем не совпадают с теми, которые предполагает их версия расселения индоевропейцев. Далее, реконструкция Гимбутас расселения индоевропейцев, с которой Гамкрелидзе и Иванов, по-видимому, согласны, предполагает две волны миграций в лесную зону Европы с интервалом примерно в 1000 лет. Это значит, что распад индоевропейского был не одновременным. Если же считать, что первая волна означала отделение анатолийских языков, как полагают некоторые приверженцы этой гипотезы, то это противоречит выводам самих Гамкрелидзе и Иванова о приходе анатолийцев в Малую Азию с Армянского нагорья.

И, наконец, существует проблема общеиндоевропейских названий животных и деревьев, среди которых есть такие, как осина, береза, сосна, граб, ясень, бук, слон (или верблюд), барс, лев, бобер и тетерев. Упомянутые деревья не растут в степях восточнее Волги и даже Дона, и южнее Кавказских гор, за исключением узкой полосы южного побережья Черного и Каспийского морей, что исключает из зоны поиска прародины индоевропейцев Переднюю Азию с Армянским нагорьем и евразийские степи восточнее Дона.

Что касается названий животных, то слон или верблюд (не известно точно, какое из этих животных обозначало соответствующее слово) животные южные. Слоны в древности известны в Сирии (Підопличко, с. 26), а верблюды в степных и полупустынных районах Азии, но данных об их пребывании западнее Волги у нас нет. Лев и барс также южные жители. Львы когда-то жили на Балканах, на территории Греции, Албании, Болгарии и Македонии и на Кавказе. Основной же ареал их обитания располагался южнее. Барсы (леопарды) живут и сегодня на Северном Кавказе и Малой Азии. В евразийских степях они не жили никогда, а достоверных данных об их обитании в Европе нет.

Бобры, судя по соответствующим текстам из Авесты, были для древних иранцев священными животными. Вместе с тем ареал обитания бобров ограничен зоной широколиственных лесов, хотя в степь они проникали довольно глубоко вдоль течения крупных рек, где когда-то росли пойменные леса. Кости бобров находят вплоть до «Черного моря, Кавказского перешейка, среднего течения рек Урал, Эмба и степного Иртыша» (Верещагин с. 345). Имеются указания ряда авторов о существовании бобров в Турции и Иране (там же с 79). Вероятно, тут бобры могли жить на южном побережье Черного и Каспийского морей, где обильные осадки способствовали сохранению лесов. Однако очевидно, что бобры были очень нетипичными животными для зоны степи и тем более расположенных южнее районов. Еще более нетипичным животным для юга был тетерев. Эта птица живет в лиственных и смешанных лесах, и южная граница его распространения проходит по краю лесостепи, примерно так же, как и бобра.

Таким образом, при том, что лингвистические данные о связях с общесемитским языком указывают на раннее пребывание индоевропейцев где-то в Передней Азии, общеиндоевропейские названия животных и деревьев с одной стороны указывают на север (бобер, тетерев), а с другой на юг (лев, барс, верблюд). Однако есть район, который позволяет объединить эти, казалось бы, противоречивые данные. Это район Кавказа. Действительно, на Кавказе растут все деревья, о которых речь шла выше. Тут растет береза (Деревья и кустарники т. 2, 267 фиг. 72, 315 фиг. 87), бук (Деревья и кустарники т. 2 с 35 фиг. 108), граб (граб кавказский – Деревья и кустарники т. 2 с 362), несколько видов сосны (Деревья и кустарники Т 1, 237 фиг. 59; 247, 248, 259, 260) есть осина (Деревья и кустарники, 192) и ясень (Деревья и кустарники т. 5, 411, 424). На Кавказе живут барсы (Гептнер, Слудской, 166) и до X века в Закавказье жили львы (там же, 166). Бобры также жили в Закавказье еще в Средние века (Хорнаули, 28), а тетерев (точнее эндемичный вид, тетерев кавказский), живет и до сих пор в горных районах (География животных, 319). Вместе с тем южнее Закавказья находится обширная зона Передней Азии, где возможны были контакты с общесемитским языком и где живут верблюды, а южнее, как отмечалось выше, в древности жили слоны.

Кавказ соединяет Переднюю Азию и пояс великих евразийских степей, где существовала ямная культура, о миграциях носителей которой в лесную зону Европы речь шла выше. Кроме того, Кавказ – местонахождение картвельских и северокавказских языков, которые имели контакты с индоевропейским. Предположение о том, что Кавказ был один из районов местожительства индоевропейцев, позволяет нам лучше понять их древнюю историю.

У нас нет оснований сомневаться в том, что носители индоевропейского языка в период до начала VI тыс. до н.э. жили где-то на севере Передней Азии. Тут у них были контакты с носителями общесемитского языка. Позднее они переместились севернее и примерно в V тыс. до н.э. от них отделился анатолийский праязык, возникновение которого лингвисты относят к периоду не позднее IV тыс. до н.э. (Гамкрелидзе, Иванов с. 861). Следовательно, отделение

анатолийского праязыка по времени следует за масштабными миграциями из Малой Азии в Европу, о которых речь шла выше. Переселение значительных масс населения привели к падению критического коэффициента в Малой Азии и к миграциям сюда населения с востока. Вероятно, именно потому произошло отделение анатолийского языка. Основная же масса индоевропейцев, по видимому, двинулась в Закавказье.

Отношения индоевропейского языка с языками Кавказа, картвельским и северокавказским указывают на характер миграций носителей этих языков. С. А. Старостин считал, что «праиндоевропейская языковая общность наложила на некоторый диалект прасевернокавказского языка», причем «мы можем датировать контакты между праиндоевропейским и прасевернокавказским языками началом V тысячелетия до н. э.» (Старостин, 1988, с. 154). По мнению Старостина, имела место ассимиляция индоевропейцами некоего местного северокавказского языкового субстрата. От этого населения индоевропейцы позаимствовали большое количество слов, связанных с животноводством и земледелием, с торговлей и обменом, названиями предметов быта, продуктов питания, некоторых диких растений и животных (там же, с. 152-153). Контакты индоевропейского с картвельским имели прямо противоположный характер. Тут уже индоевропейский выступал как язык местного населения (субстрат) от которого пришлые носители картвельского языка позаимствовали целый ряд слов, в то время как о картвельских заимствованиях в индоевропейский сведений нет (Гамкрелидзе, Иванов. с. 870 и сл.).

Очевидно, что носители картвельского языка пришли в Закавказье, когда основная масса индоевропейского населения его покинула, и картвелы восприняли от оставшегося населения часть лексики. С другой стороны, можно со значительной степенью достоверности утверждать, что носители по крайней мере северо-восточнокавказского (предка языков Дагестана, чеченского, хуррито-урартского и др.) пришли на Кавказ тогда, когда индоевропейцы его покинули, поскольку многие ученые связывают с северо-восточнокавказским языком Куро-Аракскую культуру IV – начала III тыс. до н.э. Именно к этому времени лингвисты относят распад единого северо-восточнокавказского языка. Известно, что на северо-восточнокавказских языках говорило население не только востока Северного Кавказа, но и Азербайджана, где эти языки сохранились вплоть до X в. н.э.

Таким образом, можно высказать предположение, что западносеверокавказский язык (предок абхазского, адыгейского и др.) распространился на Кавказе до прихода сюда индоевропейцев и первым вышел в степь. Вследствие этого критический коэффициент на Кавказе упал, что дало возможность прийти сюда индоевропейцам. Затем, вследствие миграций поселившихся в степи носителей западносеверокавказского языка на запад (см. ниже), в степь начали переселяться индоевропейцы, а на их место пришли в западную часть Закавказья картвелы, а в восточную – носители северо-восточнокавказского языка, заселившие сперва территорию Азербайджана, а позднее, вслед за индоевропейцами проникшие и на восток Северного Кавказа.

Следовательно, носители среднестоговской культуры должны были бы говорить на северозападнокавказском языке. Памятники среднестоговской культуры, которую датируют 4500-3500 гг. до н.э. найдены на Нижнем Днепре и Нижнем и Среднем Дону. В предгорьях Кавказа, в районе Нальчика и в лесостепи на Средней Волге (Средневожский резервуар) найдены памятники Хвалынской культуры V – IV тыс. до н.э. Памятники этих культур близки между собой и объединяются многими исследователями в одну культурно-историческую общность. Часть населения

этой общности сохранилась в горах западного Кавказа и образовала Майкопскую культуру, современницу ямной культуры.

Распространение скотоводов в евразийских степях стало возможным благодаря тому, что ранее этот район был практически незаселенным. Археологи находят следы очень малочисленных групп охотников и собирателей, которые жили в долинах крупных рек (Мерперт 1974 с.17). Действительно, пешим охотникам и собирателям нечего было делать в открытой степи. Главной дичью в степи были копытные, а догнать их пешком невозможно, особенно зимой. Освоение степей стало возможным главным образом благодаря овцеводству. Овцы – наиболее приспособленные животные для степного и полупустынного регионов. Они могут сами добывать себе корм из-под снега. Еще одной важной отраслью хозяйства степных культур было разведение лошадей. Например, кости лошади составляют более половины всех костей, найденных на поселениях среднестоговской культуры. Некоторые исследователи считают, что именно население этой культуры первым приручило лошадь. (Археология УССР т 1 с 309). Лошадь наряду с овцой не требует заготовки сена на зиму, поскольку может сама добывать траву из-под снега.

Пока нет фактов, позволяющих установить, из какого района начала распространяться среднестоговско-хвалынская культурная общность, но очевидно, что возникнуть на такой большой территории она не могла. Из трех известных ее центров только два могут претендовать на район первоначального возникновения. Это Северный Кавказ и Северное Причерноморье, потому что, как считают исследователи, domestикация овцы произошла в степных и полупустынных районах Передней Азии (Flannery). Поэтому либо расселение по степи началось с Балкан или из прилегающих к ним районов, куда овцеводство проникло из Малой Азии, либо с Кавказа, куда овцеводство пришло с юга, т.е. непосредственно из Передней Азии. Более вероятным представляется все же Кавказ, поскольку северокавказская Свободненская культура (4400-3700), которая предшествовала Майкопской, несомненно, была связана со среднестоговской культурой.

Маловероятно, чтобы среднестоговско-хвалынская культурная общность была индоевропейской. Она опережает ямную почти на 1500 лет, и, поскольку распад индоевропейского начался сразу же, как только его носители начали расселяться по степи, то такая версия удревняет на соответствующий срок все индоевропейские языки, что не соответствует выводам лингвистов. Кроме того, в этом случае непонятны отношения среднестоговско-хвалынской и ямной культурных общностей. Если первая была общеиндоевропейской, то чем была вторая? Очевидно, что ее могли образовать носители либо какой-то группы индоевропейских языков, например арийской, либо вообще неиндоевропейский язык. В таком случае, где лингвистические следы археологически очевидного расселения носителей ямной культуры в Европе? О них ничего неизвестно. Поэтому логичным является предположение, что среднестоговско-хвалынская культурная общность предшествовала индоевропейцам в степи. А учитывая взаимоотношения индоевропейского и северокавказского языка, можно предположить, что языком этой общности был северозападнокавказский.

Впрочем, история среднестоговско-хвалынской культурной общности не является непосредственно предметом нашего исследования. Она представляет для нас интерес лишь постольку, поскольку предшествовала в степи ямной культуре и, несомненно, оказала на нее значительное влияние. Многое еще остается неясным и пока нам остается надеяться, что будущие археологические исследования на Кавказе помогут понять исторические процессы, происходившие тут в VI – III тыс. до н.э.

Дальнейшее развитие индоевропейцев историки связывают с ямной культурой. Такая связь обусловлена тем, что последующие, несомненно, индоевропейские культуры, в первую очередь культура шнуrowой керамики, имеют связь с ямной культурой и содержат многие ее компоненты. Памятники ямной культуры найдены на огромной территории евразийских степей: от р. Прут на западе до р. Эмба на востоке (см. рисунок 1). Важно, что «...наиболее ранние хронологические группы ...большинства вариантов древнеямной культурно-исторической области идентичны и свидетельствуют о культурной интеграции, тогда как более поздние все заметнее расходятся между собой и свидетельствуют о культурной дифференциации» (Мерперт 1974 с. 114). Идентичность ранних памятников ямной культуры доказывает, что ее распространение происходило из одного центра, а расхождение более поздних памятников свидетельствует о распаде индоевропейского языка.

Наиболее ранний этап ямной культуры исследователи датируют концом IV – первой половиной III тыс. до н.э., причем наиболее ранние памятники обнаружены в Поволжье. «Основной территорией формирования и распространения первой волны (дремнеямных племен – А.А.) являлись Волжско-Уральское междуречье и прилегающие к нему с запада и юго-запада степи Подонья и Предкавказья» (Мерперт 1974 с 147-148). Если же индоевропейцы с Кавказа начали заселять евразийские степи, то они и должны были сначала освоить степи Предкавказья, а потом заселить степи между Волгой и Доном.

Именно так в языке индоевропейцев могли сохраниться названия деревьев и животных, которые есть на Кавказе и в лесостепной полосе на севере от евразийских степей, но которых нет в степи. Для этого после выхода в степь индоевропейцы должны были снова увидеть этих животных и эти деревья в течение жизни одного поколения. Такое вполне возможно, если учесть, что кочевая практика предполагает ежегодные меридиональные перекочевки. По мере наступления летней жары степная растительность выгорает, и кочевники движутся со своими стадами на север, пока не достигнут лесостепи. Тут они пасут скот до наступления осенних похолоданий, после чего начинают движение в степь, на юг, где в это время проходят дожди и начинает снова отрастать трава. Зимой кочевники проводят как можно южнее, поскольку тут теплее и снеговой покров не велик, если он вообще есть. Такие сезонные перекочевки вполне допускают возможность из степей Калмыкии за один сезон достигнуть лесостепи Самарской Луки (не более 1000 км). В XIX в. кочевые казахи за сезон проходили такое же расстояние (Баишев, 16).

Вероятно, овцеводство распространилось среди индоевропейцев, когда они еще жили на Кавказе. Выпас овец на горных пастбищах, ежегодные сезонные вертикальные миграции – обычная практика во всей Передней Азии. Но когда кавказские резервуары заполнились, расселение в степи было совершенно очевидным выходом. Согласно выводам археологов, в приволжских и приуральских степях основу стада ямников составляли овцы. (Мерперт 1974 с 103). Первоначально, то есть в степях между Волгой и Доном индоевропейцы были кочевниками. Однако по мере продвижения далее на запад в более благоприятные условия для ведения пойменного земледелия под действием высокого критического коэффициента начинается оседание индоевропейцев на землю. Действительно, стационарные поселения ямной культуры обнаружены в долинах рек на запад от Поволжья, главным образом в Приднепровье и в меньшей степени в бассейне Дона. Далее на восток известны лишь временные стоянки (Мерперт 1974 с 107).

Выход индоевропейцев в степь был обусловлен резким изменением здесь обстановки. Вероятно, в это время значительная часть населения среднестоговско-хвалынской общности

переместилась на запад, в украинские степи и к тому моменту, когда индоевропейцы вышли в степь, критический коэффициент среди степного населения степи восточнее Дона резко упал. Кроме того, ямники имели преимущество перед своими предшественниками. Работами лингвистов было установлено, что терминология, связанная с колесным транспортом, является общеиндоевропейской (Мейе, 2002, с. 402-403). Далее, на всей территории ямной культуры найдены остатки колесного транспорта – колес, возов, глиняные модели и рисунки, причем древнейшие из этих находок датируются 3200 гг. до н.э. (Кульбака, Качур, с. 26-32), то есть относятся к раннему периоду существования этой культуры. Возможность использовать колесный транспорт существенно поднимала критическую плотность ямников по сравнению с их предшественниками, у которых такого транспорта не было.

В это же время под действием первого закона резервуара продолжалось расселение племен Балкано-Карпатской общности по Европе. В самом начале IV тыс. до н.э. возникает культура воронковидных кубков, которая распространилась от Чехии до юга Скандинавии и от устья Вислы до Нидерландов. В результате этого критический коэффициент в Балкано-Карпатской общности упал, и носители среднестоговской культуры начинают туда мигрировать. С начала IV тыс. до н.э. на нижнем Дунае возникает культура Черновода. Румынские археологи, изучавшие эту культуру, пришли к единодушному мнению, что она возникла в результате переселения сюда племен среднестоговской культуры. (Телегин 1990, с. 12). Далее, миграции племен культуры Черновода привели к возникновению баденской культуры в Чехии, Венгрии, Словакии и Австрии и культуры Эзеро в Болгарии.

В результате миграций из украинских степей на запад, критический коэффициент в степи падает, и тут начинают расселяться племена с Крыма и Кубани (культура Кем-Оба и михайловская культура). Кроме того, в степь из лесостепи переселяются носители трипольской культуры, образуя тут усатовскую культуру. Миграции с территории трипольской культуры на юг, север и восток, начавшиеся в середине IV тыс. до н.э. и особенно в конце этого тысячелетия, приводят в соответствии с третьим законом резервуара к снижению уровня развития в украинской лесостепи. Трипольская культура вступает в конце IV - начале III тыс. до н.э. в период упадка, центральная часть ее ареала запустевает, а известные археологами трипольские группы этого периода располагаются на ее периферии.

Таким образом, миграции населения ямной культуры, то есть индоевропейцев на территорию Украины были следствием падения здесь критического коэффициента в результате вторичных миграций носителей трипольской и среднестоговской культур на запад, северо-восток и север под действием первого закона резервуара. Пришедшие в степи Украины ямники восприняли от среднестоговского населения многие особенности культуры – погребальный обряд (скорченное положение тела, посыпка охрой, курган), орнаментацию керамики шнуром, боевые топоры. Именно среднестоговская культура обладала «...одним из самых древних и многообразных комплексов шнуровой орнаментации» (Мерпет с 123), тут также зафиксированы многие детали вышеописанного похоронного обряда (Археология СССР т.1 с 309).

Вывод Гимбутас о первой волне миграции индоевропейцев в начале IV тыс. до н.э. был ошибочным, поскольку не соответствует данным лингвистики, которые, как уже отмечалось выше, дают

основания полагать, что среднестоговские племена не были индоевропейскими по языку. Расселение индоевропейцев (племен ямной культуры) в лесной зоне Европы началось на 1000 лет позже. «Волна степных скотоводов позднеямной культуры проникла далеко на Балканы. Курганные погребения с охрой этого времени появились не только в Румынии, но и в Болгарии, Югославии и Венгрии. Заметим, что курганы последних следует отличать от погребений тоже в курганах и с охрой иных культур Подунавья: Чернавода II-III, Фолтешти I-III, Городск-Городиште, Коцофени др. Многие из них появились здесь намного ранее ямных и имеют иное происхождение» (Телегин, 1990, с. 15-16). Следовательно, оседание носителей ямной культуры происходило не только в степной зоне, т.е. в нижнем течении Днепра и Дона. Есть археологические находки, свидетельствующие о расселении ямного населения на Балканах (Мерпет. 1965) и в бассейне Среднего Дуная (Даниленко, Шмаглий. 1973). Третьим лесным районом, в котором происходило оседание племен ямной культуры, была украинская лесостепь (Археология УССР т 1 с. 350).

Попробуем теперь, используя лингвистические и археологические материалы, реконструировать события ранней истории индоевропейцев. Как отмечалось выше, лингвисты утверждают, что после отделения от индоевропейского языка анатолийских языков индоевропейцы разделились на группы. В первую группу входили предки италийских, кельтских и родственных им иллирийского, венетского и мессапского языков, а также тохарских языков (пусть это будет группа 1), в другую группу вошли диалекты – предки арийских, балтийских, славянских, германских языков, а также греческого и армянского. Потом эта группа вновь разделилась на две группы. В одну из них вошли арийский и будущие греческий, фракийский, македонский, армянский и фригийский языки (группа 2), а в другую предки германского, балтийского и славянского языков (группа 3). Возможно, что вместе с этими праязыками были другие языки, которые вымерли и о которых мы ничего не знаем.

Группировка праязыков позволяет сделать следующие наблюдения. Большинство языков второй группы языков имеет прямую связь с Балканами. Это фракийский, македонский и греческий. Фригийский язык в историческое время зафиксирован на севере Малой Азии, а армянский – в ее восточной части и на Армянском нагорье. Однако имеются прямые свидетельства античных авторов о том, что в древности фригийцы жили на Балканах, а в Малую Азию переселились впоследствии, Геродот также сообщал, что армяне когда-то отделились от фригийцев (VII, 73). Следовательно, все языки данной группы когда-то существовали на Балканах, все, кроме арийских.

Единый арийский язык просуществовал до отделения от него нуристанских языков (Эдельман). Затем начался распад собственно индоиранских языков на дардскую, иранскую и индоарийскую группы. Древнейшие памятники иранских и индоарийских языков Авеста (1200-600 гг. до н.э.) и Ригведа (1500-1300 гг. до н.э.) обнаруживают между собой значительную близость, что позволяет думать, что индоиранский язык распался где-то в начале II тыс. до н.э. (Mallory, 1989), то есть значительно позже, чем выделились из индоевропейской общности другие праязыки (начало III тыс. до н.э.). Следовательно, из индоевропейской общности вместе с другими индоевропейскими языками сперва выделился единый арийский язык, а примерно через тысячу лет он распался на нуристанский, дардский, индоарийский и иранский.

Исследования показали, что индоиранские гидронимы встречаются по всей зоне евразийских степей (Членова, с. 259-268.). Кроме того, нам достоверно известно, что население евразийских

степей, по крайней мере, с VII в. до н.э. и примерно по VII в. н.э. говорило на языках, родственных индоарийским. Следовательно, никаких оснований связывать возникновение индоиранского языка с Балканами нет.

Языки третьей группы (славянский, балтийский и германский) определенно связаны с культурно-исторической общностью культур шнуровой керамики и боевых топоров (см. ниже). Эта общность занимала преимущественно северную часть Центральной и Восточной Европы.

Языки первой группы (италийский, кельтский и др.), кроме тохарского, связаны с культурно-исторической общностью полей погребальных урн (см. ниже), которая возникла в бассейне Среднего Дуная. Тохарские языки в историческое время зафиксированы в Таримской впадине на северо-западе Китая.

Следовательно, вышеуказанные группировки языков связаны с определенными районами в лесной зоне Европы, в каждом из которых, как отмечалось выше, происходило оседание ямных племен. Эти факты со всей очевидностью свидетельствуют о ранних миграциях индоевропейцев в евразийских степях. Разделение единого индоевропейского ареала на две первоначальные общности было, возможно, вызвано выходом за Кавказский хребет в предгорья Северного Кавказа, а последующий раздел на группы было обусловлено тем, что переход к кочевничеству в степи происходил волнами. Вероятнее всего первой в степь вышли языки второй группы, причем предки греческого, фракийского, армянского и др. должны были занять более западное положение по отношению к арийскому языку. Вероятно, что продвижение в степь следующей волны индоевропейских мигрантов, носителей праславяно-германо-балтийских языков или праитало-кельтских зафиксировало крайнее восточное положение индоиранцев и не позволило им последовать на запад за родственными праармяно-греко-фракийскими языками.

Такое предположение хорошо согласуется с археологически засвидетельствованным продвижением ямных племен на восток и формировании тут родственных культур, например афанасьевской. Это позволяет предположить, что именно арийцы заняли при расселении индоевропейцев в евразийских степях крайнее восточное положение в степях за Уралом. Только такое положение арийских языков могло позволить им так долго доминировать в степи, поскольку именно восточные районы евразийских степей были генераторами миграций, вызванных оседанием кочевников на западе, как это отмечалось выше.

Арийские языки, несомненно, занимали обширные просторы степей Азии. Из этой степной зоны в периоды, когда критический коэффициент становился слишком высок, происходило оседание арийского населения в лесной зоне, как это и предусматривает предлагаемая модель. Именно поэтому археологи находят арийские культуры в сибирской лесостепи, на Алтае, Памире и Тянь-Шане, в горах Туркмении. Отсюда же происходили миграции в бассейн Инда и на Иранское нагорье. Очень возможно, что иранцы принесли культ бобра на свою новую родину, где бобров почти нет, из сибирской лесостепи, где бобры водились в изобилии. Вместе с тем, когда степное население оседало где-нибудь в лесной зоне, критический коэффициент в степи резко падал, и какая-нибудь группа ранее оседлого населения могла снова стать кочевниками. Именно так Великая Степь стала тюркоязычной. Поэтому неправильно сводить все кочевое население только к иранским языкам лишь на том основании, что аланы (асы, то есть осетины) достоверно говорили на иранском языке. Процесс был

очень сложным и многие кочевники, скорее всего, говорили на языках промежуточных между иранским и индоарийским, чем объясняется наличие некоторых индоарийских черт в скифо-сарматских языках, которые отмечают лингвисты. Например, заимствованный славянами теоним Сварог образован от индоарийского, но не иранского *svarga* – небо. (Трубачев 1991 с. 47).

Если индоиранцы двинулись на восток, за Волгу, то остальные носители языков этой группы должны были отправиться на запад, в степи Украины, чтобы впоследствии осесть в лесной зоне на Балканах. Следовательно, греческий и армянский языки дольше развивались вместе, в то время как арийский уже отделился.

Из всех групп индоевропейцев нас более всего интересует балто-славяно-германская группа, то есть североевропейцы, как их иногда называют. Эту группу обычно связывают с культурами шнуровой керамики и боевых топоров. Памятники этой культурной общности обнаружены на огромной территории: от Рейна до Средней Волги и от Швеции до Альп. Именно миграция шнуровиков в Швецию позволяет связывать эту культуру с североевропейцами, поскольку германский язык, по-видимому, сформировался на юге Швеции. Миграция шнуровиков в Швецию была последней миграцией в этот район, что и позволяет полагать, что именно шнуровики принесли сюда прагерманский язык. Интересно, что топонимы Южной и Средней Швеции исключительно германские (Karsten, 129), и никаких следов субстратного языка на этой территории не обнаружено (Кузьменко, 133). Следовательно, славяне вместе с германцами и балтами входили в общность культур шнуровой керамики.

Для культур шнуровой керамики и ямной культуры общими, прежде всего, являются похоронный обряд, включающий себя скорченное положение умерших под курганной насыпью, наличие охры в могиле и шнуровая орнаментация керамики.

Рисунок 1.

Следует отметить, что практически все исследователи полагают, что общность многих черт культур шнуровой керамики предполагает их первоначальное формирование на относительно небольшой территории, но где и когда это происходило, пока непонятно (Археология СССР. Эпоха бронзы, с.35; Мерпет. 1976 с 103-127). Однако археологи не сомневаются в том, что

обряд погребения под курганами ранее всего появился на территории степи и был совершенно чужд населению лесной зоны (Мерперт 1976 с. 117 и сл.).

Таким образом, миграции с территории ямной культуры, приведшие к формированию важнейших черт культур шнуrowой керамики, несомненны. С точки зрения установления языковой принадлежности носителей культур шнуrowой керамики, всякие споры о степени участия местных культур и ямников в процессе формирования шнуrowых культур, поэтому не имеют смысла. Очевидно, что носители культур шнуrowой керамики говорили уже на индоевропейских языках.

Распространение индоевропейцев севернее Карпат могло происходить как через бассейн Среднего Дуная и далее на север, так и через лесную зону современной Украины. Скорее всего, будущие носители культур шнуrowой керамики двигались последним путем. Хотя шнуrowые культуры и обнаружены на территории Словакии и Моравии, так называемая богемско-моравская культура (Маспик s. 1-212), они существенно моложе подкарпатской культуры, расположенной севернее Карпат на территории юго-восточной Польши и северо-западной Украины (Археология УССР т.1 с 391). Следовательно, более вероятным был приход шнуrowиков на юг от Карпат с севера, а не наоборот.

Если индоевропейцы продвигались на северо-запад, на территорию Польши и Германии, из украинских степей, то их движение должно было происходить через Волынь и Приднестровье. В отношении этого региона собраны серьезные аргументы, позволяющие считать его возможным центром формирования культур шнуrowой керамики (Свєшніков. 1974). Кроме этого направления четко выделяется еще одно: из Среднего Поднепровья на север в лесную зону Восточной Европы. Именно так двигались носители среднеднепровской культуры шнуrowой керамики, первоначально занимавшей небольшую территорию на правом берегу Среднего Поднепровья. Есть достаточно убедительные доказательства, чтобы считать, что в формировании среднеднепровской культуры приняло участие население древнеямной культуры (Артеменко. 1963)

Как мы уже выяснили, в состав носителей культур шнуrowой керамики должны были входить носители прабалтийского, праславянского, и прагерманского языков. Впрочем, очевидно, что в составе этих культур было значительно больше языков, которые до нас не дошли. Всего археологи насчитывают более 20 различных групп шнуrowой керамики (Археология СССР. Эпоха бронзы... с. 35).

Таким образом, оседание различных групп древнеямного населения в лесостепи соответствует группировкам индоевропейских языков. При этом непонятным остается схема движения носителей тохарского языка. Если, согласно лингвистическим данным они двигались вместе с кельто-италийскими языками, то непонятно, как они оказались в Восточном Туркестане. Сколько-нибудь убедительного ответа на этот вопрос нет. Можно высказать предположение, что в степь первой вышли языки первой группы (итало-кельтские и тохарский) и отделение носителей пратохарских языков произошло так, как это описано выше для арийского. То есть, тохарские языки первыми оказались в казахстанской степи, а затем за ними туда последовали носители арийского языка. Под действием высокого критического коэффициента в степи тохары потом осели в Таримской впадине.

Однако есть еще один вариант расселения тохар. Возможно, что выйдя в степь вместе с кельто-италийскими языками, они не осели вместе с ними в бассейне Дуная, а остались в степи и уже вместе со следующей волной индоевропейских переселенцев (германо-балто-славянами) вошли в состав культур шнуrowой керамики в украинской лесостепи

и создали тут среднеднепровскую культуру. Памятники среднеднепровской культуры найдены в верховьях Оки, на левобережье Западной Двины и в верховьях Немана. Как считает целый ряд исследователей, расселение носителей среднеднепровской культуры в Волго-Окском междуречье привело к формированию тут фатьяновской культуры. (Археология УССР т 1 с 370-375). В дальнейшем носители фатьяновской культуры двигались на восток, пока не вышли в Средневолжский лесостепной резервуар (Археология СССР Эпоха бронзы...с 63).

Средневолжский резервуар, безусловно, являлся центром расселения финно-угорских народов. Это соответствует обширным связям тохарского и прафинно-угорского языка, причем эти связи прослеживаются не только на уровне лексики (Гамкрелидзе, Иванов с 936 и сл.), но также и фонетике и морфологии (Тохарские языки, с. 11). Кроме того, тохарский имеет ряд общих изоглосс с балто-германо-славянской общностью (Гамкрелидзе, Иванов с 938). Одним из наиболее ярких примеров является название рыбы «лосось». Обитает эта рыба в реках бассейнов Каспийского и Балтийского морей, и, следовательно, в ареале культур шнуrowой керамики. В балтийском, германском, славянском и осетинском языках существовал общий термин для названия этой рыбы. В тохарском этот термин использовался для названия рыбы вообще (Гамкрелидзе, Иванов с 536), очевидно потому, что лосось в Восточном Туркестане не живет. Это свидетельствует о миграциях тохар с запада, оттуда, где они имели контакты с прабалтами, прагерманцами и праславянами, то есть могли входить в общность культур шнуrowой керамики. В дальнейшем, примерно в XIII –XII вв. до н.э., вследствие оседания на землю носителей срубной культуры в степях резко падает критический коэффициент (см. ниже). Это позволило предкам тохар выйти в степь и стать кочевниками, в результате чего фатьяновская культура в лесной зоне исчезла, и тохары, пройдя долгий путь на восток, оказались в Восточном Туркестане (Клейн гл. X § 6).

Расселение индоевропейцев по данным генетики.

Полученная нами реконструкция расселения индоевропейцев может быть проверена на материалах генетики. Наибольший интерес для нашего исследования представляет определение гаплогрупп Y-ДНК. Y-ДНК содержится в Y-хромосоме человека и определяет мужской пол. Следовательно, женский организм в норме не содержит Y-хромосом. В отличие от остальных хромосом Y-хромосома практически не участвует в рекомбинации с другими хромосомами и передается непосредственно от отца к сыну. Однако с течением времени в Y-ДНК все же происходят мутации, которые сохраняются в последующих мужских поколениях. Важно, что последующие мутации надстраиваются над предыдущими так, что можно определить мутации более ранние. Всего пока выделено 18 основных мутаций, которые называютсяклады и обозначаются буквами от A до R. Каждый клад в свою очередь разделяется на субклады или гаплогруппы, которые обозначаются цифрами и буквами. Наистарейший клад A, следовательно, все ныне живущие мужчины есть прямые предки по отцовской линии некоего мужчины, в Y-ДНК которого произошла эта мутация. Считается, что он жил примерно 75 тыс. лет назад где-то на юге Африки, поскольку гаплогруппа A с наибольшей частотой встречается среди бушменов и некоторых народов Судана и Эфиопии. Впоследствии началось расселение людей из Африки и, поскольку мутации продолжались, миграционные потоки имели уже разные гаплогруппы.

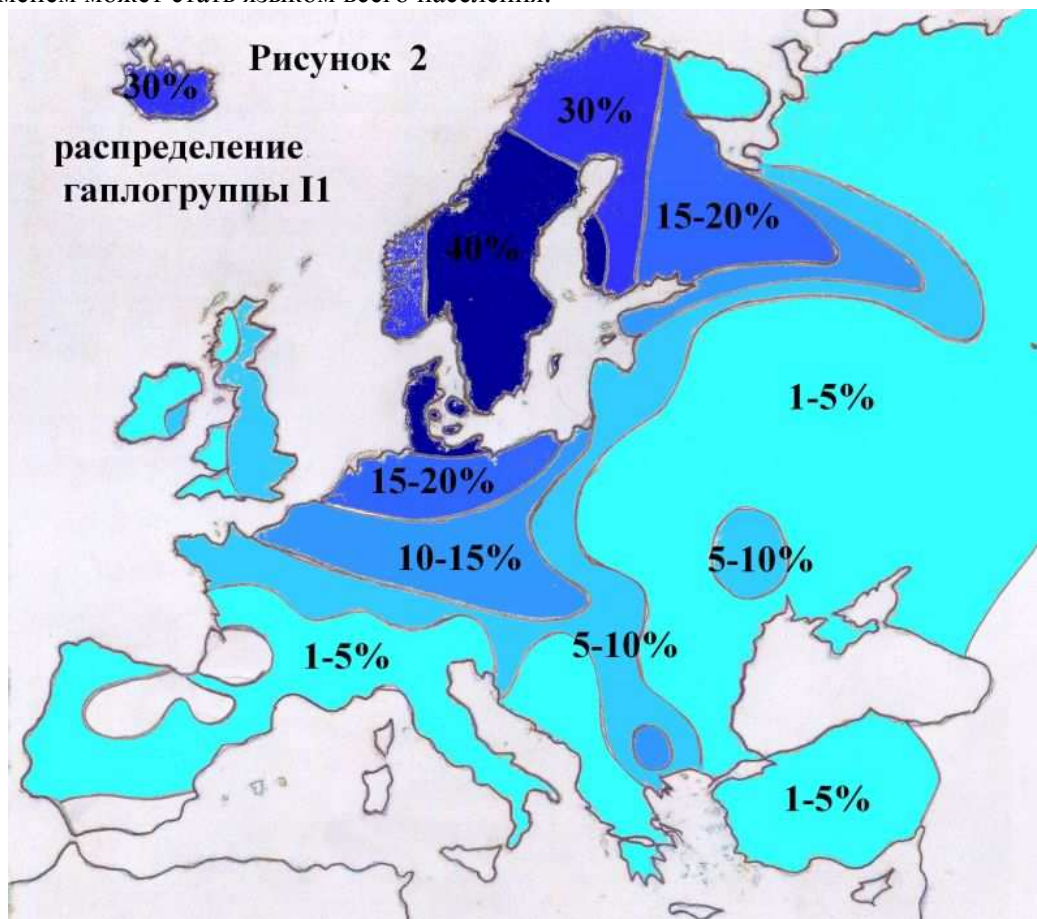
Наибольшей ошибкой является связывание определенной гаплогруппы не только с национальностью, но даже с расовым типом, поскольку Y-хромосома определяет только пол. Скажем, если некий мужчина мигрировал в иную расовую среду, то через 5-6 поколений его мужские потомки не будут отличаться внешне от своих соотечественников, но будут принадлежать к его гаплогруппе. Например, в 2007 г. генетики выявили в Англии 7 человек, которые имели английские фамилии и обычную для англичан внешность, но принадлежали к гаплогруппе A1, которая до этого была обнаружена всего у 25 человек, все родом из Западной Африки.

Тем не менее, дальние миграции, несомненно, оставляют след в генетическом составе населения и могут быть бесценным источником для изучения заселения Европы. Однако влияние миграций на современную генетику популяций сильно зависело от многих факторов и, прежде всего от уровня развития населения. Чем ниже был этот уровень, тем более глубокий след оставляли миграции. Рассмотрим этот вопрос подробнее. Пусть население резервуара живет исключительно охотой и собирательством, то есть имеет минимальный уровень развития. В этом случае вторжение в этот резервуар мигрантов с более высоким уровнем развития, практикующих скотоводство и самое примитивное подсевное земледелие в корне изменит генетический состав населения. Население более высокого уровня развития имеет более высокую критическую плотность, в нашем примере, как показывают данные этнографов раз в 5-10. Заселение

мигрантами данного резервуара будет означать, что прежняя гаплогруппа сохранится не более чем у 20% мужского населения. И это если не учитывать гибели мужчин-аборигенов в результате вторжения, что в принципе невозможно. О том, что победа будет на стороне земледельцев-скотоводов нечего и говорить. Следовательно, даже если аборигены-охотники заселяли данный резервуар, несколько превышая критическую плотность, то после вторжения их потомки вряд ли будут составлять более 5% мужского населения.

Однако если аборигенное население уже перешло к скотоводству и земледелию, но, согласно принципу достаточности, практикует менее интенсивное землепользование, чем пришельцы, то они, хотя и проиграют борьбу согласно первому закону резервуара, все же сохраняют большую долю прямых потомков по мужской линии в последующих поколениях. Возможна также ситуация, что завоеватели не проникнут в некие труднодоступные резервуары – горные долины, острова, полуострова и т.д. Оттесненное сюда аборигенное население под действием высокого критического коэффициента будет вынуждено интенсифицировать землепользование, а впоследствии, согласно второго закона резервуара, опередив в развитии мигрантов, само начнет их теснить и расселяться из своего небольшого резервуара, что оставит след в генетике популяций.

И наконец, если общество имеет достаточно высокий уровень развития для возникновения социальной стратификации, то миграции могут вести к изменению языка, но будут слабо влиять на популяционную генетику населения, как было показано выше на примере арабизации Египта. В этом случае меняется только правящая верхушка, да и то зачастую не вся, но язык этой верхушки со временем может стать языком всего населения.

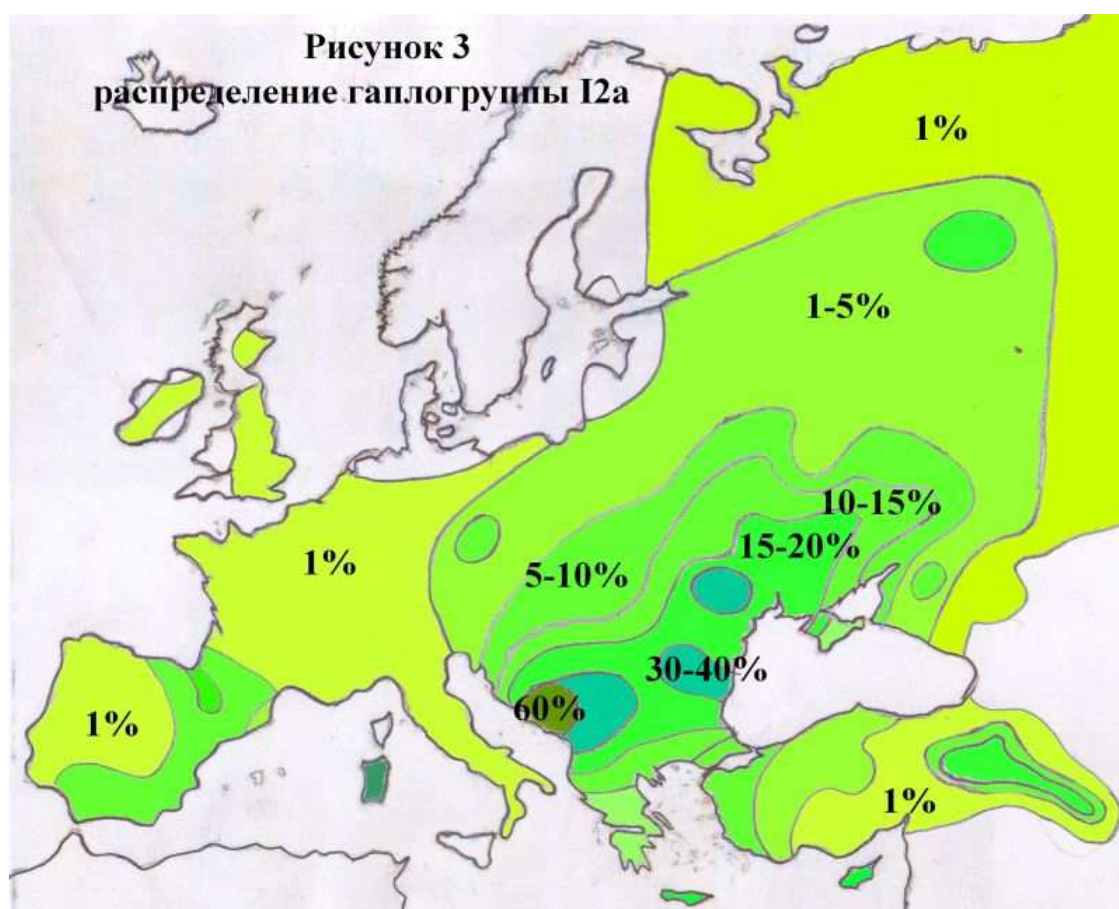

Рассмотрим теперь конкретные факты (все карты-схемы из этой главы взяты из различных открытых интернет-источников. Данные эти все время обновляются и нам остается только надеяться, что эти обновления принципиально картину не изменят). Как полагают ученые, все население Европы первоначально принадлежало к гаплогруппе I. Эта гаплогруппа возникла в Европе 25 тыс лет назад на основе мигрантов из Переднего Азии,

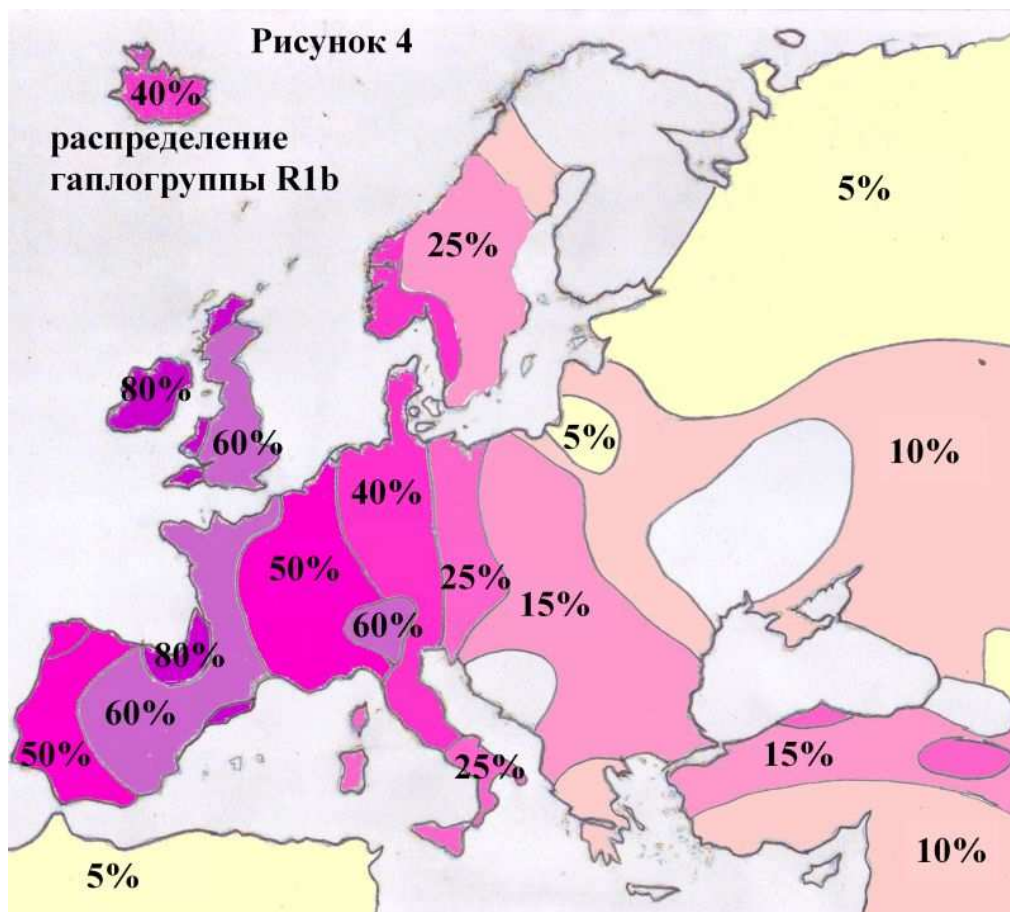
носителей гаплогруппы IJ. Она делится на два основных субклада I 1 и I 2. Как видно из рис. 2 центром распространения субклада I 1 является Скандинавия. (В Швеции – 37%).

Субклад I2 делится на две основные гаплогруппы I2a и I2b. Наибольшее распространение в Европе имеет гаплогруппа I2a. Гаплогруппа I2b распространена в основном на территории Германии и на северо-востоке Швеции, хотя даже в центрах наибольшей плотности носителей этой гаплогруппы она встречается лишь у примерно 10% мужчин, или немного чаще.

Гаплогруппа I2a имеет выраженный максимум на территории Боснии (50% по стране, среди боснийцев 42%, а у боснийских хорватов – 73%) и прилегающих странах: Хорватии (42%) и Сербии (34,5%). Второй максимум расположен восточнее, причем он разделен на два района – на территории Молдовы и на северо-западе Украины (30-40%). Имеется еще один локальный максимум на Сардинии (42%). Но население Сардинии принадлежит гаплогруппе более низкого порядка - I2a1, в то время как на Балканах и Украине - I2a2. Разделение этих гаплогрупп произошло 8000 лет назад. Кроме Сардинии гаплогруппа I2a1 со значительной частотой (10-15%) обнаружена у басков и на западе Испании.

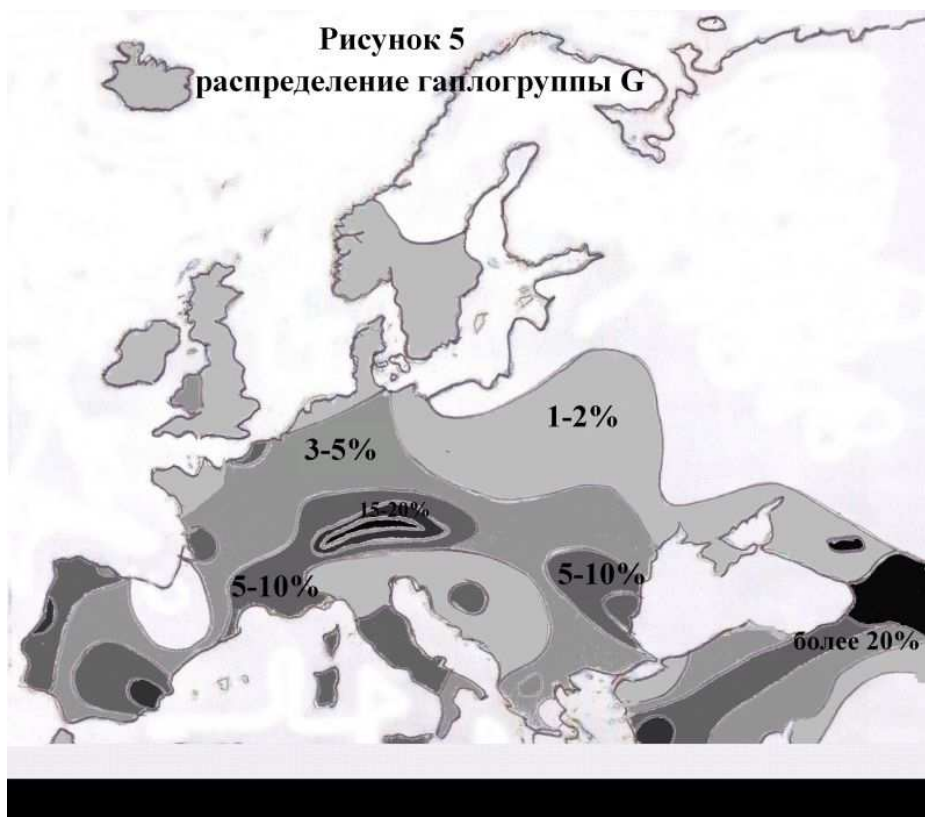

Следующая гаплогруппа, представляющая интерес для нас – R 1 b. К этой гаплогруппе, безусловно, принадлежит населения, пришедшее в Европу извне. Исследованиями установлено, что разнообразие субкладов данной гаплогруппы увеличивается по мере движения на восток, то есть европейские субклады более молоды по сравнению со среднеазиатскими или центральноазиатскими, что говорит о восточном происхождении данной гаплогруппы (Arredi, Poloni, Tyler-Smith). Она присутствует на территории Малой Азии (на востоке до 25%), но своего максимума достигает в Стране басков, Ирландии, в горах Шотландии, Уэльса, на западе Франции, особенно в Бретани (80% и более). В целом наблюдается закономерность – чем западнее, тем выше процент этой гаплогруппы.

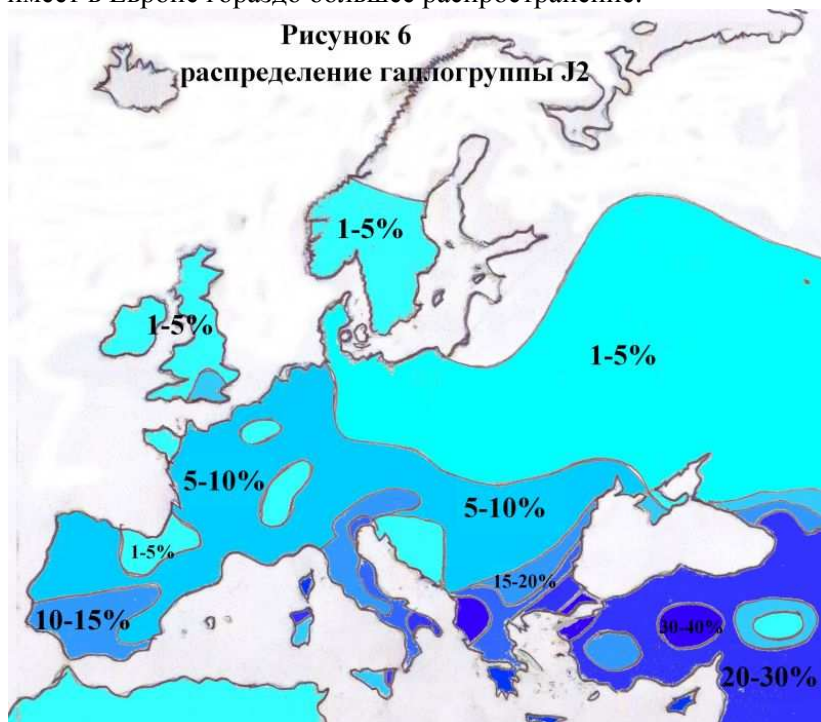

Следующая гаплогруппа, распространенная в Европе – гаплогруппа G. Характерным для этой гаплогруппы является ее преимущественное распределение в южных районах Европы, особенно в Средиземноморье. Районы с наибольшей концентрацией гаплогруппы G (до 15%): Тироль, Швейцария, Сардиния, западное побережье Италии, Крит, Фессалия (Греция) и некоторые районы

Пиренейского полуострова.

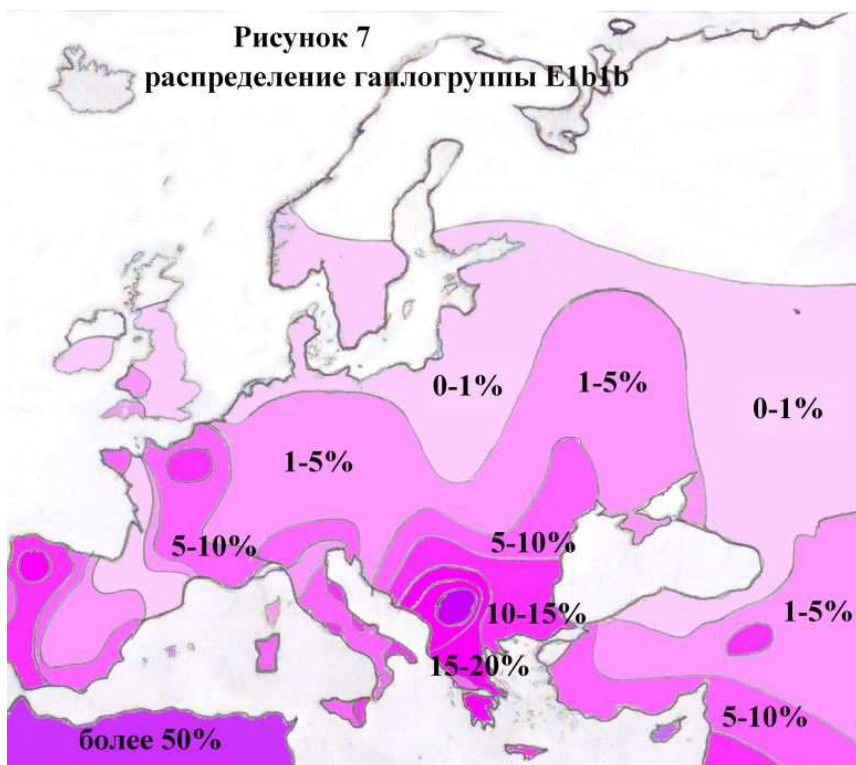

Еще одна европейская гаплогруппа – это гаплогруппа J, которая имеет два субклада J 1 и J2. Первый из них в Европе представлен незначительно. Встречается этот субклад главным образом на юге Испании, в районе Центрального Массива во Франции, кое-где в Италии и Греции. Но даже в этих местах частота этой гаплогруппы не превышает 5%. Намного выше концентрация этого субклада у евреев Европы. Субклад J2 имеет в Европе гораздо большее распространение.

Более всего в Европе гаплогруппа J2 распространена в Италии и Греции, где в отдельных регионах превышает 20%. Много носителей этой гаплогруппы в Албании и Болгарии – 20%, довольно много в Австрии (12%). В меньшей степени она присутствует в Испании (8%) и во Франции (7%). Мировые максимумы J2 обнаружены на Кипре (37%) и Крите (34%). Следующая гаплогруппа E (точнее ее субклад E1b1b).

Наибольшее распространение этой гаплогруппы отмечено на Балканах, где она

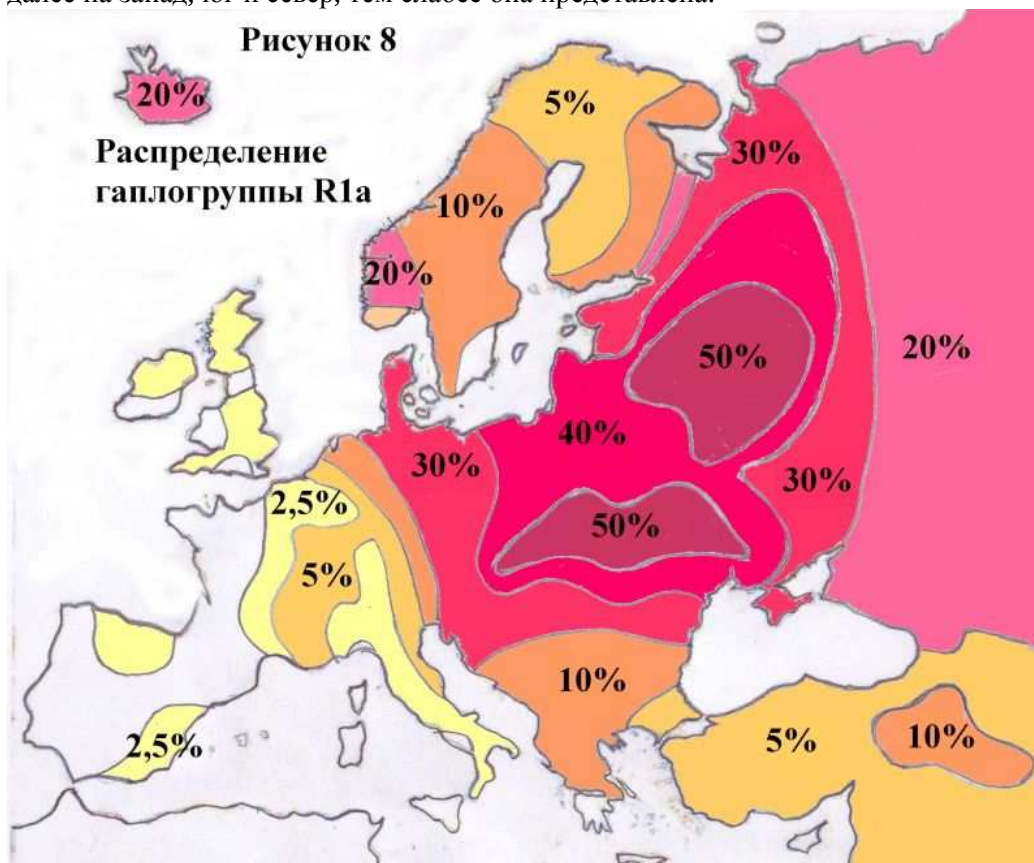

достигает 21% в Греции (в Фессалии около 30%), 27,5% в Албании, в Македонии – 23, в Сербии – 20%, в Боснии – 14,5%, в Болгарии – 16%. Она также распространена в Центральной и на юге Восточной Европы, достигая тут 10%. Значительный массив носителей этой гаплогруппы находится во Франции, где она встречается с частотой 7%, достигая в Иль-де-Франсе 18%. Относительно много также носителей гаплогруппы E1b1b в Португалии (14%), Испании (7%) и южной Италии (18%).

Наконец, последняя гаплогруппа, о которой мы будем говорить, это гаплогруппа R1a.

Гаплогруппа R1a доминирует в Восточной и в меньшей степени Центральной Европе. Наивысшая частота этой гаплогруппы наблюдается в Польше (60%), в Беларуси (49%), России (46%) и Украине (43%, но в Среднем Приднепровье и левобережной лесостепи более 60%). В России гаплогруппа R1a встречается наиболее часто в Окско-Волжском междуречье и прилегающих к нему западных и южных районах (около 50%). В Восточной Германии эта гаплогруппа встречается с частотой 24%, в Западной 9 %. В Швеции R1a обнаружена у 19 % мужчин, в Чехии 34%, в Венгрии – 32%, Австрии – 26%, Румынии – 18%, в Греции – 12%. Довольно редкой гаплогруппа R1a является в Италии (2,5%), Франции (2,5%) и Англии (4,5%), а в Испании почти не встречается (менее 2%). Таким образом, чем далее на запад, юг и север, тем слабее она представлена.

Рисунок 8

Другие гаплогруппы, чье присутствие в Европе существенно – это гаплогруппы T и N. Гаплогруппа T одна из древнейших и поэтому рассеяна по континенту, нигде не имея значительной концентрации. В Европе она встречается в Греции, Италии и Испании,

не превышая 7%. Гаплогруппа N встречается преимущественно на Севере Восточной Европы (максимум – удмурты 68%) и востоке Скандинавии (у финнов – 58%). Значительно содержание этой гаплогруппы у северных русских и прибалтийских народов (эстонцы – 34%, литовцы – 42%, латыши – 38%). В остальной части Европы эта гаплогруппа встречается редко.

Попробуем теперь, опираясь на генетический материал, привлекая данные археологии и лингвистики, реконструировать заселение Европы.

Распределение гаплогрупп I1 и I2a позволяет сделать следующие выводы. Носители клада I были древнейшим населением Европы. Вместе с тем, из археологических источников нам известно, что земледелие и скотоводство пришло в Европу из Малой Азии. Следовательно, наивысшая плотность этих гаплогрупп отмечает районы, где их носители перешли к земледелию и скотоводству до того, как туда вторглись пришельцы (или их потомки) из Малой Азии. С наибольшей четкостью это прослеживается на примере гаплогруппы I1. Очевидно, что Скандинавия была изолированным регионом, и волна миграций с юго-востока достигла ее поздно. Вместе с тем критическая плотность в Скандинавии по природным причинам не могла быть высока, поскольку тут нет больших равнин, много горных районов, а климат довольно суровый. Следовательно, согласно второму закону резервуара, тут быстро была достигнута критическая плотность, и население перешло к земледелию и скотоводству, перенимая необходимые знания от своих южных соседей. Однако значительные доли гаплогрупп R1b и R1a говорят о том, что миграции с юга были большими. Позднее под действием того же второго закона резервуара критический коэффициент тут стал высок раньше, чем на континенте и отсюда начались миграции, которые способствовали распространению гаплогруппы I1 по территории Европы.

Распространение гаплогруппы I2a предполагает ее разделение еще до проникновения мигрантов из Малой Азии. Гаплогруппа I2a1 заняла юг Франции, часть Испании и Италии и Сардинию и поскольку этот остров труднодоступен для миграций, местное население рано перешло к земледелию и скотоводству с малой долей мигрантов извне и поэтому достигло высокой критической плотности. В гораздо меньшей степени это относится к Стране басков. В остальных районах эта гаплогруппа была почти уничтожена последующими миграциями земледельцев и скотоводов. Гаплогруппа I2a2 находилась восточнее – в Карпато-Дунайском бассейне и на Балканах. Когда первые еще немногочисленные мигранты пришли на Балканы из Малой Азии, часть аборигенов в резервуарах с малой емкостью, то есть в Боснийских Альпах оказалась готова перейти к земледелию и скотоводству. Так возник сгусток носителей этой гаплогруппы с максимальной на том уровне развития критической плотностью, что позволило ей пережить все последующие катаклизмы. Дальнейшее распространение этой гаплогруппы на север и восток есть результат расселения совместно с мигрантами из Малой Азии

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что наиболее ранние мигранты из Малой Азии, то есть носители культуры Старчево – Кереш – Криш и возникшей на ее основе культуры линено-лнточной керамики принадлежали, скорее всего, к гаплогруппе E1b1b. Такой вывод основывается на том, что представители этой гаплогруппы образуют сгусток на Балканах, особенно в Албании и Фессалии, то есть рядом с высокой концентрацией гаплогруппы I2a2, о чем речь шла выше. Интересно, что в Боснии концентрации E1b1b несколько ниже, чем в соседних странах, что создает тень и свидетельствует о сопротивлении аборигенного населения I2a2. Также вместе с представителями гаплогруппы I2a2 шло расселение населения гаплогруппы E1b1b на восток, север и запад.

Но на Пиренейский полуостров эта гаплогруппа попала, скорее всего, с запада Африки, где она очень распространена (Марокко – 80%), в частности, с арабскими миграциями в I-II тыс. н.э.

Приблизительно в этот же период, хотя вероятно несколько позднее начались миграции в Европу населения гаплогруппы G. Такой вывод основан на том, что миграции эти шли вдоль побережья Средиземного моря, из Греции в Южную Италию, Лигурию, Сардинию и далее в Испанию. Балканы были закрыты для этих мигрантов земледельческо-скотоводческим населением гаплогрупп I2a и E1b1b. Скорее всего, эти мигранты принадлежали к культуре импрессо, памятники которой найдены в этих местах. Впрочем, небольшая часть представителей гаплогруппы G приняло участие в заселении равнин Европы совместно как с представителями гаплогруппы E1b1b (о чем свидетельствуют схожие ареалы распространения в Восточной Европе), так и с последующим расселением представителей гаплогруппы R1b. Продвигаясь по побережью, то есть в районах с малой емкостью, население гаплогруппы G обогнало конкурентов и по долине Роны начало расселяться по югу и юго-востоку Франции. Отсюда оно попало в Альпы, которые, вероятно были малоинтересны для населения гаплогрупп R1b, I2a и E1b1b, занимавших обширные пространства центральной Европы и севера Франции. Население гаплогруппы G также проникло на Пиренейский полуостров, хотя в Страну басков представители гаплогруппы R1b его уже не пустили. Уровень развития носителей этой культуры был довольно низок, поскольку плотность ее распространения невысока.

Следующая миграция из Малой Азии (или ряд последовательных миграций) осуществлялись представителями гаплогруппы R1b. Такой вывод основывается на следующих наблюдениях: на территории Европы наблюдаются два района, где гаплогруппы R1b практически нет. Это район Боснии и прилегающие с юга районы и территория Украины и Молдовы. Нетрудно догадаться, что почти полное отсутствие в этих районах гаплогруппы R1b объясняется тем, что тут во время распространения этой гаплогруппы аборигенное население имело уровень развития и критический коэффициент не меньший чем мигранты, как это предусматривает первый закон резервуара. Иными словами, местное население просто не пустило сюда пришельцев. Очевидно также, что местное население принадлежало к гаплогруппам I2a и E1b1b. То, что районы максимумов этой гаплогруппы не совпадают абсолютно точно с районами минимумов гаплогруппы R1b не должно нас смущать, так как за прошедшие несколько тысячелетий последующие миграции могли изменить границы распределения гаплогрупп.

Вследствие миграций представителей гаплогрупп I2a, E1b1b и G критический коэффициент на Балканах упал, что и позволило представителям гаплогруппы R1b мигрировать сюда из Малой Азии. Они прошли между двумя максимумами местных жителей, представителей гаплогрупп I2a, E1b1b и G (один на западе Балкан, другой в западном Причерноморье и в Украине), и начали расселяться на территории Западной Европы. Небольшая часть представителей гаплогрупп E1b1b и G также участвовала в этом расселении, о чем свидетельствуют ареалы их распространения на этих территориях. Следовательно, к гаплогруппе R1b принадлежало население ряда культур Карпато-Дунайского бассейна, расселявшихся на север и запад, таких как Лендел, культура воронковидных кубков. Завершилось это расселение культурой колоколовидных кубков, охватившей весь запад Европы от Испании до Ирландии и Шотландии.

Как уже отмечалось выше, максимальную плотность должна иметь та гаплогруппа земледельцев и скотоводов, представители которой первыми пришли в резервуары, до того заселенные охотниками и собирателями.

Представителей других гаплогрупп, кроме аборигенов Европы (гаплогруппа I) во многих местах западной Европы (Бретань, Ирландия, Страна басков, Уэльс) почти нет, следовательно, именно носители гаплогруппы R1b были первыми земледельцами и скотоводами, которые пришли сюда. То, что максимумы гаплогруппы R1b расположены в труднодоступных резервуарах на западе Европы, доказывает, что это было не последняя миграция с востока. Население, принадлежащее к гаплогруппе R1b, не пустило новых мигрантов в эти резервуары. Иная ситуация была в Скандинавии, где аборигены Европы, принадлежащие к гаплогруппе I1 сумели составить сильную конкуренцию мигрантам гаплогруппы R1b, хотя те все же проникли сюда. В целом картина очевидна: последующая миграция с востока с трудом преодолевала сопротивление местного населения, а в изолированные резервуары (Ирландия, запад Британии и Франции, Страна басков) проникнуть вообще не смогла.

Представители гаплогруппы J2 двигались примерно таким же путем, как и представители гаплогруппы G, но значительно позднее. Такой вывод основывается на том, что эта гаплогруппа проникла главным образом на Балканы, в Грецию и в южные и восточные районы Италии. Следовательно, хотя в результате миграций на запад и север в этих районах и освободилось место, далее резервуары были достаточно наполнены, чтобы не пустить новых мигрантов с востока. Гаплогруппа J2 пришла на Балканы, как и многие ранние мигранты, из Анатолии, где плотность этой гаплогруппы сегодня составляет 24%. Миграции в Грецию, вероятно произошли позднее и причиной этих миграций был отток населения из Греции на юг Италии (гаплогруппа E1b1b). Затем население гаплогруппы J2 также последовало на юг Италии, и оттуда расселились на север, вплоть до Альп. Дальнейшее расселение этой гаплогруппы по Европе происходило во времена Римской империи. Такой вывод основан на том, что границы распространения этой гаплогруппы в Европе довольно точно соответствуют границам Римской империи. Очень интенсивное земледелие в Италии в это время (двуполье, овощеводство, виноградарство и садоводство) обеспечили итальянскому населению несравненно более высокий критический уровень плотности по сравнению с тем, какой был у населения территорий Франции, Испании, Англии, Южной Германии и Подунавья (охота, рыболовство, подсечно-огневое земледелие и отгонное скотоводство). Массовое переселение населения из Италии привело к депопуляции полуострова, а затем упадку и распаду империи (Алексаха, с 74-91).

Миграции населения гаплогруппы R1a были одной из последних крупных миграций с востока, существенно изменивших генетическую структуру европейского населения. Очевидно, что именно они и были теми людьми, которые преодолевали сопротивление населения гаплогруппы R1b на западе Европы, хотя и расселились довольно широко по континенту. Например, в Швеции аборигены Европы (I1) в большинстве (37%), вторые по счету пришельцы (R1b) на втором месте (23%), а последняя крупная миграция (R1a) – на третьем (17%). Далее, ареал расселения представителей этой гаплогруппы позволяет предположить, что пришли они в Европу не из Малой Азии, как прочие гаплогруппы, а из евроазиатских степей. Эти наблюдения, позволяют сделать вывод, что именно к гаплогруппе R1a принадлежали индоевропейцы. Такой вывод подтверждается тем, что эта гаплогруппа распространена среди индоевропейских народов Азии – в Таджикистане, Афганистане, Иране и Пакистане. В Индии эта гаплогруппа встречается чаще на северо-западе, то есть в месте предполагаемого вторжения индоариев, а среди высшей касты, брахманов, она распространена с частотой более 70%.

Найдена она в значительных количествах и среди уйгур, башкир, крымских татар, киргизов и казахов. Однако тюркские языки, на которых говорят эти народы, распространились в степи относительно недавно (не ранее V-VI вв. н.э.). Раньше же эти народы говорили на индоевропейских языках. Уйгуры, например, биологические потомки тохар.

Индоевропейские языки проникли на запад Европы также относительно недавно, главным образом с кельтской экспансией в первой половине I тыс. до н.э. По-видимому, именно кельты принесли индоевропейские языки в Британию, Ирландию, Францию и северную Испанию. Однако миграции кельтов относятся к периоду, когда европейские общества были достаточно дифференцированы, и для ассимиляции не требовалось большого числа мигрантов и кроме того, сами кельты в значительной степени могли быть индоевропеизированными потомками более древнего населения Европы гаплогруппы R1b. Если наши рассуждения верны, то единственный язык, уцелевший от народов гаплогруппы R1b – это баскский язык. В Стране басков приходу сюда населения этой гаплогруппы (сегодня – 86% населения) предшествовало только население аборигенов Европы – клада I2a (9%). В историческое время сюда имели место миграции только в период Римской империи (гаплогруппа J2 – 2,5%). Латинский язык действительно оказал влияние на язык басков, но ассимилировать его не смог. Остальные гаплогруппы тут: J1 – 1%, E1b1b – 1% и Q – 0,5% ничтожно малы, чтобы повлиять на лингвистическую ситуацию. Интересно, что еще со Средних веков жителей севера Испании связывали с жителями Ирландии, еще одного региона с большим количеством представителей гаплогруппы R1b – 85%. Существовали легенды, что ирландцы прибыли из Испании. Вероятно, причиной таких представлений было сходство культуры, а, возможно и языка басков и жителей Ирландии, в основе которой лежало их происхождение от одного народа, в древности расселившегося по Европе.

Еще один европейский язык, не принадлежащий индоевропейцам – это этрусский язык. Книг на этруском до нас не дошло и все материалы по этому языку найдены археологами. Это в основном короткие надписи, посвятельные, надгробные и т.п. На сегодняшний день известен перевод примерно 150 слов, основываясь на которых лингвисты пришли к заключению, что этрусский язык – не индоевропейский. (Price, p 153). Споры по поводу того, как и когда этруски появились в Италии, велись еще с античности. Геродот приводит легенду о том, что этруски в результате 18-летнего голода покинули свою родину в Лидии (Малая Азия) и на кораблях прибыли в Этрурию. (Hist. 1.94). Дионисий Галикарнасский возражал, что лидийцы и этруски говорят на разных языках, молятся разным богам, имеют разные обычаи. На основании этого он делал вывод, что этруски – автохтоны Италии (Dion. 1. 30.2). Были и другие версии. Гелланик Лесбосский и некоторые другие греческие авторы связывали этрусков с пеласгами, догреческим населением Греции. Вытесненные греками из Греции они были вынуждены бежать в Италию, где стали называться тирренами или тирсенами (так греки называли этрусков).

Археологические данные свидетельствуют, что с конца бронзового века (XII—X вв. до н. э.), территорию будущей Этрурии (Тосканы) занимало население культуры протовилланова, которое эволюционировало в культуру Вилланова. Эта культура принадлежала к культурно-исторической общности культур полей погребальных урн. С культурами, производными от этой общности, связаны исторически зафиксированные культуры кельтов, италиков и иллирийцев. Характерной чертой погребального обряда этой общности был обряд кремации умерших с захоронением праха в урнах. С середины VIII в. до н. э. в Тоскане начинает распространяться обряд ингумации умерших и формироваться культура этрусков, весьма отличавшаяся от культур полей погребальных урн (Barker, Rasmussen). Следовательно, в Тоскане этруски были пришельцами.

Направление, откуда пришли в Тоскану этруски нам подсказывают сведения античных авторов. Так, Тит Ливий сообщает «И альпийские племена, бесспорно, тоже по происхождению этруски, особенно ретии, которые, однако, под влиянием окружающей природы одичали до такой степени, что не сохранили от старых обычаев ничего, кроме языка, но даже язык они не сумели сохранить без искажения» (V, 33,10). Ретии, или реты – жители части восточных Альп. После завоевания их римлянами в 15. г до н.э. на их территории была создана римская провинция Реций.

На этой территории было обнаружено значительное количество надписей алфавитом сходным с этрусским, (т.н. североэтрским алфавитом) на языке родственном этрусскому. Как полагают ученые, разделение ретского и этрусского языка произошло около 1200-1000 гг. до н.э. (Schumacher, 1992; Rix, 1998). С ретами достоверно ассоциируется археологическая культура Фритценс – Санцено, которая

существовала в Восточных Альпах на территории Тироля и Трентино. Просуществовала эта культура до начала нашей эры, когда началась романизация местного населения, а возникла в VI в. до н.э. К ретам археологи также относят археологическую группу Магре и культуру Камунской долины (Valcamonica) (Gleirscher, 16, Abb 6.), на территории которых также найдены надписи на языке, родственном этрусскому (Gleirscher, Nothdurfter, Schubert).

Однако считать территорию культуры Фритценс-Санцено родиной этрусков нельзя, так как эта культура возникла в VI в. до н.э., а культура этрусков в Тоскане в VIII в. д.н.э. Следовательно, предки этрусков пришли в Тоскану раньше, чем предки ретов в Реций. До возникновения культуры Фритценс-Санцено на большей части ее территории с XIV в. до н.э. существовала культура Лауген-Мелаун (Gleirscher, 16 Abb 6.). По своему характеру и в особенности по погребальному обряду эта культура входила в культурно-историческую общность полей погребальных урн, о которой речь шла выше.

Следовательно, реты, родственники этрусков, пришли на территорию собственно Реция даже позже, чем на территорию Тосканы. Однако мы можем предположить, откуда они пришли. Еще в период существования доретской культуры Лауген-Мелаун, южнее ее территории археологами зафиксированы археологические группы Камунской долины (Valcamonica) и Ангарано-Гарда. Тут не было культур полей погребальных урн и наблюдается постепенная эволюция в группы ретской культуры Фритценс-Санцено, первая в группу с таким же названием, а вторая в группу Магре. Особенно стабильной была культура Камунской долины. Страбон называет жителей этой долины, камунов, родственными ретам : «Область ретов простирается до части Италии, расположенной над Вероной и Комом, а также до местностей, по которым протекает Рен; к этому племени принадлежат также лепонтии и камуны». (Strabo IV, 6.8). Действительно в Камунской долине, а точнее системе высокогорных долин, найдены около 200 надписей, сделанных североэтрским алфавитом, на языке близком к этрусскому (Gleirscher, Nothdurfter, Schubert).

На фоне широкой экспансии культур общности полей погребальных урн с их характерным обрядом погребения, которая охватила Южную Германию, Швейцарию, Северную Италию, Восточную Францию эти труднодоступные места выглядели островом, где сохранились многие

особенности более ранних культур, в том числе и погребальный обряд. Следует отметить, что Восточные Альпы в силу наличия тут обширных высокогорных долин сохраняли реликтовые языки и впоследствии. Тут до наших дней сохранились рето-романский язык, языки ладинов и фриулей, которые больше нигде не встречаются. Таким образом, вполне возможно, что в труднодоступных местах Восточных Альп сохранились доиндоевропейский язык, распространившиеся впоследствии в долину По и Тоскану.

Надписи на языке близком этрусскому сохранились и в других частях Европы. В первую очередь нужно сказать о лемносской стеле. Эта надгробная стела, которую относят к VI веку до н. э. Надпись на стеле сделана греческими буквами на языке, родственном этрусскому. Итальянская археологическая экспедиция в 1928 обнаружила надписи, сходные с надписью стелы, на фрагментах местной керамики. Следовательно, язык стелы был распространён на Лемносе, то есть стела не была откуда-то привезена сюда (Simone). Лингвисты считают, что ретский, лемносский и этрусский – это родственные языки (Rix; Schumacher, 1998, pp. 90-114). Эти языки немецкий лингвист Хельмут Рикс предложил называть тирренскими. Кроме того, найдены надписи на Кипре (надпись из Амутуса), которые написаны на языке, родственном этрусскому. Некоторые ученые считают, что язык древнейшего населения Крита, т.н. этеокритский или минойский также родственен этрусскому.

Геродот писал, что догреческим населением Лемноса были пеласги (Hist., IV.145; V.26). Упоминаний о пеласагах у греческих авторов множество, но исторической ценности они представляют мало. Главную вывод, который можно из них сделать, это то, что пеласги населяли Грецию до прихода греков. Геродот был в этом убежден и считал, что греки ассимилировали пеласгов: «До своего объединения с пеласгами эллины были немногочисленны. Из такого довольно скромного начала они численно возросли и включили в себя множество племен, главным образом оттого, что к ним присоединились пеласги и много других чужеземных племен». (1.58).

Во времена Геродота, пеласги еще существовали : «На каком языке говорили пеласги, я точно сказать не могу. Если же судить по теперешним пеласгам, что живут севернее тирсенов в городе Крестоне (они некогда были соседями племени, которое ныне называется дорийцами, и обитали тогда в стране, теперь именуемой Фессалиотидой), и затем — по тем пеласгам, что основали Плакию и Скиллак на Геллеспонте (пролив Дарданеллы – А.А.) и оказались соседями афинян, а также и по тем другим городам, которые некогда были пеласгическими, а позднее изменили свои названия. Итак, если, скажу я, из этого можно вывести заключение, то пеласги говорили на варварском языке. Если, стало быть, и все пеласгическое племя так говорило, тогда и аттический народ, будучи пеласгическим по происхождению, также должен был изменить свой язык, когда стал частью эллинов. Ведь еще и поныне жители Крестона и Плакии говорят на другом языке, не похожем на язык соседей. Это доказывает, что они еще и теперь сохраняют своеобразные черты языка, который они принесли с собой после переселения в эти места» (1.57).

В самом конце VI в. до н.э., пеласги еще населяли некоторые острова Эгейского моря. Геродот сообщает, что когда персы завоевали Лемнос и Имброс, то эти острова были населены пеласгами (IV, 26). Изгнали же афиняне пеласгов с Лемноса только во время войны против Фасоса в 466 г. до н.э. (VI, 140). Фукидид также подтверждает, что в его время на Халкидике жили пеласги, которые некогда жили на Лемносе и в Афинах, при этом он отождествляет их с тирсенами, то есть этрусками (IV. 109, 4).

Таким образом, памятники тирренских языков найдены в Италии (Тоскана), в Альпах (Комунская долина, Реций), на Кипре и в Греции (Лемнос, Крит). Сведения Геродота и Фукидида позволяют предположить, что догреческое население Греции говорило на этих языках и дают нам еще один район вблизи Дарданелл. Кроме того, известно, что одна из областей Фессалии называлась Пеласгиотидой.

Эти данные соответствуют распространению высокой плотности гаплогруппы J2 в Европе (см. рис 7). Сопоставляя данные письменных источников, археологии и генетики, можно предположить, что носители тирренских языков пришли в Грецию в самом конце III тыс. до н.э., что соответствует распространению тут так называемой серой минийской керамики и началу среднеэлладского периода. Этот период длился примерно до 1550 г., когда минийская керамика исчезает и начинается позднеэлладский период и переселение греков с севера. Греки, вероятно, действительно были немногочисленны, как сообщает Геродот (R1a в Греции 11,5%), но их хватило для ассимиляции местного населения. Интересно, что греческие легенды изображают пеласгов как народ с более высоким уровнем развития, чем сами греки. Геродот, ссылаясь на афинские предания и Гекатея, сообщает что, пеласги, а не греки, возвели стену вокруг Акрополя и обладали более высокой культурой земледелия (VI, 137).

Ассимиляция пеласгов произошла потому, что критический коэффициент в Греции в это время упал, что подтверждается определенным упадком культуры и сокращением числа поселений на Пелопоннесе (Cartledge, 36). Причиной же были миграции населения из Греции в Южную Италию (см. выше). Мигранты J2 продвигались на север по восточной части Итальянского полуострова, поскольку западная его часть была заселена гаплогруппой G. На севере они достигли бассейна р. По и сохранили свой язык в южных альпийских долинах. Вопрос о том, откуда началось распространение по Европе тирренских языков, достаточно ясен. Несомненно, что они пришли в Европу из Малой Азии, что подтверждается наличием связей между этрусским языком и анатолийскими языками. Скорее всего, это произошло на грани III и II тысячелетий до н.э. и было вызвано еще одной миграцией населения Балкан на север и запад. О возможности такой миграции свидетельствует запустение территории Болгарии в это же время (Mellaart 1958).

Кроме расселения тирренских языков генетика позволяет понять и миграции носителей армянского языка. Выше уже неоднократно шла речь об общности арийского, греческого и армянского языков, в которую включают также вымершие фракийский, македонский и фригийский языки. Вымершие языки нам известны плохо, поэтому их включение в эту общность в значительной степени предположительно. Что же касается живых языков, то греческий и армянский намного ближе друг к другу, чем к арийским языкам. Еще Мейе предположил, что исходные языки, от которых произошли греческий и армянский, были диалектами одного языка на общей для них территории, расположенных по соседству с территорией распространения их исходного языка (Meillet). Некоторые лингвисты даже говорили о существовании единого греко-армянского языка. (Studies in Greek... p. 91).

Как мы говорили выше, греческий язык попал в Грецию предположительно около 1550 гг. до н.э. Как и когда армянский пришел в Армению? Мы уже приводили выше свидетельство Геродота о переселении фригийцев в древности с Балкан в Малую Азию и об отделении армян от фригийцев (VII, 73). Имеется также свидетельство Евдокса Родосского, что фригийцы и армяне говорят на одном языке (Объезд земли, 694). О миграции праармян на их историческую родину с запада свидетельствуют заимствования в армянском из анатолийских языков (Гамкрелидзе, Иванов с 912). Как же и почему армяно-фригийские племена с Балкан прошли всю Малую Азию и оказались на Армянском нагорье?

В восточной половине Малой Азии до конца XIII в. до н.э. существовало Хеттское государство, население которого говорило на анатолийских языках. Гибель этого государства до сих пор не получила удовлетворительного объяснения.

Археологи не могут назвать конкретную археологическую культуру, с носителями которой можно связать разгром этого государства. Важно также и то, что историческое ядро Хеттского царства после этого времени запустело. Города были покинуты и в течение последующих 400 лет из этого района не сохранилось ни одного письменного документа (История древнего Востока 1988, с. 194). Гибель Хеттского государства – прекрасный пример действия первого и третьего законов резервуара, а так же того, что понимания исторических процессов мало одной формальной логики. Попытаемся рассмотреть события с точки зрения предлагаемой модели развития.

Если во II тыс. до н.э. анатолийские языки фиксируются на востоке и центре Малой Азии, то в более позднее время они отмечены в ее юго-западной части – в Лидии, Карии, Ликии. Эти факты позволяют предположить, что имеющий малую емкость резервуар, в котором сложилось Хеттское государство (верхняя часть бассейна реки Кызыл-Ирмак), был к концу XIII в. до н.э. полностью заполнен, в результате чего отсюда начались миграция населения, в частности, на юго-запад. Заполнение резервуара объясняет усиление хеттского государства в XIV–XIII вв. до н.э. К концу этого периода хетты воевали с египтянами и битва между ними при Кадеше (1274 г. до н.э.) считается одной из наибольших битв колесниц в мировой истории.

Кроме того, мы знаем, что египетский фараон Меренптахе в конце XIII в. до н.э. разбил какие-то племена, т.н. «народы моря», которые пытались из Азии напасть на Египет. Еще раз эти же народы были разбиты Рамсесом III, уже в начале XII в. до н.э. Скорее всего, двигались эти народы с запада и юго-запада Малой Азии. Об этом свидетельствуют их названия: дарданы (соседи троянцев), шерданы (город Сард в западной части Малой Азии) шакаласса (город Сагаласса на юге Малой Азии), тевкры (жители Трои), лукка (Ликия – страна на юго-западе Малой Азии) турша или тирсены (как мы знаем по Геродоту, жившие на западе Малой Азии) и акайва (ахейцы, т.е. греки). Вероятно, к этому времени заполнились резервуары в западных и юго-западных районах Малой Азии, и часть населения отсюда мигрировала на юг, в Левант и Палестину, а позднее напала на Египет. Таким образом, критический коэффициент тут упал и на освободившееся место пришли хеттские племена с востока, в результате чего исчезло хеттское государство, но на юго-западе Малой Азии появились Лидия, Кария, Ликия население которых говорило на более поздних языках анатолийской группы. Часть хеттов переселилась также в Северную Сирию и тут хеттские княжества просуществовали до конца VIII в. до н.э.

Падение критического коэффициента на западе Малой Азии вызвало миграции сюда не только с востока, но и с запада, из материковой Греции. Тут в этот период существовала микенская цивилизация греков-ахейцев, которая достигла расцвета к XV–XIII в.в. до н.э. Но в XIII–XII в.в. до н.э. микенская цивилизация погибает. Укрепленные поселения были покинуты, таблички с письменами исчезают, деградирует искусство и художественное ремесло. Например, если керамика первой половины XII в. до н.э. насчитывает 108 разновидностей сосудов, то керамика XI в. до н.э. насчитывает только 12 видов сосудов. (Snodgrass. 1971. p. 34). Первоначально полагалось, что микенскую цивилизацию разрушили вторгшиеся с севера дорийцы. Однако впоследствии многие ученые отказались от теории дорийского нашествия. Дело в том, что дорийцы пришли в Грецию значительно позднее разрушения микенской цивилизации (Desborough 1964.p. 252; Desborough.1972.p. 23; Mylonas. p. 406; Vermeule c. 279; Bouzek..c. 200; Finley. p. 61; Cartlidge.1979. c. 75).

Против версии варварского нашествия говорит и то, что разрушение цивилизации растянулось на столетие. И хотя часть укрепленных пунктов микенского периода была разрушена, некоторые захирели как бы сами собой, без всяких следов разрушения как, например, дворец в Тиринфе.

При этом совершенно очевидно резкое уменьшение численности населения Греции. Если археологи нашли во всей Греции 320 мест, которые были населены в XIII в. до н.э. то таких мест, относящихся к XII в. до н.э. было найдено 130, а к XI в. до н.э. – только 40 (Snodgrass 1971. P. 364).

Благодаря тому, что на западном побережье Малой Азии освободилось место, греки ахейцы массово переселялись туда. Археологи находят микенские артефакты на западном и южном берегу Малой Азии, на Кипре и Родосе (Андреев сс. 292, 293). Некоторые греческие поселения появляются даже на побережье Финикии и Сирии. Как это обычно бывает, первоначально греки совершали лишь грабительские набеги на соседние страны. Одним из таких набегов была война против Трои, память о которой была увековечена Гомером. Эта война произошла во второй половине XIII столетия до н.э. (История древнего Востока 1988 с. 188) Массовое же переселение греков началось позднее. Особенно густо греки заселили западное побережье Малой Азии. Эти земли позднее стали одним из важнейших центров античной греческой цивилизации. Депопуляция материковой Греции в соответствии с третьим законом резервуара вызвала регресс. И, поскольку Греция запустела, сюда через некоторое время с севера переселились греки-дорийцы.

Все эти примеры свидетельствуют о масштабных перемещениях населения в Малой Азии и прилегающих районах в XIII – XII вв. до н.э. Благодаря тому, что произошло перемещение населения, на севере и в центре Малой Азии критический коэффициент упал, и сюда начались миграции населения Балкан (фригийцев-армян). Интересно, что в конце VIII – начале VII в. до н.э. в Малую Азию с Балкан пришла новая волна мигрантов. Это были племена вифинцев (Arrian, fr. 37 Fragmenta, p. 593) о фракийском происхождении которых сообщают Геродот и Фукидид (Herod., III, 90; VII, 75; Thuc., IV, 75). Это оставило свой след в генетической структуре населения Малой Азии. Европейская гаплогруппа I2a2 тут представлена значительно на западе полуострова, но интересно, что эта гаплогруппа на востоке Малой Азии и на Армянском нагорье образует большой анклав с плотностью от 15 до 20%. Но еще более интересно, что такой же анклав, в точности повторяющий очертания вышеупомянутого (около 10% населения), тут же образует гаплогруппа R1a (см. рис 9 и 4). Другие гаплогруппы в образовании этого анклава не участвуют, только гаплогруппа E1b1b образует на этой же территории меньший по размерам анклав (от 10 до 15% населения). Такое совпадение, разумеется, не случайно. Оно свидетельствует о совместной миграции носителей этих гаплогрупп. Более чем вероятно, что пришла эта миграция с Балкан, так как именно там все вышеуказанные гаплогруппы составляют большинство населения. Поскольку эта миграция произошла уже после переселения индоевропейцев в Европу (R1a), то, видимо, это следы переселения армян с Балканского полуострова.

Можно также высказать предположение, когда армяне переместились из Малой Азии на Армянское нагорье. До VI в. до н.э. тут существовало государство Урарту, жители которого говорили на языке, родственном древнему хурритскому и современным восточносеверокавказским языкам. Начиная с VII в. до н.э. население Урарту мигрирует в Закавказье, что приводит к ослаблению и упадку этого государства. В Закавказье переносится и столица Урарту. Вероятно в это же время и происходило переселение части армян из Малой Азии на Армянское нагорье и ассимиляция ими остатков урартского населения, вследствие чего армянский язык испытал значительное влияние урартского языка (Дьяконов, 1968, с 199—201).

Я должен извиниться перед читателем за столь длительное отступление от нашей главной темы. Но на приведенных выше примерах я хотел показать, что и первичные и вторичные миграции населения, сопровождающиеся сменой языков и культур – явление типичное в течение периода активных миграций и примеры таких миграций, о которых мы будем говорить ниже, не представляют из себя ничего необычного.

Подводя итог этой главе, можно сказать, что генетическая структура европейского населения соответствует предложенной нами реконструкции заселения Европы. Вместе с тем, генетические материалы помогают лучше понять древние миграционные процессы. Нет сомнения, что в будущем новые открытия генетиков дадут нам возможность еще лучше реконструировать прошлое. Особенно перспективны генетические исследования останков древнего населения.

Итак, наш анализ ранних периодов истории индоевропейцев дает основания предполагать, что оседание групп индоевропейцев, носителей ямной культуры, в лесных районах Европы соответствует языковым общностям, обнаруженным лингвистами. Носители праславянского языка должны были совместно с предками германцев, балтов и, возможно, тохар, входить в общность культур шнуrowой керамики. Этот вывод позволяет нам ограничить район нашего исследования преимущественно ареалом этой общности. Далее мы будем рассматривать лесную зону Центральной Европы, включающую в себя территорию Польши и Германии, причем главным образом ее восточную часть, лесную зону Восточной Европы до Средней Волги и украинскую степь, потому что степь, вследствие действия второго закона резервуара, продолжала оставаться важнейшим генератором миграций.

4.2. Лесная зона Центральной и Восточной Европы, середина II тыс. до н.э. - начало I тыс. до н.э.

Примерно начиная с XVI в. до н.э. в лесной части Украины начинает распространяться тшинцевская культура (Археология УССР т. 1 с 444). Несколько более поздним временем датируют начало тшинцевской культуры польские археологи – серединой XV в. до н.э. (Кухаренко 1969. с 69-70). Эта культура занимала очень большую территорию – большую часть территории Польши (западнотшинцевская культура), северную часть Правобережной Украины (восточнотшинцевская культура) и часть левобережья в междуречье Днепра и Десны (сосницкая группа восточнотшинцевской культуры или сосницкая культура).

Как считают археологи, тшинцевская культура сформировалась на основе одной из культур шнуrowой керамики (Археология УССР т 1 с 444). Единство тшинцевской культуры не оставляет сомнения, что ее носители расселялись из одного центра.

Возможно, что таким центром была Волынь. Действительно, этот регион не раз был резервуаром-донором, из которого исходили миграции. Кроме того, он расположен в центре ареала тшинцевской культуры. Отсюда население вполне могло расселяться двумя потоками: на восток южнее Припяти и на северо-запад, на территорию Польши.

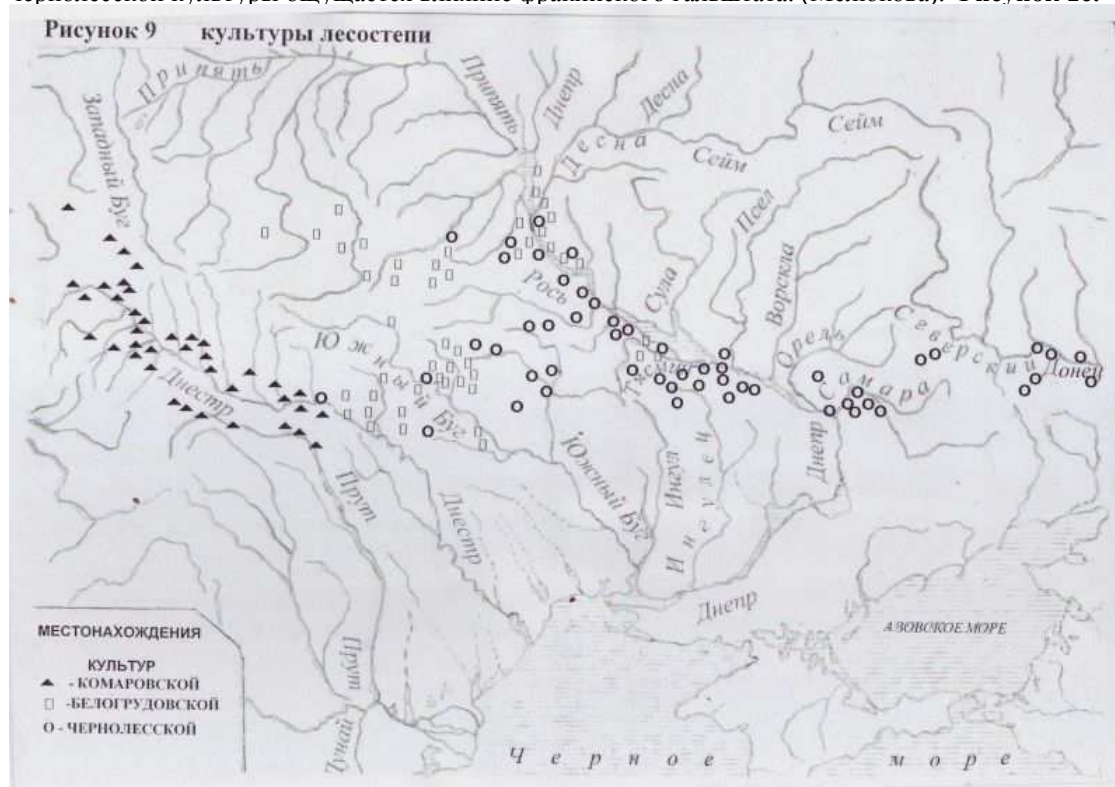
В Среднем и Верхнем Приднестровье в это же время проживали носители комаровской культуры, имеющей много общего с тшинцевской культурой. Некоторые ученые выражают уверенность в том, что «...тшинцевская культура в Польше, восточнотшинцевская в Северной Украине и комаровская на Днестре относятся к одной культурной и, вероятно, этнической общности» (Археология УССР т. 1 с.437). Вместе с тем археологи отмечают большую близость комаровской культуры с племенами Карпато-Дунайского бассейна, в связи с чем допускается возможность того, что в сложении комаровской культуры участвовала какая-то группа племен, переселившихся из-за Карпат (Археология УССР т. 1 с.436).

Начиная с конца XIII в. до н.э. археологи отмечают в памятниках комаровской культуры усиление влияния культуры Ноа, которая занимала значительную часть территории Румынии и Молдавии. Как полагают исследователи, культура Ноа генетически связана с достоверно фракийскими культурами (Morinitz р. 216). С XII в. до н.э. носители культуры Ноа занимают территорию комаровской культуры на правобережье Днестра, но в то же время восточнее, в верхней части бассейна Южного Буга возникает белогородовская культура (XI – IX вв. до н.э.), имеющая много общих черт с комаровской культурой (Археология УССР т 1 с 512). В белогородовской культуре прослеживается сильное влияние культуры Ноа. Это обычай насыпать зольники, керамика, некоторые украшения и орудия труда (Археология УССР т 1 с 502). С конца XI в. до н.э. культура Ноа в Приднестровье сменяется культурой фракийского гальштата (Мелюкова), а с IX в. до н.э., на основе белогородовской культуры формируется чернолесская культура (IX – VI вв. до н.э., вместе с жаботинским этапом),

Рисунок 9 Тшинцевская и комаровская культуры.

основной центр которой находился в лесном массиве в бассейне Тясмина и верховьях Ингульца. Часть населения чернолесской культуры переселилась на Правобережье и поселилась в лесных районах в Самарской луке возле Днепропетровска и на Северском Донце выше Луганска. (Археология УССР т. 2 с 22). В керамике чернолесской культуры ощущается влияние фракийского галыштата. (Мелюкова). **Рисунок 10.**

Таким образом, в то время как носители тшинцевкой культуры расселялись на восток по лесной зоне территории Украины, носители комаровской культуры мигрировали из Приднестровья в бассейн Южного Буга, а позднее их потомки в район Тясмина – Роси и на левобережье, при этом, не теряя связей с культурами Карпато-Дунайского бассейна. Присутствие в украинской лесостепи населения, говорившего на каких-то восточнобалканских языках, предположительно фракийских, подтверждается наличием фракийских гидронимов, протянувшихся от верховьев Днестра через верховья Южного Буга к Среднему Днепру (Трубачев 1968 с 282). Среди этих гидронимов, присутствует ряд гидронимов имеющих в основе индоевропейский корень *streu* – течь, (русс. струя, укр. струм, нем. Strome – поток) (Трубачев 1968. с.155). Это, в частности, Стрый, Стрыпа, Струга. От этого же корня образовано фракийское название Дуная – Истр. С этим корнем лингвисты связывают также название Днестра. Известно, что у Иордана эта река называется Данастер. Двучленность этого названия очевидна и давно известна. Первая часть этого названия, «дана», то есть река, из какого-то иранского языка. В основе второй морфемы лежит указанное выше фракийское слово «стр» – река (Трубачев 1968 с 216-218). Очевидно, иранцы, которые пришли к Днестру позже фракийцев, образовали название Днестра по принципу «река Стр», то есть река Река. В связи с вышесказанным интересна параллель с названием крупнейшей реки Украины – Днепра. Иордан называет эту реку Данаприс. По аналогии с вышесказанным название Данаприс должно читаться «река Прис», или, скорее, Порис. Совсем недалеко, в Прикарпатье, протекает еще одна крупная река со сходным названием - геродотовская Пората, современный Прут. Подсчитано, что на территории Фракии топонимов с морфемой «пара» имеется более 50. (Georgiev p.9). Хотя наши знания о фракийском языке, как уже отмечалось выше, скудны, все же лингвисты с большой долей вероятности утверждают, что это слово имело значение «река». Оно восходит к индоевропейскому богу «река» и имеет аналогии в некоторых других языках. Интересно, что на территории древней Фракии в современном болгарском языке сохранилось слово бага в значении ручей (там же). Наиболее раннее из известных нам названий Днепра – Борисфен. Так называли эту реку во время Геродота. Морфема «Порис», несомненно, соответствует первой части этого названия Днепра. Переход «б» в «п» – обычное явление. Возможно, что двухчленное название Борис – фен, построено по тому

же принципу, что и более позднее Дана – порис, то есть река – Река. Хотя ничего нельзя утверждать наверняка, все же археологические свидетельства в пользу фракийского происхождения предскифских культур лесостепи соответствуют предположительно фракийскому древнему названию крупнейших рек этих мест – Днестра и Днестра. Ведь чем крупнее река, тем реже она меняет название, поэтому мы не знаем этимологии названий большинства, если не всех крупнейших рек.

Западная часть тшинецкой культуры просуществовала на территории Польши примерно до конца II тыс. до н.э. Вероятно очень рано, практически сразу же после их появления в Польше, носители тшинецкой культуры начинают миграции на северо-восток, в Белоруссию. После их ухода с западной половины Польши, на территорию от левобережья Эльбы до правобережья Вислы и от побережья Балтики до Северной Моравии примерно в XV- XIV в. до н.э. формируется предлужицкая культура, а к 1200 г. до н.э. на этой территории завершилось формирование лужицкой культуры. Нет никакого сомнения в том, что истоки лужицкой культуры лежали в Карпато-Дунайском бассейне, потому, что лужицкая культура была важнейшей частью культурной общности полей погребальных урн. Отличительной чертой этой общности был обряд кремации умерших с захоронением останков в погребальных урнах. Возник этот обряд в бассейне Среднего Дуная и впоследствии был распространен отсюда по Европе миграциями населения. (Piggot p. 145; Gimbutas 1965 p. 296 fl.). Кроме погребального обряда, сильное среднедунайское и прикарпатское влияние ощущается и в других элементах лужицкой культуры (Кухаренко 1969 с 71). Территория лужицкой культуры простиралась от левобережья Эльбы

Рисунок 11.

до восточных границ современной Польши, кроме северо-востока, на юге включала в себя значительную часть территории современной Чехии, а на юго-востоке – часть Волыни и Приднестровья (Кухаренко 1969 с 72). Тут, при несомненном влиянии лужицкой культуры, в VIII в. до н.э. возникает высоцкая культура. Некоторые археологи считают высоцкую культуру не самостоятельной культурой, а лишь сильно продвинутой на восток группой лужицкой культуры (Археология УССР. т.2 с.42). С большой степенью вероятности можно предположить, что распространение лужицкой культуры по территории Польши стало возможным вследствие миграций отсюда с конца II тыс. до н.э. носителей западнотшинецкой культуры далее на восток, на территорию Восточной Прибалтики и Белоруссии. Тут возникает культура штрихованной керамики, которая охватывает очень большой ареал – частично Калининградская область России, Литва, Латвия, запад Эстонии, юго-запад Финляндии, в Белоруссии и России примерно по линии Себеж – Торопец – Белый – Смоленск – р. Сож – водораздел между Припятью и Березиной. Возникла культура штрихованной керамики в конце II тыс. до н.э. и просуществовала до середины I тыс. н.э. Исследователи этой культуры отмечают, что она формировалась под

влиянием с юго-запада. О связях с западом свидетельствует и форма проушных узколезвейных топоров культуры штрихованной керамики. Такие топоры наиболее типичны для южной Прибалтики, где они и возникли (Очерки археологии Белоруссии, с.208). Расселение носителей культуры штрихованной керамики на столь большой территории неизбежно привело к ее фрагментации. На территории Прибалтики и Белоруссии на ее основе возникают местные культуры. Несколько раньше прихода в лесную зону Восточной Европы носителей западнотшинецкой культуры, где-то во второй половине II тыс. до н.э. сюда **Рисунок 12.**

свидетельствующих о генетическом родстве сосницкой, лебедовской и днепро-двинской культур. (Березанская). Вследствие того, что критический коэффициент в бассейне Десны упал, сюда с северо-востока по течению Оки проникает население, родственное дьяковской культуре, вследствие чего в бассейне Десны и Сейма в VI в. до н.э. формируется юхновская культура. Археологи отмечают сходство форм и **Рисунок 13.**

с территории Среднего Поднепровья начинают проникать носители восточно-тшинецкой культуры, в результате чего тут формируется сосницкая группа, или сосницкая культура. Эти миграции хорошо фиксируются некоторыми чертами сосницкой культуры, не характерными для предшествующей средне-днепровской культуры, но присущими тшинецко-комаровской культуре, например, тюльпановидными горшками. Вследствие расселения носителей сосницкой культуры на ее основе возникает лебедовская культура. Позднее носители лебедовской культуры уходят с Подесенья на север в верховья Днепра и Западной Двины, где в VII в. до н.э. возникает днепро-двинская культура (Археология УССР т. 2 с. 182). Археологи отмечают целый ряд признаков,

орнаментации керамики, украшений и глиняных изделий дьяковской и юхновской культур. (Археология УССР т. 2 с 182).

Таким образом, миграционные потоки в лесную зону Восточной Европы шли с запада и востока в обход бассейна Припяти. Эти потоки сомкнулись примерно по линии Березина – среднее течение Западной Двины. Исследователи отмечают своеобразие западной части днепро-двинской культуры, занимавшей среднее течение Западной Двины. Днепро-двинским слоям тут предшествуют слои со штрихованной керамикой (Шадыро с.111- 113).

После того, как достаточно плотно были заселены окружающие лесные районы, началось заселение и Полесья.

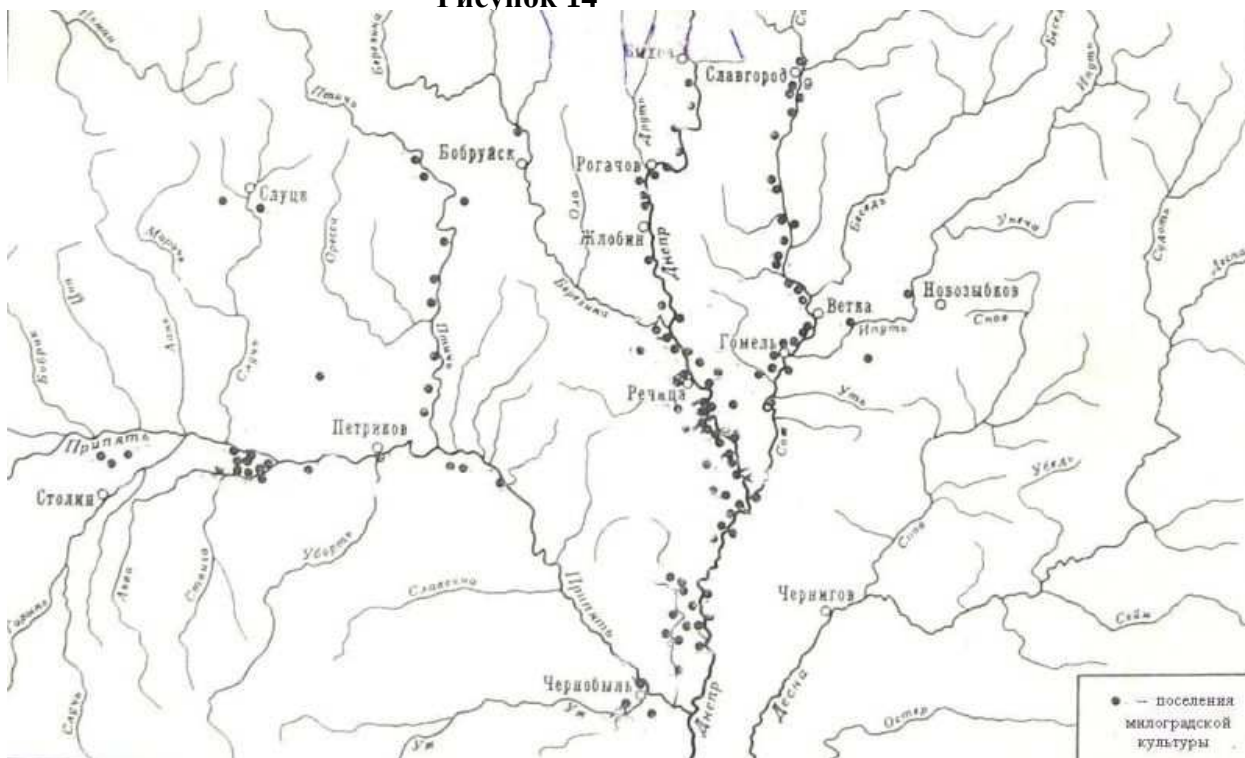
Памятники, найденные здесь, относятся к милоградской культуре. Как полагают археологи, самые ранние памятники этой культуры найдены на Волыни и датируются концом бронзового века (Мельниковская с. 164), что соответствует VIII в. до н.э. (Археология УССР, т 1 с.356). Для милоградской культуры характерно долговременное движение на восток. Если в начале своего развития эта культура занимала небольшую территорию на Волыни, то в период своего расцвета она охватывала весь бассейн Припяти и среднее течение Днепра, переходя местами на его левый берег. Северная граница Полесской низменности совпадала с северной границей распространения милоградской культуры, а на юге ее границей служит рубеж лесостепи и лесной зоны, то есть южная граница Полесья (Мельниковская, с.18).

В условиях, когда земледелие становится важной отраслью хозяйства, миграционные потоки, как мы отмечали выше, огибают Полесье. Эта территория не привлекает переселенцев, а ранее расселившиеся тут охотники, по мере увеличения роли земледелия, стремятся уйти отсюда на более подходящие для земледелия территории, благо они еще в это время были свободными. Именно поэтому, если для более ранних периодов тут есть следы пребывания людей, то для позднего бронзового века, несмотря на многолетние обследования, археологи не выявили тут следов каких-либо культур (Мельниковская с.167). Следовательно, расселение милоградцев по территории Полесья происходило потому, что большая часть этой территории была в основном пуста.

Следует отметить, что чем дальше на восток, тем сильнее континентальность климата, то есть снижается обводненность и увеличивается количество земель, пригодных для земледелия. Этот фактор также, кроме роста населения, стимулировал движение милоградцев на восток. Продвигаясь на восток, милоградское население, в конце концов, вышло к Днепру. Правый берег Днепра возвышенный, вследствие чего этот район выгодно выделяется плодородными и более сухими землями на фоне окружающей низменной и заболоченной территории. Вероятно, основная масса милоградского населения расселилась на правом берегу Днепра от г. Речицы до г. Лоев. (примерно 60 км по течению Днепра) где наиболее тесно сосредоточены милоградские памятники. Большое количество городищ найдено также выше по течению Днепра до г. Быхова и на правом берегу р. Сож до Славгорода. Количество милоградских городищ здесь очень велико, под городища занимали буквально каждый удобный мыс.

Особенно тесные связи у милоградцев были с населением культуры штрихованной керамики. Исследователи как милоградской культуры (Мельниковская с. 156-159), так и культуры штрихованной керамики (Митрофанов с.30) отмечают тесную связь между ними. Взаимное проникновение элементов милоградской культуры и культуры штрихованной керамики настолько сильное, что археологи иногда не могут разграничить эти памятники на больших площадях (Очерки археологии Белоруссии с.187). Характерной чертой милоградской культуры и смежных культур лесной зоны является отставание их в развитии от более южных культур (Археология УССР т. 2 с 180), причем отставание было сильнее по мере продвижения на север.

Рисунок 14

4. 3. Украинская степь и лесостепь с III тыс. до н. э. до начала нашей эры.

Мы уже отмечали выше, что резервуары степи имели значительно меньшую емкость, чем лесостепные и степные резервуары. В этой связи становится понятным, в чем причина того, что лесостепной зоне ученые отмечают черты непрерывного развития культур бронзового и раннего железного века (комаровская, белогрудовская и чернолесская культуры), более или менее плавный переход одной в другую, что позволяет говорить о континуитете этнического состава населения. В степи же ситуация была другой. Тут наблюдались постоянные перемещения племен, что отразилось на образовании основных археологических культур. (Археология УССР т.1 с. 360 и сл.). Примерно в самом конце III – начале II тыс. до н.э. ямную культурную общность сменяет катакомбная, которая в свою очередь со второй половины XVII в. до н.э. сменяется культурой многоваликовой керамики. С конца XVI в. до н.э. в степях распространяется срубная культура.

Иными словами, в степи миграции происходили гораздо чаще и имели более выраженные последствия, чем в лесостепи. Эта разница в миграционной активности населения объясняется действием второго закона резервуара – менее емкие степные резервуары наполнились быстрее, чем лесные и это привело к большей активности степного населения. В этой связи становится понятным также и отставание в развитии населения лесостепи и, в еще большей степени, лесной зоны от населения степи, фиксируемое археологами. Более быстрое развитие степного населения также было вызвано действием второго закона резервуара, ведь с наполнением резервуара развитие его населения всегда ускоряется. Отставание лесной зоны от степи просматривается уже со времени ямной культуры, то есть еще в медном веке. В то время как племена степи уже имели укрепленные поселения – например, Михайловка на Нижнем Днепре (конец IV – начало III тыс. до н.э.) (Археология УССР т. 1. с 351), применяли камень для строительства жилищ и довольно широко – медные изделия, в лесостепи и лесной зоне не было укрепленных поселений, медных орудий найдено очень мало, техника домостроения была более примитивной. Впрочем, на этом этапе опережающее развитие населения степи проявляется еще слабо и стало более заметным в бронзовом веке.

Своего максимума опережение развития степного населения достигает в период существования в Причерноморских степях срубной и сабатиновской культур. Носители срубной культурой занимали с XVI в. до н.э. территории степей от Волги до Днепра. Несколько позднее, в XIV в. до н.э. на правобережье Днепра формируется сабатиновская культура. И для срубной и для сабатиновской культуры характерен сравнительно высокий уровень развития ремесла, земледелия и скотоводства. Особенно высок этот уровень у населения сабатиновской культуры. Строительство домов из камня, огромное количество металлических изделий, притом, что металл был привозным, находки захоронений, свидетельствующие о социальной стратификации общества (Шмаглий, Черняков с. 5 – 115) – все это доказывает, что как уровень развития, так и критический коэффициент у сабатиновского населения был довольно высок. Ничего подобного мы не наблюдаем в это время у населения лесной и лесостепной зон. Находки металлических изделий тут редки, орудия труда почти полностью изготавливаются из камня, никаких следов социальной стратификации, погребения стандартны – из этого можно сделать вывод о том, что население этих зон имело уровень развития существенно ниже, чем население степи.

Археологи связывают происхождение сабатиновской культуры с Балканами, с продвижением носителей культуры Ноа на восток. (Новикова с. 25-55) Румынский исследователь А. Флореску даже полагал, что близость сабатиновской культуры и культуры Ноа настолько велика, что их можно объединить в одну культуру. (Floresku. p. 59 -94).

Таким образом, налицо миграции из Карпато-Дунайского бассейна на восток, имевшие место примерно в одно и то же время. Комаровская культура, которая возникла в XV в. до н.э., распространялась в лесостепи, а сабастиновская – с XIV в. до н.э. – в степи.

Сабастиновская культура стала апогеем развития степных племен бронзового века. Со второй половины XII в. до н.э. начинается белозерский этап развития населения степи Северного Причерноморья. Этот этап характеризуется значительными изменениями. Видимо, произошло существенное сокращение сельскохозяйственного производства. Так, на одном из поселений в более ранних слоях найдены кости 230 особей домашнего животного, а в более поздних – лишь 17. Аналогичная картина наблюдается и на других поселениях. (Археология УССР т. 1 с 524). Заметно сокращается металлообработка, уменьшается число находок бронзовых изделий (Черных 1976а). Вместо бронзовых серпов сабастиновского времени начинают применяться серпы с кремневыми вкладышами (Археология УССР т. 1 с 524) Налицо явный регресс, который трудно объяснить с точки зрения обычного здравого смысла. Следов каких-либо иных культур не обнаружено, поэтому полагать, что причиной регресса стало вторжение извне, нельзя.

С точки зрения предлагаемой модели наиболее важным фактом, позволяющим понять события, является явная депопуляция Северного Причерноморья в XII в. до н.э. Резко уменьшается число поселений в Нижнем Поднепровье на белозерском этапе по сравнению с сабастиновским. (Археология УССР т. 1 с 525). Исчезают многочисленные поселения срубной культуры в бассейне Северского Донца. Скорее всего, такая депопуляция могла быть следствием значительной миграции степного населения. Действительно, как отмечалось выше в начале XII в. до н.э. начались миграции племен, известных египтянам как «народы моря». На освободившиеся территории в Малой Азии начались миграции населения с Балкан, среди которого были и племена - носители праармянского языка. В свою очередь сабастиновские племена переселились на Балканы, откуда пришли их предки.

То, что этим миграциям предшествовал взлет экономического и социального развития в сабастиновское время, подтверждает тезис, что эти миграции, согласно третьему закону резервуара, произошли под действием высокого критического коэффициента. Действительно, сабастиновцы жили в степи, в долинах рек. Емкость этого резервуара не могла быть большой.

Несмотря на уменьшение населения, степные племена все равно существенно опережали население лесостепи в развитии. Погребения белозерского времени по-прежнему содержат признаки социальной стратификации, хотя доля грунтовых, то есть более простых захоронений сильно возросла (Археология УССР т. 1 с 519). Примерно то же наблюдается и в срубной культуре: на поздних этапах уменьшаются размеры погребальных сооружений, сильно обедняется инвентарь, становится существенно больше захоронений не в курганах, а в простых грунтовых могилах (Археология УССР т. 1 с 467). Все это свидетельствует об уменьшении социальной стратификации вследствие падения критического коэффициента. В то же время погребения синхронных культур лесостепи стандартны, то есть социальной стратификации у них не было вовсе. Несмотря на сокращение бронзолитейного производства белозерской культуры его продукция вывозилась в лесостепь (Археология УССР т. 1 с 525). Иными словами, уровень развития и критический коэффициент в степи, несмотря на предшествующую депопуляцию, продолжал оставаться высоким. Однако миграции продолжались и к X в. до н.э. степь опустела.

Считается, что с начала I тыс. до н.э. в степи возникает кочевое скотоводство. Настоящие кочевники Евразийских степей, которые имели лишь временные, сезонные поселения, жили за счет выпаса лошадей и овец. Это обусловлено тем, что для этих животных не нужно заготавливать корм на зиму, так как они сами могут добывать сухую траву из-под снега. Однако содержание как лошадей, так и овец было известно задолго до начала I тыс. до н.э., а повозки-жилища были известны населению ямной культуры, то есть еще в III тыс. до н.э. Как отмечалось выше, уже первые жители степей, носители ямной культуры были несомненными кочевниками в восточной части своего ареала, так как тут их поселения не обнаружены. Исчезновение поселений в степи в конце II тыс. до н.э. было вызвано сильной депопуляцией вследствие миграций. Низкий критический коэффициент позволял населению удовлетворить свои потребности исключительно за счет кочевого скотоводства.

Начался следующий цикл развития степного населения. Из греческих источников мы знаем, что народ, который в X в. до н.э. пришел с востока в опустевшие причерноморские степи, назывался киммерийцами (Hdt. IV, 11-12).

На каком языке говорили киммерийцы, достоверно неизвестно. Конец киммерийского цикла пришелся на VII в. до н.э. К концу VIII в. до н.э. относятся свидетельства ассирийских табличек о набегах киммерийцев на страны Передней Азии. В VII в. до н.э. натиск киммерийцев усиливается. (Археология УССР т 2 с 19). Имеются свидетельства греческих авторов о набегах киммерийцев в Малой Азии (Plut. Mar. XI). Имеются также сведения о том, что киммерийцы поселились в степных районах центральной части Малой Азии. (Пиотровский). Кроме того, археологические находки позволяют сделать вывод об оседании части киммерийцев на Балканах. (Археология УССР т 2 с 29). Таким образом, под действием высокого критического коэффициента произошли миграции киммерийцев из степей в лесостепную и лесную зону.

В результате нового падения критического коэффициента в причерноморских степях сюда с востока приходят скифы. Скифы – первые из народов степи, о которых мы почти достоверно знаем, что они говорили на языке, родственном индоиранским языкам. (Абаев).

Поскольку кочевое скотоводство исключает интенсификацию хозяйственной деятельности, а, как мы говорили выше, именно усложнение хозяйственной деятельности является причиной роста уровня развития населения, то кочевники имели примерно одинаковый уровень развития за все время их существования. Любопытное наблюдение сделал о скифах Фукидид (конец V в. до н.э.) Отдавая должное боевым качествам скифов, он утверждал что ни в Европе, ни в Азии «... нет народа, который мог бы один на один противостоять скифам, если все они будут единодушны; но они не выдерживают сравнения с другими в отношении благоразумия и понимания житейских дел» (Hist., 2, 97). В этом замечании выразилось то, что мы говорили выше о кочевниках: высокие боевые качества как следствие высокого критического коэффициента и низкий уровень развития как следствие очень экстенсивного вида хозяйственной деятельности. Однако Фукидид сравнивал скифов с другими известными ему народами, в первую очередь с греками, которые давно уже занимались земледелием, причем весьма интенсивным земледелием. Вместе с тем скифы для населения лесостепи и лесной полосы все время их соседства оставались культурно более передовыми и центр, из которого исходили новые культурно-хозяйственные импульсы, находился в степи. Это свидетельствует отнюдь не о высоком уровне развития скифов, как мы только что видели, а о очень низком уровне развития населения лесной и лесостепной зон. Это наблюдение позволяет подтвердить вывод об очень экстенсивной хозяйственной деятельности жителей этих зон – пастбищном скотоводстве как основной и подсечном земледелии как дополнительной, плюс изрядная доля рыболовства и охоты. При этом критический коэффициент тут был очень низок, о чем говорит стандартизация и бедность погребений.

Однако по мере того как критический коэффициент в степи рос, ситуация в лесостепи меняется. После того как в степи появились киммерийцы, на границе со степью возникают укрепленные городища, обнесенные валами с деревянными стенами. Причем важно, что далее на север население по-прежнему жило в небольших неукрепленных поселениях. (Археология УССР т. 2 с 32). Возникновение укрепленных поселений – городищ является важнейшим индикатором величины критического коэффициента. Очевидно, что население не будет тратить массу времени и сил на рытье рвов, насыпку валов и возведение стен, если для этого не будет веской причины – постоянной и сильной опасности.

Эта опасность может быть, как внутренней, то есть за счет роста критического коэффициента внутри данного сообщества, так и внешней, то есть за счет его роста у соседей. Постройка городищ главным образом на границе со степью доказывает, что население лесостепи было вынуждено делать это, защищаясь от соседей.

Характерной чертой некоторых городищ лесостепи киммерийского и скифского времени, являются их огромные размеры. Например, Чернолесское городище имело 1,5 км в диаметре, Пастырское городище – немногим менее 600 м., Трахтемировское городище имело площадь 500 га, а Бельское городище – 4000 га. Бельское городище было самым большим городищем этого периода в Восточной Европе. Его площадь почти равна площади Москвы начала XX в. Площадь таких городищ почти не использовалась под застройку, на основании чего давно был сделан вывод, что эти городища использовались для укрытия не только населения, но и скота. Этот факт еще раз подтверждает мнение, что население лесостепи в значительной степени существовало за счет скотоводства, что соответствует принципу достаточности.

С появлением кочевников возникают не только городища, кроме того, меняется погребальный обряд – если ранее для чернолесской культуры были характерны стандартные трупосожжения с погребением в урнах в бескурганных могильниках (Археология УССР т. 2 с 33), то уже с появлением киммерийцев население лесостепи все чаще хоронит покойников по обряду трупоположения в курганах, то есть так же как и в степи. В скифское время этот обряд в лесостепи преобладает. При этом дифференциация погребений очевидна – есть большие гробницы, а есть скромные захоронения. (Археология УССР т. 2 с. 95). Так же, как и в степи, мужчин тут хоронят с оружием. Все это свидетельствует о значении внешней опасности – социальная дифференциация была вызвана, как и в степи, необходимостью повышения боеспособности населения, вот только причины, вызвавшие эту необходимость, были не внутренние, а внешние.

Такой вывод можно сделать на основании того, что чем дальше та или иная группа населения лесостепи была от скифов, тем меньше было городищ и богатых захоронений мужчин с оружием: Например, Киевско - черкасская группа памятников скифского времени вся насыщена городищами, которые найдены не только в бассейне Тясмина, но и на севере, в районе Киева. Тут найдены как бедные, так и богатые погребения мужчин с оружием, хотя таких богатых могил как в степи, здесь нет. Западнее, в бассейне Южного Буга (Восточно-Подольская группа) картина примерно такая же, но далее на запад в Среднем Поднестровье (Западно-Подольская группа) немногочисленные городища сосредоточены на южной окраине, а севернее их нет. Дифференциация погребений значительно слабее, чем на востоке. И, наконец, Волынь, которая из всех районов лесостепи, имевших родственную культуру, расположена далее всего от степи. На Волыни известны только неукрепленные поселения, погребения стандартно бедные, влияние скифской культуры тут едва ощущается. Таким образом, явления явно прогрессивные – появление городищ и социальная стратификация – в лесостепи были вызваны большей частью не внутренним развитием, а фактором внешней опасности.

Уже начиная с V в. до н.э. часть скифов начинает оседать на землю в лесостепи. Культура потомков чернолесского населения все более приобретает скифский характер и можно с уверенностью говорить об ассимиляции скифами аборигенов лесостепи. Также как и аборигены этих мест, скифы селились в пределах лесных массивов. Это свидетельствует о том, что скифы оседали на землю там, где можно было практиковать подсечное земледелие.

В связи с вышесказанным особый интерес представляет вопрос о характере хозяйственной деятельности населения лесостепи.

Сохранились свидетельства Геродота о легендах скифов, в которых важное место занимает плуг (IV, 5). Далее он пишет о скифах-пахарях, то есть о населении возделывающих землю с помощью плуга. И, наконец, говоря о тех же пахарях, он пишет, что они сеют хлеб не для себя, но на продажу IV, 17).

Эти факты как будто говорят о существовании пашенного земледелия у скифского населения лесостепи. Однако до сих пор не найдены металлические части плугов, относящиеся к скифскому времени. Самое же, пожалуй, главное – это привязка поселений скифского времени к лесным массивам. Слова Геродота о торговле хлебом земледельческого населения лесостепи подтверждаются многочисленными находками античного импорта. Сгустки же этих находок, так же, как и поселения этого времени, без сомнения, находятся, главным образом, в районах лесных массивов. На степных почвах находок античного импорта сравнительно немного. Они сосредоточены главным образом в бассейне Базавлука – месте самых многочисленных «царских» захоронений скифов, среди которых такие всемирно известные как Чертомлыкский курган и Толстая могила.

Кроме того, имеются находки античного импорта вдоль нижнего течения Днепра. Однако количество находок античных изделий в степи, не идет ни в какое сравнение с массой находок в районах лесных почв. Самый крупный из этих районов – это район между притоком Южного Буга Синюхой и Тясмином. Торговля между Ольвией и населением лесостепи велась по Южному Бугу и Синюхе (Рыбаков 1979 с 33 и сл.), в обход Днепра, так как Днепр выше современного г. Запорожье был непроходим для судов из-за порогов. Следующий район скопления античного импорта – в нижнем течении Роси, еще два поменьше на Левобережье – один на правом берегу средней Ворсклы, другой в верховьях Сулы. Все эти районы расположены на островах оподзоленных почв, то есть в пределах лесов. Это предполагает подсечное земледелие. Однако Геродот совершенно четко и неоднократно говорит о плужном земледелии у скифов. И все же вышеприведенные факты друг другу не противоречат, потому что, как мы уже отмечали выше, рала без металлических частей могут применяться при подсечно-огневом земледелии.

Еще я хотел бы обратить внимание читателя на слова Геродота о том, что скифы-пахари сеют зерно не для себя, а на продажу. Очень сомнительно, что так оно и было. Многочисленные находки серпов, зернотерок, остатков зерна говорят против слов Геродота. Но возможно, такое мнение у греков сложилось потому, что основную часть пищи население лесостепи получало от скотоводства, а не от земледелия. Это соответствует принципу достаточности, то есть население стремилось получить максимум продукции от наиболее экстенсивного вида деятельности – скотоводства и только ту часть, которой не хватало до уровня потребностей, население получало с использованием более интенсивной деятельности, то есть земледелия. Возможно также, что стремясь путем обмена на зерно получить социально престижные греческие товары, население увеличивало (или его заставляла увеличивать племенная аристократия) производство зерновых именно для этой цели и это еще более усиливало впечатление, которое так категорично выразил Геродот.

Интересная деталь: наиболее богатые и многочисленные захоронения в степи появляются не сразу же после появления скифов в Причерноморских степях. Захоронения, сделанные с варварской пышностью, с большим количеством предметов из золота, с трупами людей, убитыми для службы погребенному в загробном мире, относятся в основном к IV-III вв. до н.э. Эти захоронения являются свидетельством сильной социальной дифференциации, которая была следствием высокого критического коэффициента. Полагать, что такая социальная дифференциация была следствием экономического развития, значит непозволительно модернизировать историю.

Рост критического коэффициента требовал усиления боеспособности кочевого населения, следствием чего, в частности, была, прежде всего, сильная власть военных вождей. Эта власть использовалась ими для обогащения, однако пышность захоронений этого периода свидетельствует не просто о богатстве погребенных, но и об их совершенно исключительном положении, так как среди убитых при захоронении, по мнению большинства археологов, были не только рабы, но и свободные. Появление очень богатых захоронений в IV – III вв. свидетельствует о том, что именно в этом времени критический коэффициент возрос настолько, что сделал положение военных вождей уникальным, близким к обожествлению.

Археологические находки позволяют сделать вывод о движении населения украинской лесостепи, уже ассимилированного скифами, на запад и север. Вновь заселяется бассейн Южного Буга. В VI – V вв. до н.э. племена лесостепной скифской культуры продвигаются на Волынь, в Верхнее Поднестровье, в верховья Западного Буга и ассимилируют жившее тут население высоцкой и лужицкой культур. (Крушельницка с 147).

. Севернее скифской лесостепи по долине Днепра начиная с широты р. Стугны, то есть немного южнее Киева раньше проживало население милоградской культуры (см. выше). Уже с конца V в. до н.э., но главным образом в IV в. до н.э., начинаются вторжения населения лесостепи на север, о чем свидетельствуют находки на милоградских городищах наконечников стрел скифского типа и захоронений со скифским инвентарем (Мельниковская с 111). К концу IV – началу III вв. до н.э. лесостепное население полностью ассимилирует милоградцев на территории севернее Киева примерно до устья Припяти. Причем движение лесостепных племен на север происходило не только вдоль Днепра. Если ранее милоградские памятники занимали всю территорию лесной зоны южнее Припяти, то к началу III в. до н.э. южнее Припяти их уже нет (там же).

Итак, налицо движение населения лесостепи на север. С некоторым запаздыванием, как и следовало ожидать, начинается запустение более южных лесостепных районов. В IV в. до н.э. начинают запустевать поселения в бассейне Тясмина – самом густонаселенном районе лесостепи. В это время тут начинают появляться захоронения типичные для степи – в катакомбах. Следовательно, в IV – III вв. до н.э. новая волна скифов оседает в лесостепи.

Кроме лесостепи скифы оседали и на Нижнем Днепре. Тут кочевое население поселялось в широкой долине Днепра, которая была благоприятна для пойменного земледелия. В конце V в. до н.э. тут возникает Каменское городище – крупнейший населенный пункт Скифии того времени. Кроме него по берегам Днепра появляются многочисленные неукрепленные поселения. Впоследствии на месте селищ возникли укрепленные городища, которых сегодня известно 18. Интересная деталь – описывая Днепр, Геродот говорит: «**вдоль него** тянется превосходная пахотная земля или растет очень высокая трава...» (IV, 53) . Выражение **вдоль Днепра**, скорее всего, означает собственно долину Днепра, особенно на участке от Каховки до Каменки, где найдены поселения скифов. Выше этого места начинались сильно заболоченные плавни вплоть до современного города Запорожья.

В начале IV в. до н.э. скифы пытаются продвинуться на запад. Прежде более или менее мирные отношения скифов и фракийцев становятся враждебными. Как результат войн скифов и фракийцев на рынках Афин появляются многочисленные рабы фракийского происхождения. Позднее скифский царь Атей, который стал первым единым царем Скифии, вступил в союз с македонским царем Филиппом II против сильного царства фракийского народа одрисов. Союзники добились победы, и скифы овладели землями за Дунаем.

Македония также стремилась к экспансии и вскоре началась война между прежними союзниками. В этой войне македонцы победили: в генеральном сражении в 339 г. до н.э. скифы были разбиты, Атей погиб. В плен были взяты 20 тыс. женщин и детей. Несколько позднее скифам удалось уничтожить войско македонского наместника Фракии Зопириона, который пытался взять Ольвию, но затем македонский правитель Фракии Лисимах вновь нанес тяжелое поражение скифам.

Еще позднее – с середины III в. до н.э. скифы начинают оседать в предгорьях Крыма. Тут возникают многочисленные поселения и города – всего в Крыму известно более 30 городищ и около сотни селищ и небольших укрепленных поселений. После ухода скифов в Левобережной степи появляются захоронения сарматов. Наиболее ранние памятники сарматского типа относятся к концу IV – III в. до н.э. и обнаружены в междуречье Дона и Северского Донца, в верховьях Псла, в Приазовье, в междуречье Орели и Самары и далее на юг вдоль Днепра. Однако основная масса памятников сарматов относится лишь к I в. до н.э. – I в. н.э. (Археология УССР т. 2 с. 190 – 193), то есть через 150 - 200 лет после того, как скифы осели в Крыму.

Итак, постепенный рост критического коэффициента уже в V в. до н.э. привел к оседанию части скифов в приднепровской лесостепи, где до них уже жило многочисленное население. Еще часть скифов несколько позднее осела на Нижнем Днепре. Население лесостепи начинает движение на север в зону милоградской культуры. Это, несомненно, способствовало снижению критического коэффициента на некоторое время. Но, в конце концов, все резервы были исчерпаны. Происходит объединение Скифии под властью одного царя – согласно третьему закону резервуара усиление централизации обязательный признак нарастания критического коэффициента. Далее начинаются попытки прорваться на запад. Но усилившаяся как раз в это время Македония отбила эти попытки. Вспомним – македонцы после победы над скифами взяли в плен 20 тыс. женщин и детей. Это значит, что скифы предприняли не просто военную экспедицию, нет, они шли переселяться на новые земли со своими семьями.

После поражения на западе для кочевых скифов остался только один путь – переход к земледелию. Значительное число скифов осело в лесостепи благодаря миграциям лесостепного населения на север. Поскольку скифы жили тут и раньше, трудно судить о том, сколько их еще осело в конце IV – III в. до н.э. В предгорьях Крыма, где скифских поселений раньше не было, их появление во второй половине III в. до н.э. неопровержимо свидетельствует об оседании на землю скифов тут, где были возможности для перехода к подсеке. Часть скифов осела также в хорошо облесенных низовьях Дуная. Как только это произошло, давление в скифском резервуаре упало. Конечно, вышесказанное не значит, что все скифы стали земледельцами. Значительная их часть оставалась кочевниками, но их стало значительно меньше. Скифия начала напоминать мяч, из которого выпустили воздух. Вот тут-то на освободившиеся земли и стали переселяться с востока сарматы, язык которых был родственным языку скифов и, следовательно, также относился к индоиранским языкам.

Сарматы постепенно заселяют Левобережье и лишь в I в. до н.э. – I в. н.э. переходят на правый берег Днепра в районе бассейна его правого притока – Базавлука, что хорошо фиксируется археологически (Археология УССР т. 2 с. 193). Вероятно, именно к этому времени относится то место у Диодора Сицилийского, где он пишет о сарматах: «много лет спустя (после азиатских походов скифов – А.А.), сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» (Диодор, Библиотека, II, 43, 7). Именно в I в. до н.э., когда сарматы «сделались сильнее», то есть начали

испытывать действие высокого критического коэффициента, гибнет часть укрепленных поселений скифов на Нижнем Днепре. Это период как раз соответствует времени жизни Диодора. Кстати, скифы живущие на Нижнем Днепре в открытых селищах именно во II – I вв. до н.э. эры (Археология УССР т. 2 с. 224), начинают укреплять свои поселения, то есть существенно позже того времени, когда сарматы впервые появились в этих степях.

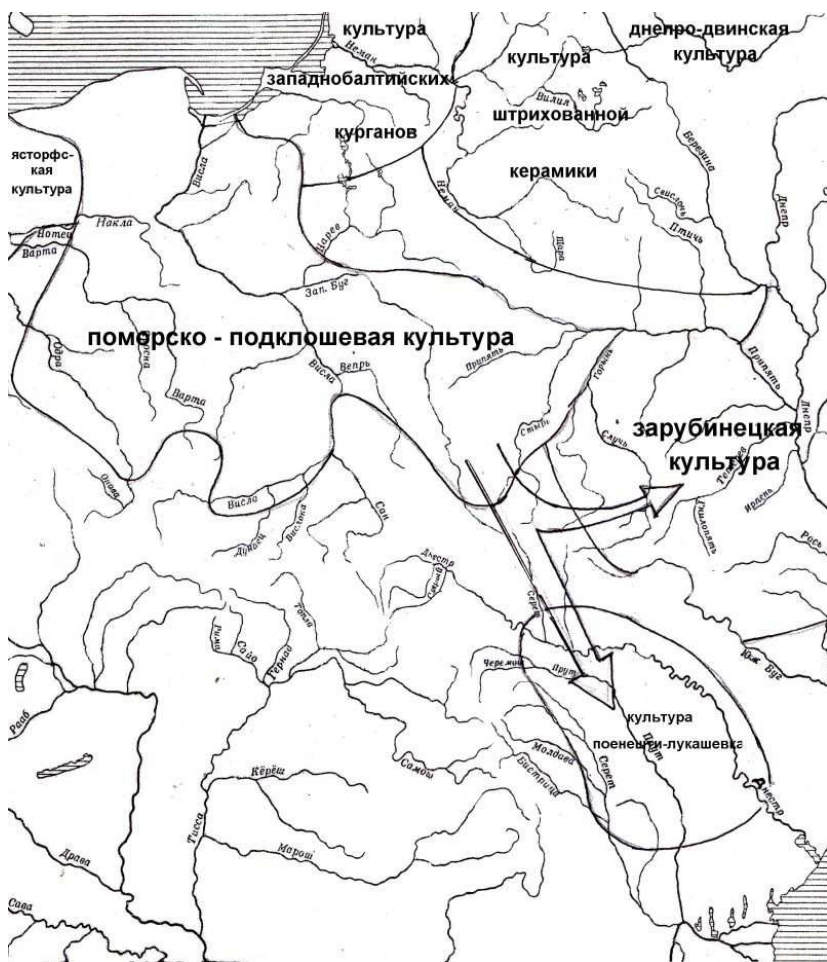
Процесс миграций населения лесостепи на север продолжался и при сарматах. В конце III в. до н.э. полностью запустело все левобережье, бассейн Тясмина и Южного Буга. Объяснять эти явления натиском сарматов нельзя, так как в бассейне Роси и выше по Днепру, где население продолжало жить, исчезают укрепленные городища и жизнь продолжается в маленьких открытых селищах. Это плохо согласуется с натиском кочевников. Скорее всего, население просто ушло из этих мест, так как критический коэффициент стал слишком высок. Начался этот процесс именно из района Тясмина как самого густозаселенного и продвинутого далее всего в степь.

4.4. Лесная зона Центральной и Восточной Европы с II тыс. до н.э. до начала н. э.

С VI в. до н.э. в коренным образом меняется ситуация на территории Польши и Восточной Германии. На севере Польши, т.е. в ареале лужицкой культуры, вдоль побережья Балтийского моря от нижнего течения Вислы до нижнего течения Одера с конца VII – начала VI в. до н.э. возникает поморская культура. Примерно в это же время на территории Дании возникает ясторфская культура (Монгайт 1974 с 329), позднее распространившаяся на севере Германии. Археологи давно считают ясторфскую культуру первой достоверно германской культурой, поскольку она имеет генетическую связь с исторически зафиксированными германскими племенами (Germanen – Slawen – Deutschen). Памятники поморской культуры, несомненно, имеют связи со Скандинавией. Тут найдены многие предметы, имеющие аналогии в скандинавских памятниках этого

времени. (Седов 1979 с 46; Монгайт 1974 с 329).

Рисунок 14. Есть все основания считать, что южная Скандинавия была местом, где долгое время существовал общегерманский язык. Именно тут топонимы принадлежат только германскому языку (Karsten S. 129). И поморская и ясторфская культура возникают в эпоху, непосредственно предшествующую распаду единого германского языка, который лингвисты датируют рубежом VI – V в. до н.э. (Германские и кельтские языки, с 16), что как раз и предполагает расселение германских племен как минимум на 100 лет раньше. Миграции германцев в Данию, которые привели к формированию ясторфской культуры, соответствовали отделению западногерманских языков от скандинавских. Следствием этих миграций стала сильная депопуляция Скандинавии, которая фиксируется археологами с конца VI – начала V в. до н. э. Причем депопуляция характерна для юга, там, где ранее жили земледельцы. На севере, где жили охотники, депопуляции не наблюдается. Для периода почти в пятьсот лет на юге Скандинавии известны всего лишь

несколько могильников с бедным инвентарем. Поселения этого периода почти не известны. (Монгайт 1974 с 289 - 290).

Депопуляция сопровождалась регрессом. В бронзовом веке в Скандинавии производство бронзовых изделий достигло очень высокого уровня, возможно, наивысшего в Европе (Монгайт 1974 с 100). Но с начала V в. до н. э. в Скандинавии почти прекращается производство бронзовых изделий, а находок железных нет. Характерно, что хотя археологи отмечают определенный регресс, в частности стандартизацию и бедность погребений и на территории Дании, тут убыли населения не было. В то же время на севере Германии, куда расселялись носители ясторфской культуры, археологи отмечают значительный рост населения (Монгайт 1974 с 329).

Таким образом, германцы из Южной Скандинавии, где сложился единый германский язык, на рубеже VII – VI вв. до н.э. начинают расселяться на юг, что в соответствии с третьим законом резервуара ведет к регрессу. Основной поток мигрантов шел через территорию Дании. Вместе с тем, меньшая часть мигрантов, через Балтийское море и остров Готланд, могла направиться на прибрежную территорию Польши, образовав тут поморскую культуру. То, что такие миграции возможны, подтверждается последующими историческими событиями.

Практически сразу своего после возникновения поморская культура начинает распространяться к югу, на остальную территорию, занятую населением лужицкой культуры. В течение VI – V в. до н.э. поморская культура на юге достигла Силезии, а на юго-востоке – Мазовии и далее до Волыни. Очевидно, что в количественном отношении носители поморской культуры сильно уступали аборигенному лужицкому населению. Расселение поморских племен не привело к полной ассимиляции ими носителей лужицкой культуры. В отдельных районах Польши лужицкая культура продолжает существовать до последней четверти II в. до н.э. (Кухаренко 1969 с. 99). Там же, куда с Поморья продвинулись носители поморской культуры, сформировалась культура подклошевых погребений, включавшая в себя черты как поморской, так и лужицкой культур. (Кухаренко 1969 с 100).

С самого начала V в. до н.э. начинается кельтская экспансия в Европе. Кельтские культуры принадлежали к той же культурной общности полей погребальных урн, что и лужицкая культура. Из бассейна Среднего Дуная кельты расселились на территории современной Швейцарии, Франции, юга Германии, Британских островов, проникли в Испанию. Кельты заселили северную Италию, а в 390 г. до н.э. едва не взяли Рим. Кельтские племена галатов проникают даже в Малую Азию. С III в. до н.э. кельтское население приходит на территорию Польши и поселяется в Верхней Силезии и на Нижней Висле (Кухаренко 1969 с.101)

Кельты достигли довольно высокого уровня развития. Это обусловлено в первую очередь тем, что они занимали районы, имевшие высокую плотность населения. У них была высокоразвитая для того времени металлургия, гончарное производство, ювелирное дело вследствие чего кельтская (латенская) культура оказала большое влияние на соседние народы, в том числе и на германцев. Ясторфская культура была настолько сильно кельтизирована, что трудно иногда определить, какие памятники принадлежат ей, а какие латенской культуре (Монгайт 1974 с 329). Это соответствует довольно многочисленным кельтским заимствованиям в германских языках. Сильное влияние кельтов испытала также поморская культура. В первую очередь это определенные типы украшений, фибулы и чернолощенная посуда. Для получения такой посуды ее сразу же после обжига погружали в горячий мучной раствор, в результате чего органика обугливалась при контакте с раскаленной керамикой, и посуда становилась черной или темно-коричневой

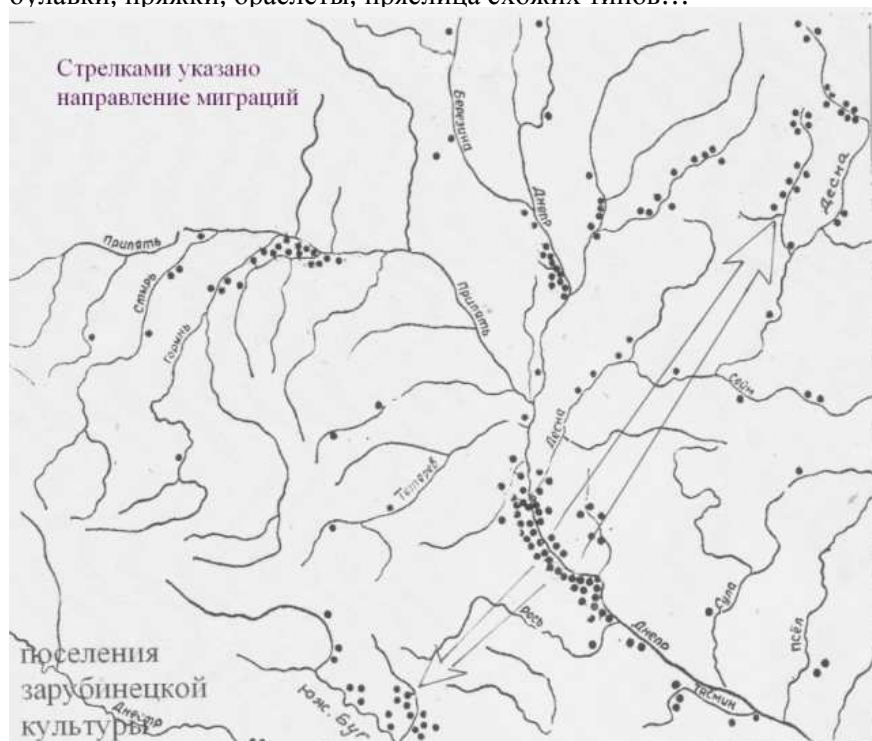
В междуречье Одера и Нейсе в результате взаимного проникновения населения ясторфской и поморской культур, возникает так называемая губинская группа. В конце III в. до н.э. это население мигрирует на юго-восток, в результате чего главным образом в междуречье Среднего Днестра и Прута возникает культура типа Поенешти-Лукашевка (Щукин. 1993).

Именно в этом районе письменные источники помещают бастарнов, называя их то кельтами (Liv. XLIV, 26,2-3,14), то германцами (Strabo, VII, 3,17; Plin. H.N. IV, 81; Tac. Germ. 46). Из сообщений древних авторов мы знаем пять слов бастарнов, два из которых, несомненно, германские (Браун с. 112). Если читатель не поленится вернуться к рис. 3, на котором показано размещение скандинавской гаплогруппы I1, то он легко может убедиться, что там, где находилась культура Поенешти-Лукашевка расположен изолированный анклав гаплогруппы I1 с частотой 5%, что подтверждает версию о германском происхождении бастарнов.

Одновременно с культурой Поенешти-Лукашевка на Среднем и Верхнем Днестре, а также в Полесье возникает зарубинецкая культура, для которой также характерно изготовление чернолощеной посуды, использование фибул (заколов для одежды), латенского (кельтского) типа. Все эти факты, и особенно синхронность появления культуры Поенешти-Лукашевки и зарубинецкой, позволяет предположить, что они обе сформировались за счет переселения сюда племен с территории Польши и Германии – поморской и ясторфской. Кроме того Страбон, описывая ситуацию в Причерноморье на рубеже II-I вв. до н.э., размещает между Дунаем и Днестром “в глубине материка” две группировки бастарнов (Strabo, VII, 3,17), которые в принципе соответствуют зарубинецкой и Поенешти-Лукашевской культурам.

Зарубинецкая культура, несомненно, имела большое значение в развитии интересующего нас региона, поэтому нам необходимо рассмотреть ее историю детально. В составе зарубинецкой культуры археологи первоначально различают три региона – Полесский, Среднеднепровский и Верхнеднепровский. Среднеднепровский регион охватывает в основном территорию Киевской группы скифской лесостепной культуры. Однако в отличие от этой последней, зарубинецкое население почти оставило бассейн Тясмина – ранее самый густонаселенный район. Кроме того, практически исчезло оседлое население в левобережной лесостепи и в долине Южного Буга. С другой стороны, зарубинецкое население заняло Верхний Днепр и Сож – места, где раньше жило милоградское население. Археологические исследования свидетельствуют, что на Верхнем Днестре милоградское население некоторое время жило чересполосно с зарубинецким. На многих городищах более ранние нижние слои принадлежат милоградской культуре, более поздние верхние – зарубинецкой (Мельниковская с.26). Все это свидетельствует о том, что зарубинецкое население постепенно ассимилировало милоградское. Следовательно, оно было тут пришлым. Прийти на Верхний Днепр зарубинцы могли только с юга, из Среднего Поднепровья. Этот вывод подтверждается тем, что археологи считают, что «в материалах Среднего и Верхнего Днестра отчетливо проступают черты сходства со скифской культурой. Это и керамика и наконечники стрел, булавки, пряжки, браслеты, пряслица схожих типов...

Рисунок 15

Одинаковые по конструкции железоделательные горны, аналогичные формы многих изделий из железа и стали – ножей, серпов, кос, долот, зубил, напильников, игл, рыболовных крючков и других предметов, наконец, применение цементации, кузнечной сварки, свидетельствует о наличии генетической линии связи между позднескифской лесостепной и раннезарубинецкой культурами» (Максимов с 55). Археологи отмечают, что существует типологическая и технологическая схожесть керамики зарубинецкой культуры с посудой местного населения, жившего в бассейне рек Роси и Тясмина в V-III вв. до н.э., то есть в скифское время (Максимов, с 54). Например, специфическая черта скифской лесостепной культуры, крышки для кувшинов, имеются в большом количестве и в зарубинецкой культуре. Преемственность наблюдается и в типе жилища на Среднем Поднепровье – полуземлянки с плетнево-столбовой конструкцией стен и глиняной обмазкой.

Вывод из вышеизложенных фактов может быть только один – население лесостепи в конце III – самом начале II в. до н.э. снялось со своих мест и мигрировало на Верхний Днепр и Сож, При этом некоторые районы лесостепи запустели. Это движение на север во многом завершает то, которое, как отмечалось выше, началось еще в скифское время. Причиной этого переселения не мог быть натиск кочевников, так как раз в это время (III в. до н.э.) в лесостепи оставшееся население покидает укрепленные городища и начинает жить в неукрепленных селищах, о чем я уже говорил выше.

Однако позднее, на рубеже нашей эры (конец I в. до н.э. – начало I в. н.э.) в Поднепровье на зарубинецких городищах были сооружены системы укреплений. Важно отметить, что это совпадает с разгромом сарматами первых скифских городищ на Нижнем Днепре. Следовательно, именно в этот период в степях была накоплена достаточная масса населения для того, чтобы критический коэффициент стал высок и сарматы перешли к агрессивным действиям.

В середине-конце I в. н.э. зарубинецкие районы Среднего Поднепровья приходят в запустение. По мнению археологов, причиной этого является натиск сарматов. Действительно, археологическими раскопками обнаружены следы того, что на рубеже нашей эры деревянные укрепления некоторых городищ среднего Поднепровья были сожжены, а на внешней стороне городищ были обнаружены сарматские наконечники стрел (Максимов с. 78).

Однако после предполагаемого сарматского разгрома на месте сожженных укреплений практически на всем пространстве правобережных зарубинецких племен на городищах были сооружены новые, более мощные укрепления. Время сооружения этих укреплений – первый век н.э. (Максимов с. 101). Следовательно, зарубинецкое население Среднего Приднепровья натиск сарматов выдержало, а ушло из родных мест позднее. Миграции со Среднего Приднепровья были направлены в бассейн Десны и в лесостепной район на Южном Буге, о чем свидетельствует сходство в керамике, жилищах, железных изделий. (Максимов с 29).

Можно предположить, что зарубинецкое население действительно ушло в лесную зону на Десну, спасаясь от сарматов. Но тогда непонятно, почему часть зарубинцев ушла на Южный Буг, причем возникшие тут поселения не имели, ни природных, ни искусственных оборонительных средств (Максимов с. 79). Не правда ли, факты говорят сами о себе – население бежит от степняков, переселяясь поближе к ним, при этом не пытается даже поселиться в труднодоступном месте и никак не укрепляет свои поселения! На своей прежней территории в Среднем Поднепровье оставшееся население покидает укрепленные городища и поселяется в маленьких незащищенных селениях. Показательно, что на среднем Поднепровье оставшееся зарубинецкое население продолжает жить не только севернее Роси, но и восточнее (на левобережье) и даже южнее в маленьких неукрепленных поселениях. (Максимов с. 174). Это тоже мало похоже на бегство от степняков.

Очевидно, что зарубинцы уходили из родных мест совсем по другой причине. Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, что в Среднем Поднепровье зарубинецкие поселения размещались чрезвычайно густо, теснясь в долине Днепра и Роси – то есть в лесных районах. Вдоль правого берега Днепра зарубинецкие поселения расположены почти непрерывной цепью и важно отметить, что именно так вдоль правого берега тянулась 25-километровая полоса сплошного леса. Археологические материалы свидетельствуют, что как раз накануне переселения, то есть в конце I в. до н.э. численность населения Среднего Приднепровья существенно возросла, тут появляются новые многочисленные небольшие поселения, (Максимов с. 29).

В результате этих миграций Среднее Поднепровье пустеет. И поселения и могильники этого времени небольших размеров, со слабо выраженными признаками оседлой жизни. Городища вдоль Днепра были оставлены населением (Максимов с 123). При этом больше запустели центральные районы, кое-где на окраинах зарубинецкие поселения существуют до первой половины –середины II в. н.э. Замечу, что при подобных миграциях всегда сильнее запустевают центральные районы, так как там выше критический коэффициент.

Характерной чертой процессов, сопровождавших уход населения со Среднего Поднепровья, является регресс материальной культуры. На памятниках I – II вв. найденная кухонная керамика изготовлена очень грубо, а лощеной керамики стало значительно меньше (Максимов с.124). Кроме того, позднезарубинецкое железоделательное ремесло, представленное материалами поселения Оболюнь, имело изделия гораздо худшего качества и менее совершенную технологию, чем позднескифское и раннезарубинецкое (Максимов с. 55). Снижение плотности населения привело к регрессу материальной культуры – керамики, металлургии как это и должно быть в соответствии с третьим законом резервуара. В конечном счете, Среднее Поднепровье практически полностью запустело – найдены только отдельные небольшие поселения в частности на левом притоке Днепра – Трубеже.

Установить, на каком языке говорило население зарубинецкой культуры на данном этапе нашего исследования невозможно. Как отмечалось выше, несомненно, что субстратом зарубинецкой культуры было скифоязычное население украинской лесостепи. Однако очевидно также, что имела место миграция с территории Польши – Восточной Германии на Средний Днепр, так же как и в междуречье Прута и Днестра. Как отмечалось выше, античные авторы называют носителей культуры Поенешти-Лукашевка кельтами или германцами. Действительно, фрагменты кельтской керамики, кельтские украшения, оружие найдены на поселениях этой культуры (Археология СССР т 3 с 42). Однако археологический и генетический материал свидетельствует, что важным компонентом культуры Поенешти-Лукашевка было население ясторфской культуры, то есть германцы, что подтверждается тем, что некоторые слова из языка лукашевцев были достоверно германскими. Эти факты позволяют предположить, что население культуры Поенешти-Лукашевка было германоязычным.

Однако следует ли из вышесказанного, что населением зарубинецкой культуры было также ассимилировано германцами? Раз имела место миграция, то больше вероятность того, что мигранты ассимилировали аборигенов, а не наоборот.

И все же ясторфские компоненты в культуре Поенешти-Лукашевка намного сильнее, чем в зарубинецкой, например миски и кружки с иксовидными ручками, характерные для лукашевской и ясторфской культур, в зарубинецкой отсутствуют. Кроме того, для культуры Поенешти-Лукашевка обычным является трупосожжение с захоронением праха в урнах, что характерно для ясторфской культуры, а в зарубинецкой была наиболее распространена кремация с захоронением праха в ямках. На Среднем Поднепровье захоронение праха в урнах встречается иногда, в Верхнем же Поднепровье найдены только захоронения праха в ямках. (Археология УССР т 3 с 20). Именно такой погребальный обряд был характерен для ассимилированного здесь зарубинцами населения милоградской культуры (Мельниковская с.42).

Следовательно, если в культуре Поенешти-Лукашевка влияние с северо-запада выразилось практически во всем культурном комплексе, то в зарубинецкой культуре это влияние отразилось в обычае изготовления чернолощеной посуды, латенских типов фибул и некоторых видов украшений. Собственно говоря, и чернолощеной посуда и форма фибул также были позаимствованы населением ясторфской и поморской культур у кельтов. Следов же значительной миграции носителей этих культур на Среднее Поднепровье археологические материалы не дают. Пока мы можем лишь сказать, что языком предков зарубинцев был скифский язык, который испытал германское и, возможно, кельтское влияние. Завершилось ли это влияние ассимиляцией, мы пока сказать не можем.

6.3. Украинская степь с начала нашей эры до V в. н. э.

На опустевших после ухода зарубинцев землях начинают селиться сарматы, которые как раз в это время переходят к оседлости. При этом характер погребального обряда сарматов меняется – вместо курганных погребений вооруженных воинов тут найдены грунтовые захоронения мужчин и женщин с бедным инвентарем, относящиеся к I – середине II вв. н.э. (Покровська, Ковпаненко с. 129–142), что свидетельствует о дестратификации общества. Оседание сарматов на землю в это же время имело место и в других районах Правобережья.

Таким образом, переходу сарматов к оседлости предшествовал период заселения ими причерноморских степей после ухода отсюда скифов – III – начало I в. до н.э. Этот период характеризуется относительно мирным сосуществованием с оседлым населением, что соответствует низкому критическому коэффициенту. Далее следует период разгрома сарматами скифских укрепленных поселений на Нижнем Днепре (Щукин 1970 с. 54-67) и нападений на зарубинецкие городища (I в. до н.э.- начало II в. н. э.), что соответствует наполнению резервуара. Дальнейший рост населения вызвал массовое оседание сарматов на землю, которое началось, видимо, с начала II в. н.э.

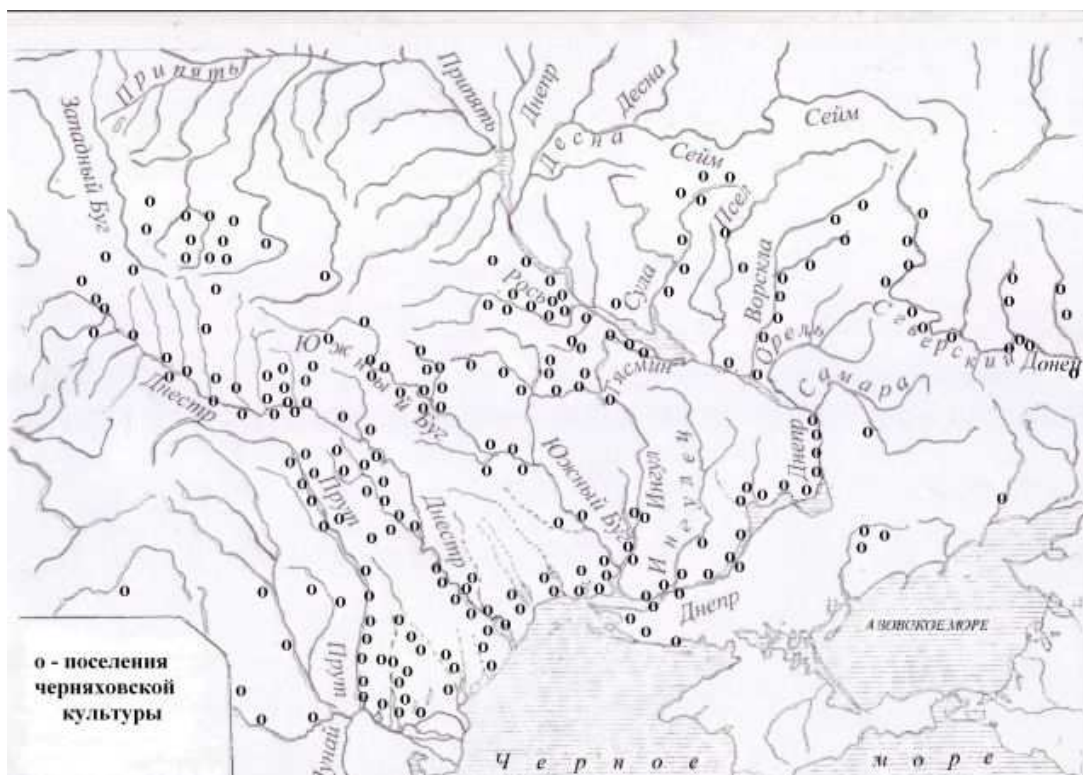
Именно с этим периодом связано формирование черняховской культуры. Начало черняховской культуры датируется концом II в. н.э. Ареал черняховской культуры включает в себя Правобережную лесостепь до верховьев Западного Буга, северо-западные районы побережья Черного моря, Молдавию, Среднее и Верхнее Поднестровье. Черняховские памятники есть также в левобережной лесостепи и в Румынии. Всего известно около 4000 памятников этой культуры. (Археология УССР т. 3 с 7). Очевидно, что поселения черняховской культуры концентрируются главным образом в лесостепи. Исключение составляет северо-западное Причерноморье, где поселения расположены по берегам лиманов, небольших рек и даже балок. Кроме того, довольно многочисленные поселения обнаружены в долине Нижнего Днепра, там, где раньше существовали скифские городища. Центральная, степная часть ареала черняховской культуры археологически пуста.

В ареал черняховской культуры вошли очень разнородные территории, на которых раньше существовали различные культуры. Эта разнородность хорошо отслеживается археологически. На степном юге население строило в основном наземные каменные или глиняные на каменном основании дома, тут преобладал обряд трупоположения. В юго-западной части ареала, в междуречье Днестра, Прута и Дуная население строило наземные глинобитные дома и хоронило умерших также по обряду трупоположения, в то время как в Правобережной лесостепи жилища были в большинстве случаев заглубленные в землю и преобладал обряд трупосожжения. Кроме этих основных типов, существовали еще многочисленные подтипы, например, погребальный обряд трупоположения имел много вариантов – могильные ямы могли быть с подбоями, то есть с нишами в стене, где и хоронили покойников, с заплечиками, то есть с вырезанными в грунте пазами для деревянного перекрытия могилы и т.д.

Обряд трупосожжения также мог быть с захоронением праха в ямах и урнах, инвентарь мог быть сожжен вместе с покойником, а мог быть без следов огня и т.д. Все эти варианты также как и особенности изготовления лепной посуды, позволяют увидеть среди населения черняховской культуры представителей предшествующих культур, которые жили тут раньше, или мигрировали на территорию черняховской культуры.

Что же, при таком количестве различий, объединяло представителей различных этносов в одну культуру? Как уже отмечалось выше, черняховская культура включала в себя лесостепные районы, которые ранее были заселены носителями целого ряда культур, а также обширный степной район на правом берегу и левобережье Днепра, ранее заселенный кочевниками - сарматами. Население этих районов после вхождения в ареал черняховской культуры сохраняло особенности домостроения, погребального обряда, керамического производства, присущие более ранним культурам. Однако из всех компонентов сложения ареала черняховской культуры население степей присутствует во всех районах ее распространения. Археологи обнаружили захоронения сарматов и в Среднем Поднепровье и в Верховьях Днестра, в Молдавии и Румынии. Исследования черняховских могильников в Верхнем Поднепровье показало, что хотя и ранее тут имели место как трупоположения, так и трупосожжения, обнаружены могильники, состоящие практически только из трупоположений, что характерно для

Рисунок 16.

степи. Например, в Северном Прикарпатье обнаружен могильник, содержащий захоронения по обряду, аналогичному тому, который бытовал у сарматов (Смішко 1962, с. 54-70).

Кроме того, на Верхнем Поднепровье на всех раскопанных могильниках найдены отдельные захоронения с подогнутыми в коленях ногами, с деформированными черепами,

отдельные захоронения имели кости барана, угольки. Все это свидетельствует о сарматских чертах в погребальном ритуале, неоднократно отмеченных исследователями в разных районах распространения черняховской культуры (Кухаренко 1959 с. 114-120; Рикман с. 317–323; Седов 1978 с. 39 – 107).

Точно также наземные глинобитные дома, характерные для степи, появляются там, где ранее строились практически только углубленные жилища. На поселения культуры лесостепи явно преобладают заглубленные жилища, хотя и встречаются наземные. Заглубленные жилища продолжали преобладать на этой же территории и тогда, когда тут распространилась черняховская культура. Вместе с тем на лесостепной территории черняховской культуры выделяется ряд поселений, в частности на южной Волыни, в междуречье Днестра, Прута и Дуная с преимущественно или исключительно наземными жилищами, что также характерно для степи. В Полесье, где ранее были только заглубленные в землю жилища, начинают преобладать наземные. Кроме того, в это время в лесостепи появляется характерная для сарматов керамика (Баран 1981 с. 82).

Таким образом, очевидно, что сарматы оседали на землю по всему ареалу черняховской культуры в среде лесостепных племен отдельными поселениями, первоначально не смешиваясь с ними. Оседание сарматов на землю было следствием высокой плотности населения в Северном Причерноморье. Можно утверждать, что, ко времени возникновения черняховской культуры плотность населения достигла тут своего исторического максимума. Такого количества поселений предшествующие культуры не знали. Это подтверждается также остеологическим материалом. Среди костных остатков, найденных на черняховских поселениях Правобережья, только 3,5% составляли кости диких животных (Магомедов 1987 с. 29 –37). По районам черняховского ареала процент костей диких животных примерно одинаков. На протяжении всей истории Восточной Европы такой низкий уровень охоты не зафиксирован вплоть до позднего средневековья (Цалкин с. 69). Приближались к нему только оседлые скифы и античные общества Северного Причерноморья (Магомедов 1977 с. 84-89). Согласно принципу достаточности вытеснение охоты из структуры хозяйственной деятельности происходило только за счет роста плотности населения. Следствием высокой плотности населения была более высокая, чем когда-либо до этого степень интенсификации хозяйственной деятельности. Черняховские поселения впервые начинают выходить из зоны лесов в степь. Если ранее население в степи селилось главным образом на берегах крупных рек, то черняховские поселения расположены и на небольших речках. Об этом же свидетельствуют и находки наральников.

Еще одной чертой, характеризующей более высокий уровень развития населения черняховской культуры, является распространение гончарной посуды. Ранее гончарная посуда на территории Восточной и Центральной Европы известна в латенской, то есть кельтской культуре, если, разумеется, не учитывать греческие колонии Причерноморья. Позднее, в самом начале нашей эры, на территории будущей черняховской культуры гончарной посудой пользовались племена липицкой культуры, хотя лепная посуда у них преобладала. Однако только с появлением черняховской культуры начинается массовое распространение гончарной посуды во всем ее ареале. В это же время тут появляются и гончарные горны. Всего на территории Украины и Молдавии черняховские горны выявлены более чем в 30 пунктах. Собственно говоря, именно своеобразная гончарная керамика и стала главным критерием отнесения тех или иных древностей к черняховской культуре.

Чрезвычайно интересно то, что археологи пришли к выводу, что в разных местах распространения черняховской культуры лепная керамика в значительных количествах найдена только на тех поселениях, где преобладали заглубленные жилища. На поселениях с наземными жилищами ее либо совсем нет, либо доля ее очень мала (Баран 1981 с. 76). Сарматы оседали на землю не там, где ранее обитали, то есть в открытой степи, а там где это было предпочтительнее для земледелия, то есть в лесных районах и долинах рек. Поскольку эти районы ранее уже были достаточно густо заселены, прибыль населения привела к быстрому заполнению резервуаров и дальнейшей интенсификации хозяйства, к переходу к пашенному земледелию на подсеке и в поймах, о чем свидетельствуют находки наральников. Рост плотности населения и уровня развития обусловил более высокий уровень материальной культуры, что реализовалось, в частности, в распространении гончарной посуды. Гончарное производство не требует особенно сложных навыков, как, скажем металлургия и металлообработка. Но для гончарного производства обязательным является достаточно большой рынок сбыта, то есть накопление значительных масс населения. Если население слишком редкое, то специализированный труд гончара, вследствие своей слишком высокой производительности, не найдет применения.

Кроме сарматов, еще одним и даже более важным компонентом черняховской культуры, было население, пришедшее с северо-запада. На это указывает в первую очередь лепная керамика, наиболее полно передающая существовавшие ранее традиции. Если гончарная черняховская керамика представляет собой единый комплекс, то есть сходна во всех регионах культуры, то лепная керамика в большинстве случаев подобна той, которую использовало население вельбарской культуры (см. ниже). Но на верхнем Днестре лепная керамика совершенно не соответствует вельбарской. Тут также меньше всего использовалась гончарная керамика. На нижнем Дунае среди лепной встречается как вельбарская, так и гето-дакийская посуда. В северном Причерноморье среди лепной керамики преобладают позднескифские формы, редко вельбарские. (Магомедов 2011, 58).

Аналогичным образом, северо-западные особенности отчетливо фиксируются во многих районах черняховской культуры и в погребальном культе. Тут найдено много захоронений с пережатой керамикой, иногда с со специально сломанным оружием, что характерно для пшеворской культуры. Найдены остатки так называемых «длинных домов», в которых под одной крышей были объединены жилые помещения, помещения для скота и других хозяйственных нужд. Такие дома хорошо известны на юге Скандинавии, в междуречье нижнего течения Рейна и Эльбы и в Дании. Длинные дома найдены на Волыни, в Молдове, среднем Поднестровье и на Левобережье Днестра. Их нет на юге (Магомедов 2011, 23).

То, что основные элементы культуры населения черняховской культуры столь различны, свидетельствует о полиэтничности этого населения. Иными словами, мы должны говорить не об одном народе – носителе черняховской культуры, а о многих народах, причем культурный комплекс этих народов сильно отличался, что со значительной степенью вероятности предполагает столь же сильные языковые различия. Были среди носителей черняховской культуры славяне сказать пока мы не можем.

4.6. Лесная зона Центральной Европы и украинская степь с I в. до н.э. по V в. н.э.

В конце II в. до н.э. в Польше на территории, ранее занимаемой подклошевой культурой появляется пшеворская культура, а на территории поморской складывается вельбарская культура. Исследования польских археологов показали, что пшеворская культура не есть результат развития субстратных культур, то есть поморской и подклошевой, а появилась в Висло-Одерском междуречье на рубеже III – II в. до н.э. уже в сформировавшемся виде (Козак 1984 с. 28). Важно, что первоначально ареал пшеворской культуры охватывал кроме междуречья среднего Одера и Варты, бассейна средней и верхней Вислы еще и земли по средней Эльбе и ее притокам Мульде и Заале. Однако в начале нашей эры пшеворские памятники на Эльбе исчезают, но появляются в Поднестровье и в верховьях Тисы (Седов 1979 с. 53). Пшеворская культура, так же, как и предшествующая ей поморская испытывала сильное влияние кельтской или латенской культуры.

Итак, пшеворская культура появилась на территории Польши во II в. до н.э. Однако на восточных территориях Польши ее памятники относятся к более позднему времени, а на Волынь и Приднестровье пшеворское население пришло лишь начале I в. до н.э. Это была первая волна расселения пшеворского населения. Примерно в середине I в. до н.э. часть пшеворского населения Приднестровья покидает свои поселения и начинает переселение далее на юг и восток, дойдя до Прута и Днестра.

Отметим несколько интересных и важных деталей. С конца II – начала III вв. н.э. по всей территории пшеворской культуры отмечается увеличение доли погребений с оружием (*Prahistoria ziem Polskich* s. 127 –130). Эта доля составляет примерно 20%, что равно проценту мужчин, способных носить оружие. Кроме того, с середины I в. н.э. на территории Польши и западнее до Эльбы и Ютландии, а также в Южной Скандинавии появляются так называемые княжеские погребения – большие курганы, сложенные из камней. В каждом из них погребен один человек. Инвентарь очень богатый, много импортных римских вещей и драгоценностей (Кухаренко 1969 с. 119). Кроме того, на территории пшеворской культуры в III в. н.э. впервые появляется гончарная керамика (Кухаренко 1969 с. 113). К этому же периоду относится расцвет железоплавильных центров, самый крупный из которых у Свентокшиских гор занимал площадь около тысячи квадратных километров, и насчитывал сотни железоплавильных печей (Кухаренко 1969 с. 109).

Все эти факты свидетельствуют, что на территории Польши критический коэффициент примерно к концу II в. н.э., превысил единицу. Рост напряжения в обществе, как всегда, выразился в эволюции в сторону боеспособности. Возникает институт военных вождей, наделенных большой властью. Эта стратификация общества отражается в погребальном обряде. С конца II – в начале III вв. н.э. напряжение в пшеворском обществе достигает максимума. Каждый мужчина становится воином и хоронят его теперь с оружием. Вместе с тем заполнение резервуара, что соответствует третьему закону резервуара, сопровождается ускорением экономического развития. Об этом говорит появление гончарной посуды, развитие металлургии и находки наральников.

Рисунок 17.

Однако давление в пшеворском резервуаре превышает давление в соседних резервуарах на юго-востоке. Поэтому в соответствии с первым законом резервуара начинаются миграции сперва на восток Польши, а затем на юг – на Волынь, Приднестровье, то есть тем путем, которым 200-300 лет назад, в конце III – начале II вв. до н.э. прошли предшественники пшеворцев, образовавшие культуру Лукашевки.

Большинство пшеворских объектов конца II – в начале III вв. н.э. этого времени археологи находят именно на востоке (Кухаренко 1969 с. 59 –60), в Мазовии и Подляшье. Памятники Приднестровья еще более поздние, что дает все основания полагать, что население переместилось с Мазовии на юг и юго-восток (Козак 1984 с. 46). Это была вторая волна движения пшеворских племен на юго-восток. Однако если первая волна первоначально остановилась на территории Приднестровья, то вторая сразу же пошла значительно дальше. Основное направление движения пшеворских племен проходило, очевидно, вдоль Западного Буга в Приднестровье и далее. Небольшая часть пшеворского населения переместилась на восток в бассейн Припяти. Но наибольшее скопление пшеворских памятников выявлено в именно Приднестровье

Впрочем, вышеприведенные факты вовсе не свидетельствуют о том, что пшеворское население уходило из своего резервуара только юго-восточным путем. Часть населения шла прямо на юг через Моравские ворота. Следствием этого было заселение пшеворцами Чехии. Об этом свидетельствует то, что с середины III до начала V в. на территории Чехии в керамике преобладают пшеворские черты (Русанова с. 118). Возможно также, что именно это движение пшеворцев на юг оставило следы в распределении гаплогруппы I1 (рис 3) – полосой на юг вплоть до северной Греции.

Движение пшеворцев на юго-восток в Приднестровье хорошо фиксируется археологически, причем интересно, что если для пшеворской культуры в целом характерны групповые многолетние места захоронений, то есть могильники, то южнее Львова, в среднем Приднестровье обнаружены отдельные захоронения этой культуры.

При этом из 18 обнаруженных одиночных погребений на 16 найдено оружие. Большинство этих погребений найдено южнее верхних притоков Днестра и датируется концом II – началом III в. (Козак 1984 с. 15). Эти факты отчетливо рисуют картину событий: в конце II в. н.э. пшеворское население под действием высокого критического коэффициента начинает движение на юг. Причем это движение было настолько быстрым, что могильники не успевали образоваться. В сражениях с местным населением погибали в основном мужчины-воины, чьи одиночные захоронения с оружием и фиксируют археологи. Характерно, что погребения в Приднестровье содержат мечи, которые на погребениях в Польше встречаются очень редко. Следы дальнейшего движения пшеворцев в виде отдельных погребений или их скоплений обнаружены в Закарпатье, в бассейне Прута и Семиградье, то есть в Румынии и в Северном Причерноморье.

Как мне кажется, следует отметить интересную особенность захоронений этого периода истории Восточной Европы: погребения с оружием – черта, свойственная только пшеворской культуре. Одновременные сарматские погребения, как в лесостепи, так и на юге оружия не содержат. Следует задуматься над этой метаморфозой – потомки кочевников, никогда не расстававшихся с оружием и хоронивших своих вождей в курганах с богатым инвентарем, после того как перешли к земледелию стали мирными людьми, перестали почитать вождей – их погребения стали бескурганскими и стандартно бедными, без оружия, кроме того, находки оружия на их поселениях чрезвычайно редки. Из четырех тысяч поселений черняховской культуры только три поселения были укрепленными. В то же время пшеворское население, предки которого много веков вели оседлую жизнь, вдруг стало настолько воинственным, что даже после смерти не расставалось с оружием и начало так сильно почитать своих вождей, что стало сооружать для них курганы из камней. Складывается впечатление, что сарматы и пшеворцы договорились об обмене традициями. С точки зрения предлагаемой методики все эти явления вызваны изменениями в величине критического коэффициента – снижением его у сарматов в результате перехода к земледелию и ростом его у пшеворского населения в результате роста населения и заполнения резервуара.

Пшеворская культура занимала южную часть Польши, а северную ее часть занимала вельбарская культура. Ранняя фаза вельбарской культуры – вторая половина I в. н.э. – первая половина II в. В течение первой фазы вельбарская культура охватывала территорию Среднего и Восточного Поморья, северную Великопольшу. Эта территория в целом совпадает с территорией более ранней поморской культуры. В конце I в.н.э. наблюдается резкое увеличение количества могильников, и появляются курганные захоронения. В инвентаре погребений оружие отсутствует. На второй фазе со второй половины II в. памятники этой культуры исчезают в Поморье и появляются на восток от Вислы – в Восточном Поморье, Куявии, Правобережной Мазовии, Подляшье, а также на части Полесья и Волыни. В инвентаре погребений появляется оружие. Со второй половины III в. погребения становятся стандартными.

Таким образом, после того как пшеворское население переместилось на восток Польши и в конце II – начале III в. начало свое движение на юг, начинают мигрировать и вельбарские племена. Они движутся буквально по пятам пшеворских племен (*Praehistoria ziem Polskich* s. 150 –155). На правобережной Мазовии и Подляшье до конца II в. бытовали памятники пшеворской культуры, но на грани II и III вв. вельбарские памятники сменяют тут пшеворские. Примерно в это же время вельбарские памятники появляются на Западной Волыни (*Археология УССР* т 3 с. 133).

С Волыни вельбарское население двигалось далее на юго-восток. Памятники вельбарской культуры в Южном Побужье датируются первой половиной III в. н.э. (Археология УССР т. 3 с. 133). В Северо-Западном Причерноморье археологам удалось проследить на материалах одного из могильников, что до первой половины III в. н.э. захоронения тут происходили по обряду принятому у скифов и сарматов. Позднее появляются захоронения по обряду, во многом сходному с обрядом принятому у племен пшеворской и вельбарской культур (Магомедов 1979 с. 62).

Вследствие миграций носителей пшеворской и вельбарской культур население на территории Польши сильно уменьшилось. Сокращение поселений, вплоть до почти полной депопуляции этих земель, происходило с III в. н.э. по V в. н.э. (Godlowsky).

Попробуем теперь определить, на каких языках говорило население пшеворской и вельбарской культур. Прежде всего, отметим, что археологи нашли в пшеворской культуре множество элементов, характерных для синхронных германских культур Германии и Скандинавии. Это обычай класть в могилу оружие, втыкать острые предметы в захоронения. В могилах пшеворской культуры часто находят кости птиц, что также характерно для германских культур. В Скандинавии этот обычай просуществовал вплоть до средневековья. Далее, на пшеворской керамике встречается орнаментация, также имеющая аналоги в германских культурах (Седов 1979 с. 68-69).

Кроме того, в рассматриваемый период события на территории Германии и Польши привлекали внимание многих античных писателей. Тацит в своем описании Германии подробно, с указанием известных нам географических ориентиров описывает расселение различных племен. Севернее Карпатской горной системы, то есть на территории Польши Тацит помещает германцев: «расчленяющихся на различные племена лугиев» (Germ. 43), а далее на север живут готы, а за ними на берегу «Океана» (т.е. Балтийского моря – А.А.) – ругии и лемовии (Germ. 44). Все эти факты позволяют считать население пшеворской культуры германским, точнее восточногерманским, от которого сохранились лишь многочисленные племенные названия.

Носителей вельбарской культуры можно уверенно идентифицировать с готами. Для истории готов мы можем привлечь письменные источники, в первую очередь книгу Иордана «О происхождении и деяниях гетов». Иордан сообщает, что готы приплыли из Скандинавии на южный берег Балтики (Get. 26), причем поместились они все в трех кораблях, на которых кроме готов находились еще и родственные им гепиды. (Get. 94). Побережье, где они поселились, получило название Gothiscandza от которого некоторые исследователи производят название Гданьск. Интересно отметить описание Иорданом населения Скандинавии, в основе чего, безусловно, лежат готские предания. Иордан, перечисляя племена Скандинавии, называет тридцать племенных названий (Get. 19-24). О них он пишет: «Все эти племена, превосходящие германцев как телом, так и духом, сражались всегда со звериной лютостью» (Get. 24).

Вспомним, что после миграций VII – VI вв. до н.э., которые привели к возникновению ясторфской и поморской культур, Скандинавия вступила в период сильнейшей депопуляции и регресса. Археологи отмечают, что только к концу I в. до н. э. начинается новый подъем. (Монгайт 1974 с 289 - 290). Таким образом, плотность населения постепенно выросла, и критический коэффициент снова стал достаточно высок. Отсюда многочисленность племен и их «звериная лютость». Начинается новая волна расселения германцев. Напомню, что готский язык отделился от скандинавского праязыка, то есть лингвистические данные подтверждают прибытие готов из Скандинавии.

Кстати, эта миграция готов косвенно подтверждает германское происхождение поморской культуры, которая возникла совершенно аналогично вельбарской, то есть готской культуре.

Далее Иордан пишет «когда там выросло великое множество люда..», (то есть когда заполнился резервуар – А.А.) пятый по счету (после переселения – А.А.) король Филимер «постановил, чтобы готы вместе с семьями отправились на поиски удобнейших областей и подходящих мест» (Get. 27). Далее Иордан сообщает, что готы, отправившись на поиски лучших земель «... пришли в земли Скифии, которые на их языке назывались Ойум.» (Get. 27). Это название происходит от готского слова *Aiūm*, что значит «речная область, изобильная водой» (Иордан с. 188 прим 68). «Местность эта замкнута, окруженная зыбкими болотами и омутами.» (Get. 27). Нет никакого сомнения, что земля Ойум – это Волынь. Описание этого района полностью соответствует природным условиям Волыни, а пребывание тут готов надежно зафиксировано археологическими источниками. Кроме того, в Ковеле найден наконечник копья с готской рунической надписью, который датируется временем около 230 г. н.э. (Готский язык с 12.)

Далее Иордан сообщает, что попав в землю Ойум, готы вступают в бой с племенем спалов и побеждают (Get. 27). «Отсюда уже, как победители, движутся они в крайнюю часть Скифии, соседствующую с Понтийским морем как это и вспоминается в древних их песнях...». Следовательно, после пребывания в стране Ойум готы движутся на юг к Черному морю. Находки многих элементов вельбарской культуры подтверждают этот маршрут и пребывание готов в Северном Причерноморье. Кроме того, тут найдены также памятники пшеворской культуры. Следовательно, в степную зону пришли не только готы, но и другие германские (и не только германские) племена. Археологические данные подтверждаются сведениями Иордана, который, кроме остготов и везеготов называет целый ряд племен, действовавших в Северном Причерноморье: гепиды, тайфалы, герулы, карпы, бораны. Движение этих племен в степи было вызвано резким падением тут критического коэффициента вследствие оседания на землю сарматов, о чем речь шла в предыдущей главе. Это редкий случай, когда заполнение образовавшегося в степи вакуума произошло не с востока, а с запада. Причина такого развития событий состояла в стечении определенных обстоятельств. Во-первых, как раз в это время в лесной зоне критический коэффициент стал достаточно высок. Во-вторых изменилась ситуация в степи. Впервые по прошествии почти трех тысяч лет иранские языки в степи начинают сменяться тюркскими. Следовательно, слишком массовым было оседание ираноязычных племен в этот период, что позволило выйти в степь населению иных регионов.

Именно германоязычное население стало основой возникшей на территории Украины черняховской культуры. Несмотря на то, что носители черняховской культуры были в своем большинстве оседлыми, емкость резервуаров в Северо-Западном Причерноморье была очень небольшой. Для сравнения в лесостепи: в среднем Поросье одно поселение черняховской культуры приходилось на 12 км. кв., Уманский р-н Черкасской обл. – 14 км. кв., районы правобережья Днестра в Черновицкой обл. – 16 км. кв., Бердичевский район Житомирской области – 18 км. кв., у села Будешты в Молдавии – 28 км. кв. (Вінокур с.39-40; Рикман, с. 72-73). В степных районах: Арцизский р-н Одесской области – одно поселение на 41 кв. км., Саратовский р-н – на 56 кв. км., Белгород-Днестровский р-н – на 110 кв. км., Коминтерновский р-н – на 188 кв.км., Николаевская обл.: Снегиревский р-н – на 100 кв. км., Жовтневый р-н. – на 123 кв. км., Березанский р-н – на 156 кв.км., Очаковский р-н. – на 300 кв.км. (Магомедов 1987 с.13). Кроме того, что поселения в степи расположены реже, они еще и мельче, так, крупное для Причерноморья поселение Каменка - Анчекрак занимает площадь 7,5 га, в то время как в лесостепи площадь поселений могла достигать до 40 га. (Вінокур, с.31; Рикман с. 76-78).

Поселения черняховского населения степи приурочены к долинам рек, что позволяет предположить, что черняховцы практиковали пойменное земледелие. Хотя в памятниках черняховской культуры найдено наральных больше, чем во всех предшествующих культурах, нет никаких оснований полагать, что черняховцы пахали целинные степные земли, которые в принципе нельзя вспахать наральником, что косвенно подтверждается более низкой плотностью населения в степи, чем в лесной зоне. Поэтому критический коэффициент в степи с приходом мигрантов быстро стал высок и в 230-х годах «скифы», как собирательно называли население степей античные авторы, переходят Дунай и грабят провинции Мезию и Фракию. С 240-х по 260-е ими были разрушены крымские города и города северо-западного Причерноморья – Ольвия, Тира, Херсонес, Неаполь, Танаис и Пантикапей. В это же время продолжались их набеги на Мезию и Фракию, а в 251 г. они взяли и разграбили Филиппополь (современный Пловдив). После захвата Боспора северопричерноморские племена завладели боспорским флотом и начали морские набеги на города Малой Азии и Греции.

Наконец в 270 г. императору Клавдию II удалось разгромить варваров под Наиссой в Мезии. После этого походы «скифов» прекратились, однако Рим потерял часть своих северо-восточных земель, в частности Дакию (территория современной Румынии). Иордан сообщает, что Дакию заняли гепиды. Разумеется, кроме гепидов в Дакии поселились и другие племена из Северного Причерноморья. Я уже говорил выше, что на этой территории археологами обнаружены памятники пшеворской культуры. Гепиды же, судя по сообщениям Иордана, были носителями вельбарской культуры, так как были близкородственны везеготам и остроготам. На близость гепидского языка готскому указывают и лингвисты (Германские и кельтские языки с.19). Миграция части населения из степи должна была понизить тут критический коэффициент.

Именно поэтому с конца III в. н.э. в активности северопричерноморских племен наступает пауза, которая заканчивается примерно в середине IV в. Период новой активизации готов Иордан связывает с готским королем Германарихом. Он, по утверждению Иордана, якобы подчинил себе все племена «Германии и Скифии» (Get. 120), но это, по всей вероятности, стоит в одном ряду с сообщением Иордана о победоносных войнах готов с египетскими фараонами, хотя очевидно, что Германарих действительно вел многочисленные войны.

«Спустя немного времени ...взъярилось на готов племя гуннов» (Get. 121). На основании имен гуннов, которые приводят античные авторы, можно сделать вывод, что гунны были первым тюркоязычным народом, который переселился на запад из азиатских степей. Именно с разгромом гуннами готского племенного союза, многие историки связывают исчезновение черняховской культуры. Однако археологи не находят почти никаких следов пришельцев в украинской степи в это время. Обнаружены лишь очень редко встречающиеся захоронения определенного типа, которые считают гуннскими. Следовательно, не было никакого массового нашествия из глубин Азии. Этот вывод подтверждается тем, что античные авторы знали гуннов задолго до событий IV в. Дионисий Периегет (Dion. Perieg., Descriptio orbis, v. 730), упомянул «уннов» между Аральским и Каспийским морями, а Птолемей (Ptol., III, 5, 10) «хунов» поместил между роксоланами и бастарнами на Борисфене. Оба эти географа писали во II в. н. э. Иордан, ссылаясь на историка Приска, пишет, что гунны первоначально жили на восточном берегу Азовского моря.

Затем «увеличившись до размеров племени» гунны стали нападать на соседей (Get. 123). Это нужно понимать так: когда плотность населения у гуннов превысила критическую, они начали проявлять военную активность. Сперва гунны разгромили племенной союз аланов (Get.127), а затем покорили остроготов (Get.130) Везеготы, жившие западнее, бежали от гуннов в пределы империи. (Get.133) Гунны, вместе с большим количеством других причерноморских племен, переселились в венгерские степи. Тут найдено довольно много керамики IV – V вв., подобной черняховской (Седов Славяне. с 234). Таким образом, население причерноморских степей в значительной степени мигрировало на запад.

Итак, проанализируем вышеизложенные события с точки зрения предлагаемой модели. Переселение германских племен в Северное Причерноморье подняло тут критический коэффициент, который, видимо, был и без того высок. Не только готы, но и многие другие племена начинают проявлять высокую военную активность. Набеги следуют за набегами и разграблению подвергаются все районы, прилегающие к Северному Причерноморью. Так продолжается примерно 40 лет, до 270-х годов, когда римляне уходят из Дакии и сюда выселяется большое количество выходцев из Причерноморья во главе с гепидами. В результате этого критический коэффициент в причерноморских степях падает. Наступает пауза примерно на полвека или чуть больше. Затем снова за счет роста населения наполняются степные резервуары. Возникает сильный готский союз племен во главе с Германарихом. Готы совершают походы на восток, север и северо-восток. Однако одновременно с этим наполняются и другие резервуары степной агломерации, расположенные восточнее в междуречье Волги и Дона. Тут возникает гуннский племенной союз, который в длительной войне побеждает аланов и остроготов. То, что гуннский племенной союз вышел в этой борьбе победителем, не случайно, так как в восточной части степи условий для земледелия было намного меньше, следовательно, критический коэффициент тут был выше. Везеготы мигрируют в пределы империи. Однако гунны (на самом деле различные племена степей между Днестром и Волгой) не остаются в северном Причерноморье, а мигрируют далее на запад за Карпаты в венгерские степи. Их гонит вперед высокий критический коэффициент по обычному маршруту степных племен. Повторяемость событий доказывает, что они не случайны. В центре Европы гунны начинают набеги и грабежи окружающих их оседлых земледельцев, пока не наступает закономерный конец – они переходят к оседлости и быстро растворяются среди своих соседей.

Таким образом, исчезновение черняховской культуры было закономерным. Таков финал **всех** степных сообществ, кочевых или частично оседлых – **чем сильнее и опаснее для соседей они становятся, тем ближе конец их могущества**. Критический коэффициент не может расти бесконечно и люди не могут все время терпеть нечеловеческие условия жизни. Рано или поздно кочевники, после очередного заполнения резервуара, переходят к оседлости и земледелию где-нибудь в лесной зоне по соседству, а степь освобождается для новых племен.

4.7. Пражская культура и ее окружение.

После миграций населения черняховской культуры, которые начали Великое переселение народов, возникает пражская культура, или культура типа Прага – Корчак, названная так по местам первых находок ее памятников (в Праге и бассейне реки Тетерев на Житомирщине). Это первая, безусловно славянская культура, потому что ее памятники со временем эволюционируют в славянские культуры, в частности в культуру Киевской Руси.

Рисунок 18

Возникновение пражской культуры археологи относят к V в. н.э. Она занимала очень обширный ареал – между Припятью и Днестром, по течению Тетерева до Днепра на востоке и до Эльбы на западе, между верхним течением Западного Буга, Вислы и Одера севере и средним Дунаем на юге. Кроме того, памятники пражской культуры обнаружены вне этого ареала, например, далее на юг к Адриатике. Очевидно, что отдельные очаги пражской культуры фиксируют расселение славян из основного ареала. Характерными чертами пражской культуры были почти квадратные полуземлянки с печкой-каменкой в углу, обряд кремации умерших с захоронением праха в урне или яме, почти всегда без инвентаря и своеобразная лепная керамика. Совершенно очевидно из археологического материала, что ни одна из культур, бытовавших как на территории пражской культуры, так и соседних областях, не может быть прямой предшественницей этой культуры.

Для того чтобы лучше понять, как возникла и развивалась пражская культура, нам необходимо выяснить окружающую обстановку, то есть то, что происходило вокруг ареала пражской культуры. На территории Польши и Восточной Германии процессы были достаточно однозначны. Тут археологами фиксируется убыль населения вплоть до полной депопуляции, которая наступила в V в. Сильно уменьшилось также население степи. Однако в лесной зоне Восточной Европы ситуация была совершенно иная.

Как уже отмечалось выше, в I в. до н.э. началась новая волна переселения зарубинецкого населения из Среднего Поднепровья в лесную зону, на этот раз в бассейн Десны. В культуре юхновских племен Подесенья появляются зарубинецкие элементы, которые к концу века становятся преобладающими. Однако деснянские древности заметно отличаются от собственно зарубинецких, причем настолько, что археологи предложили выделить их в отдельную культуру, названную почепской (Амброз с .56-69). Со II – III вв. почепское население проникает из Подесенья в бассейн Верхней Оки и принимает участие в формировании тут мощинской культуры. Оно приносит сюда обычай производить чернолощеную посуду.

Вследствие этого критический коэффициент в Подесенье падает, поэтому под действием первого закона резервуара в ареал зарубинецкой культуры начинаются миграции населения культуры штрихованной керамики. Прежде всего, население культуры штрихованной керамики заняло пограничные с зарубинцами районы вдоль течения Днепра (Абидня, Грини и др.)

где формируется культурный комплекс, соединяющий как элементы зарубинецкой культуры, так и культуры штрихованной керамики (Щукин 1994. с.99; Обломский 1991). Потом начинаются миграции далее на юго-восток. Археологам удалось проследить путь мигрантов. Характерные памятники встречаются на широкой полосе от устья Березины (Абидня) до среднего течения Псла (Вовки), отмечены в устье Припяти (Грини), в Среднем Подесенье (Змеевка, Мена 5) и в устье Трубежа в Среднем Поднепровье (Решетки). Эта полоса как бы разрезает на две части ареал остальных памятников позднезарубинецкой культуры (Щукин 2001 рис 9).

Интересная деталь – население культуры штрихованной керамики на территории Белоруссии не позднее III в. до н.э. начинает строить городища (Митрофанов 1978 с 15). Согласно предлагаемой методике это свидетельствует о росте критического коэффициента. Однако со II в. н.э. жители группы Абидня – Грини жили в селищах. (Митрофанов 1978 с. 57). Следовательно, критический коэффициент тут упал вследствие миграций.

В результате миграций населения культуры штрихованной керамики на зарубинецкой территории в III в. н.э. формируется киевская культура. Археологи подчеркивают, что различия в типах жилища, керамике, погребальном обряде между памятниками зарубинецкой и киевской культур не позволяют увидеть между ними генетическую прямую связь. (Археология УССР т 3 с.105). Археологи отмечают также, что «...при окончательном завершении формирования киевской культуры заметную роль сыграли потомки верхнеднепровских зарубинецких племен... Это население, в свою очередь находилось под некоторым влиянием культуры штрихованной керамики» (Археология УССР т 3 с. 113). О том, что это было именно так, свидетельствуют тот факт, что киевская культура не была простым продолжением и заключительным этапом зарубинецкой, а возникла и существовала параллельно с ним. Одновременно с ранними памятниками киевского типа (Грини, Казаровичи, Абидня) существовали Лютеж, поздние комплексы Почепа и Чаплина, которые и были последним этапом зарубинецкой культуры (Максимов с.153).

Переселение зарубинцев на север и частично на Южный Буг привело к почти полной депопуляции Среднего Поднепровья. (Максимов, Терпиловский с. 91 и сл.). На запустевшие территории Среднего Поднепровья переселяются носители киевской культуры. Ареал киевской культуры охватывает Среднее Поднепровье по обоим его берегам до устья Березины, Среднее и Нижнее Подесенье, весь бассейн Сейма, на юге простирается вплоть до устья Роси и среднего течения Псла и Сулы (Терпиловский, Абашина 1992; Терпиловский 1994: с. 75), а на востоке достигает Курска, верховьев Северского Донца и даже Дона.

В Среднем Поднепровье ареалы киевской и черняховской культур накладываются. Не совсем понятно, жили ли носители этих культур тут чересполосно, или черняховцы сменили носителей киевской культуры. В частности, на поселении Глеваха под Киевом слой киевской культуры перекрыт черняховским, первые, вероятно, были вытеснены вторыми. Наблюдается и общий процесс некоторого сдвига населения в северном направлении (Терпиловский 1989). После массовых миграций из степей носителей черняховской культуры на запад в IV –V вв. население киевской культуры начинает активно заселять опустевшие земли в Среднем Поднепровье (Обломский 1996).

В результате расселения потомки киевской культуры разделились на пеньковскую в Среднем Поднепровье и колочинскую на основной территории киевской культуры. У исследователей, специально занимающихся изучением древностей Днепровского Левобережья, нет особых сомнений, что и колочинская, и пеньковская культуры сложились на базе разных групп предшествующей киевской культуры (Горюнов 1981; Терпиловский 1984; Терпиловский, Абашина 1992; Обломский 1991; Терпиловский 1994).

Сходство памятников столь велико, что не всегда бывает понятно к какой именно культуре относить то или иное поселение - к киевской или уже к колочинской или к пеньковской (Терпиловский 1984 с.75-83; Горюнов 1981 с. 22,42,43; Приходнюк 1988). Высказывались даже предложения вообще отказаться от термина "киевская культура" и ранние памятники тоже считать пеньковскими. (Приходнюк 1988).

Вероятно, очень рано носители пеньковской культуры из Среднего Поднепровья начинают расселяться на юго-запад. Памятники пеньковской культуры найдены в пределах полосы протянувшейся от левобережья Днепра через бассейны Роси и Тясмина, верхнее течение Южного Буга до Нижнего Дуная и Молдавии. Памятники, содержащие элементы только собственно пеньковской культуры, найдены в Среднем Поднепровье, в Подонье и Побужье. В Приднестровье и Молдавии найдены только смешанные памятники с пеньковскими элементами (Русанова с.98).

Рассмотрим теперь события, происходившие в лесной зоне Восточной Европы. Тут, как мы уже говорили выше, в верхнем течении Днепра и Западной Двины еще с VII в. до н.э. существовала днепро-двинская культура, на территории Белоруссии и Восточной Прибалтики с конца II тыс. до н.э. – культура штрихованной керамики. С течением времени возникли локальные варианты этой культуры. На территории Восточной Пруссии (Калининградская обл. России и прилегающие районы Польши и Литвы) возникла культура западнобалтийских курганов, для которой был характерен обряд трупосожжения с захоронением праха в небольших курганах, сложенных из камней. На территории Белоруссии и восточной части Литвы сложился белорусский вариант штрихованной керамики, похоронный обряд которого археологически не фиксируется. На территории Латвии и северной части Литвы сложился латышский вариант культуры штрихованной керамики, население которого практиковало обряд трупоположения.

Для всей общности культур штрихованной керамики характерно использования камня в погребальной обрядности. Как трупоположения, так и трупосожжения тут обкладывались камнями. На территории Латвии в I в. н.э. возник обычай обкладывать трупоположения венцом из крупных камней. Внутри этого венца захоронения делались неоднократно, так что постепенно формировался курган, охваченный каменным венцом. (Археология СССР. Финно-угры и балты с 372).

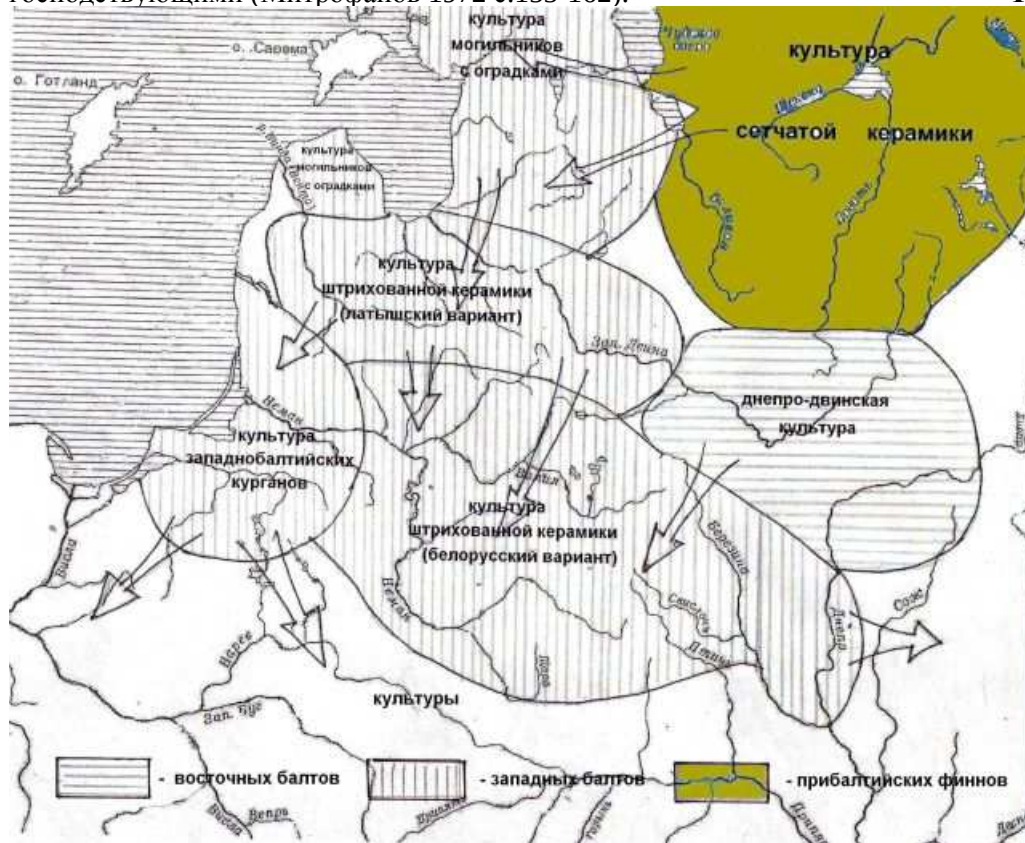
На территории Эстонии и южнее в прибрежной части Латвии до Даугавы (историческая Ливония), а также в северной части полуострова Курземе, остатки трупосожжений ссыпали внутрь оградок, сложенных из крупных валунов или плитнякового камня. К старым оградкам пристраивались новые, так что формировался большой могильник (Археология СССР. Финно-угры и балты с 17).

В результате миграций населения белорусского варианта культуры штрихованной керамики на восток, на опустевшую территорию зарубинецкой культуры, о чем речь шла выше, начинаются вторичные миграции соседних культур. Юго-западную часть территории белорусского варианта культуры штрихованной керамики занимают племена культуры западнобалтийских курганов, для которых было характерна кремация умерших и захоронения в небольших курганах, сложенных из камней. С севера на территорию белорусского варианта культуры штрихованной керамики, главным образом в Восточную Литву, мигрирует население латышского варианта штрихованной керамики.

Оно приносит с собой обычай хоронить умерших в курганах с каменным венцом, вследствие чего на данной территории в VI в. возникает культура восточнолитовских курганов (Тауавичюс 1959 с 12-153). Исследователи выражают уверенность, что этот погребальный обряд на восток Литвы был принесен с северо-запада, с территории Латвии и северной Литвы (Тауавичюс 1978 с 82). Восточную часть опустевшей территории белорусского варианта культуры штрихованной керамики занимает население днепро-двинской культуры. В результате в V вв. н.э. тут формируется новая культура типа Банцеровщина - Тушемля.

Археологические материалы свидетельствуют, что в начальный период существования тушемлинской культуры существовала ее полная преемственность с днепро-двинской культурой (Седов 1970 с.25-30). Имеется преемственность между этими культурами в домостроительстве, керамике, типах серпов, пряслиц и т.д. (Седов 1970 с.39). «...культура типа Тушемля-Банцеровщина занимает целиком территорию расселения днепро-двинских племен, причем северо-западные, северо-восточные и юго-восточные границы их ареалов почти совпадают. Только на юго-западе ареал тушемлинско-банцеровских древностей значительно выходит за пределы территории днепро-двинской культуры, охватывая в верховьях Березины, Вилии и северной части Припятского бассейна значительную часть территории, занятую в раннем железном веке племенами культуры штрихованной керамики» (там же). Культура штрихованной керамики в восточной части ее ареала была сменена культурой типа Тушемля – Банцеровщина постепенно. Период IV – V вв. был переходным, когда наряду со штрихованной посудой, процент которой постепенно уменьшался, получили распространение гладкостенные сосуды – прототипы тушемлинских, которые постепенно стали господствующими (Митрофанов 1972 с.155-162).

Рисунок 19

Еще одним направлением миграций населения лесной зоны Восточной Европы стало западное. После ухода носителей вельбарской культуры в V в. н.э. на опустевшие земли Северной Польши начинаются миграции населения Восточной Прибалтики. Эти миграции достигли нижнего течения Вислы на западе и Мазурии на юге (Кулаков с. 45-46; Кухаренко 1969 с.119). Вследствие этих миграций население Восточной Пруссии сильно убывало. Исследователи отмечают, что из известных в более раннее время 108 могильников в VI – VIII вв. захоронения совершались только на 25 (Археология СССР. Финно-угры и балты с. 400). К этому времени на территории Восточной Пруссии господствовал обряд трупосожжения, поэтому миграции сюда хорошо фиксируются появлением тут в IV в.

трупоположений, доля которых возрастает к V в. (Кулаков с 19-20). Очевидно, что эти миграции были с территории латышского варианта культуры штрихованной керамики, где господствовал обряд трупоположения.

Отток населения с территории восточной Латвии на территорию восточной Литвы, о чем речь шла выше, позволил мигрировать сюда населению тушемлинской культуры. Эти миграции прослеживаются появлением на территории Латвии захоронений в грунтовых могилах по обряду трупосожжения, характерном для тушемлинской культуры. В целом все же обряд трупоположения остался доминирующим, но начиная с VI в. население Восточной Латвии все чаще хоронит умерших в грунтовых могилах, а не в курганах с каменным венцом как было раньше (Археология СССР. Финно-угры и балты с. 359-360), что соответствует дестратификации общества вследствие падения критического коэффициента.

С середины I тыс. н.э. строительство могильников с оградками на территории Эстонии и Ливонии прекращается, хотя остатки трупосожжений по-прежнему ссыпались в старые могильники. Лишь иногда к могильникам пристраивались новые каменные кладки, однако теперь камни кладут бессистемно, а остатки трупосожжений ссыпают на них (Археология СССР. Финно-угры и балты с 17).

Изменения в погребальном обряде позволяют предположить, что с V в. на территорию Эстонии имели место миграции извне. Часть более раннего населения, входившего в общность культур штрихованной керамики в результате вторичных миграций ушло на юг, а на его место пришло новое население, скорее всего с востока, с территории культуры сетчатой керамики бассейна озера Ильмень, для которого также был характерен обряд трупосожжения. Именно с середины I тыс. н.э. культура сетчатой керамики исчезает, а в ее ареале возникает культура длинных курганов (Седов 2002 с 365).

С самого конца VI – начала VII вв. (Grebe S. 167-189) на территории Восточной Германии и Польши, севернее ареала пражской культуры, возникает суковско-дзедзицкая культура. Памятники этой культуры охватывают почти целиком бассейн Одера, кроме верховьев, обнаружены в среднем течении Вислы и особенно многочисленны в междуречье нижнего течения Одера и Эльбы, вплоть до Дании.

Рисунок 20

Небольшое их количество найдено и на левом берегу Эльбы. Особенности домостроения, погребальный обряд и керамика суковско-дзедзицкой культуры сильно отличается от тех, которые были свойственны пражской культуре.

При этом керамика суковско-дзедзицкой культуры имеет черты сходства с керамикой восточных регионов. Для нее характерны округлобокие сосуды с широким дном, сосуды с раздутым почти биконическим туловом типичные для западнобалтийских культур с римского времени и до VI – VII вв. (Русанова с 177). Тут найдены также украшения определенных типов (спиральки, привески, браслеты) которые имеют аналогии в культурах лесной зоны Восточной Европы. Некоторые элементы суковско-дзедзицкой культуры, например, слабопрофилированные тюльпановидные горшки, биконические сосуды, имеют несомненные аналогии в тушемлинской культуре. (Szymanski рис 11 с.28; рис 19 с 22).

Таким образом, если миграции из Восточной Прибалтики в V в дошли до нижнего течения Вислы, то в VI – VII вв. миграции отсюда доходят до левобережья Эльбы и Дании. Выше я уже отмечал, что тушемлинское население с VI в. мигрировало на территорию Восточной Латвии. Примерно с этого же времени, а возможно и несколько позже тушемлинское население проникает на восток Литвы. Уже с середины I тыс. н.э., в Литве начинает распространяться обряд трупосожжения, характерный для тушемлинской культуры, а в VII – VIII вв. этот обряд становится господствующим в центральной и восточной Литве. На западе Литвы на землях племенного союза жемайтов обряд трупоположения преобладал дольше, до начала II тыс н.э., после чего население тут полностью переходит к кремации умерших (Куликаускане с.63). В это же время обряд кремации становится господствующим и северо-западнее, на полуострове Курземе (Археология СССР. Финно-угры и балты с 405-406).

Носители тушемлинской культуры мигрировали также на север. Как я уже отмечал выше, тут до VI в существовала культура сетчатой керамики, часть носителей которой, в соответствии с первым законом резервуара, переселилась в Прибалтику. Вследствие этого падает критический коэффициент в псковско-новгородском регионе и тушемлинские племена, чья территория непосредственно примыкала к этому региону с юга, его заселяют. Меньшая часть керамики культуры длинных курганов восходит к культуре населения культуры сетчатой керамики, другая ее часть сопоставима с керамикой тушемлинской культуры и вместе с тем с керамикой суковско-дзедзицкой культуры (Седов 2002 с 365).

Теперь попробуем сопоставить картину событий, которую нам рисуют археологические источники с данными лингвистики и письменных источников. В Латвии, кроме латгалов, занимавших восток Латвии и говоривших на пралатышском языке, письменные источники зафиксировали земгалов, куршей и селов, например «река селов» показана на Певтингеровой карте конца III – начала IV в. н.э. (Археология СССР. Финно-угры... с 365). В это время на территории Восточной Прибалтики существовали только варианты культуры штрихованной керамики. Археологи считают культуру средневековых земгалов прямым потомком культуры штрихованной керамики (Атгазис с.58). Очень похожей на культуру земгалов была также культура населения западной Литвы, где впоследствии возник племенной союз жемайтов (Атгазис с 97). Между нижним течением Вислы и Немана источники IX в. впервые фиксируют пруссов (Археология СССР. Финно-угры и балты с. 398). О ятвягах под 983 г. сообщает древнерусская летопись (ПВЛ, I 1950 с 103), а на основании гидронимов и специфических каменно-земляных курганов их территория определяется западной Белоруссией, северо-восточной Польшей и юго-западной Литвой (Седов 1964 с 36-51).

Лингвистические данные также свидетельствуют о том, что «На западных и северо-западных границах своей территории литовско-латышский, после того как он распался (V – VII вв. н.э.)

стал постепенно расширять свои границы за счет соседних западно-балтийских периферийных говоров, прежде всего селонских, земгальских и куршских» (Мажюлис 1981 с.103).

Следовательно, лингвисты считают, что селоны, земгалы и селы были западными балтами. Нет никакого сомнения в том, что язык пруссов и родственных им ятвягов был западнобалтийским. Но культура всех этих народов археологически восходит к общности культур штрихованной керамики.

Далее, распад восточнобалтийского языка лингвисты датируют V – VII вв. н.э., что соответствует миграциям тушемлинского населения на территорию Литвы и Латвии. Западно-балтийское население, племена земгалов и селов сохранились в поречье Западной Двины, в результате чего носители будущего литовского языка оказались отделены от носителей будущего латышского языка. Кроме того, археологи отмечают, что анализ предметов материальной культуры тушемлинского типа – украшений, наконечников копий, топоров, серпов и т.д. показал их сходство с аналогичными предметами с одной стороны днепро-двинской культуры, а с другой – раннесредневековых древностей Литвы и Латвии. При этом для последующих достоверно славянских памятников подобные типы предметов не характерны (Перхавко с.40-55).

Вероятно, миграции западных балтов с территории Литвы на запад были значительно более массированными, чем с территории Латвии, так как на территории Латвии западные балты – племена земгалов, куршей и селов, уцелели вплоть до XIII в., поэтому латышский народ сложился значительно позже литовского, лишь в XVI – XVII вв. (Мугуревич, Таутавичюс с. 9), когда полностью завершились процессы ассимиляции.

В этой связи представляет интерес появление прибалтийских финнов – эстонцев в Эстонии и ливов в Латвии. Распад прибалтийскофинского языка по мнению лингвистов произошел приблизительно в VIII в. Несколько раньше этого времени начинаются изменения в погребальном обряде населения территории Эстонии и Ливонии, о чем речь шла выше.

Рисунок 21

Примерно в это же время исчезает культура сетчатой керамики бассейна озера Ильмень, что дает основания предполагать миграцию населения этой культуры в Прибалтику. Культура сетчатой керамики ильменского бассейна относилась к общности культур текстильной керамики, к которой достоверно восходят культуры исторических финно-угров. Следовательно, в VI – VII вв. какие-то племена финнов переселились на территорию Эстонии и Ливонии, что совпадает с распадом прибалтийско-финского языка. Очевидно, что этими мигрантами были предки эстонцев и ливов, а бассейн озера Ильмень – районом существования прибалтийскофинского языка, что подтверждается обнаружением тут соответствующих гидронимов (Седов 1982 с. 46-66).

Интересно, что о племенах эстиев, собирающих на Балтике янтарь, сообщает Тацит (Germ. 45), а Иордан пишет, что айсты (эсты), живут за устьем Вислы и держат берег Океана (Балтийского моря) (Get, 36). Южнее их живут акациры (Get, 36). Очевидно из контекста, что Иордан не мог иметь в виду население Эстонии. Скорее всего, он имел в виду какое-то балтийское население восточнее Вислы. Однако и в этом случае непонятно, при чем тут акациры, которые, без сомнения, были кочевым, степным племенем, о чем пишет сам Иордан (там же). Любой район Прибалтики отделен от зоны степей многими сотнями километров. Объяснить этот фрагмент «Гетики» можно только тем, что эсты – общее название племен культуры штрихованной керамики, то есть западных балтов. Ведь, как мы видели выше, носители культуры штрихованной керамики мигрировали на левобережье бассейна Верхнего Днепра, где образовали киевскую, а затем, колочинскую культуры. Обе эти культуры на юго-востоке граничили со степным миром. Следовательно, вероятно, что этноним «эсты» был общим для западных балтов – носителей культуры штрихованной керамики (или какой-то их части). Самоназванием современных эстонцев он стал лишь в XVIII в. во время национального возрождения, когда самоназвание маарахвас (люди земли, крестьяне) было заменено известным из античных авторов «эсты».

Расселение западных балтов на левобережье Верхнего Днепра хорошо фиксируется большим количеством западнобалтийских гидронимов на левобережье лесной зоны днепровского бассейна и на Верхней Оке, то есть в местах, где жило и куда расселялось население киевской культуры (Топоров 1981 с 13-18). На Верхней Оке западнобалтийское население просуществовало до XII – XIII вв. Летописи сообщают под 1147 г. о голяди на р. Протве, притоке Оки, (ПСРЛ 1962 с 339), а под 1248 г. о литве на Протве (ПСРЛ 1925 с 38). Этноним голядь соответствует галиндам Пруссии. Интересно, что лингвисты находят "соответствия между галиндо-прусской и верхнеднепровско-окской ("голядской") гидронимией" (Топоров, 1981, с. 114). О колдах и голдоскифах в Восточной Европе сообщает Иордан (Get. 117). В этот период район Верхней Оки занимало население мощинской культуры, возникновение которой археологи относят к рубежу III и IV вв. (Седов, 1982, с. 41-45). Исчезает мощинская культура в VIII в., когда в бассейне Оки начинают расселяться славяне.

Проникновение западных балтов на Верхнюю Оку, видимо, связано с миграциями сюда во II – III вв. населения из Подесенья. Первоначально это было позднезарубинецкое, почепское население, но вслед за ним пришло население формирующейся киевской культуры, о чем свидетельствуют черты определенного сходства керамического комплекса мощинской и ранней киевской культуры.

Еще с конца I тыс. до н.э., балты начинают заселять также юго-западную часть Волго-Окского междуречья, после того как отсюда ушли на запад носители будущих прибалтийско-финских языков.

Вследствие этого в Волго-Окском междуречье исчезает характерная для финнов текстильная керамика, длинные многокамерные дома, но появляется лощеная керамика, небольшие наземные квадратные дома, бронзовые украшения с выемчатой эмалью, то есть формируется культура москворецких городищ. Все эти элементы этой культуры были характерны для других балтских культур. Присутствие балтов в Волго-Окском междуречье подтверждается обнаруженными тут балтийскими гидронимами (Топоров 1981).

Ареал расселения балтов в древности нашел свое отражение в распространении балтийских гидронимов. Балтийские гидронимы охватывают огромную территорию: на севере – верховья Лопати, междуречье Волги и Оки, на северо-востоке – бассейн верхней Оки, на востоке – бассейн Сейма, на юге – от Сейма на правобережье Днепра по южной границе Полесья до низовьев Вислы (Топоров, Трубачев), на территории Польши и западнее, на левом берегу Одера (Проблемы этнической истории с. 8).. Кроме того, балтийские названия встречаются и вне этого основного ареала – в бассейне Роси и в верховьях Южного Буга, (Петров 1972 с. 99 и сл.).

Если наличие балтийских гидронимов в лесной зоне Восточной Европы соответствует ареалам культур штрихованной керамики, днепро-двинской, киевской, мощинской, то балтийские гидронимы в бассейне Вислы и Одера могут быть объяснены только миграциями балтов на запад в V – VI вв. и возникновением тут суковско-дзедзицкой культуры. Интересно, что в кашубском языке, распространенном на севере Польши в ареале суковско-дзедзицкой культуры, обнаружено большое количество заимствований из западнобалтийских языков (*Kaszubszczyzna* s 36 fl). Следовательно, кашубы – это остатки славянизированного западнобалтийского населения, потомки носителей суковско-дзедзицкой культуры. Распространение балтийских гидронимов в бассейне Роси и Южного Буга соответствует ареалу пеньковской культуры.

Таким образом, есть достаточные основания считать, что население культуры штрихованной керамики было западными балтами. В этом случае население тушемлинской культуры было восточными балтами. Однако тушемлинская культура, как говорилось выше, восходит к днепро-двинской культуре, а эта последняя – к лебедовской, сосницкой и, в конечном счете, к тшинецкой. Но и культура штрихованной керамики также восходит к тшинецкой культуре. Следовательно, население тшинецкой культуры говорило на общебалтийском языке и разделение балтов на западных и восточных произошло в результате обхода бассейна Припяти носителями тшинецкой культуры соответственно с запада и востока. Время разделения тшинецкой культуры на западную и восточную соответствует времени разделения западно- и восточнобалтийских языков, то есть концу II тыс. до н.э. В этой связи вспомним тесную связь тшинецкой культуры с комаровской, белогрудовской и чернолесской культурами, население которых, вероятно, говорило на фракийских языках. А ведь именно с фракийскими языками имели когда-то контакты балтийские языки.

История расселения балтов важна для нашего исследования потому, что балтийские языки являются наиболее близкими славянскому и пытаются реконструировать раннюю историю славян, не восстановив раннюю историю балтов, невозможно.

Кроме балтийских в бассейне Верхнего Днепра имеются иранские гидронимы. Они обнаружены в бассейне Десны, особенно много их на Сейме. Три иранских гидронима обнаружены также в северной части днепровского бассейна. (Топоров, Трубачев Карта 2). Если иранские гидронимы на Нижней и Средней Десне и Сейме можно объяснить присутствием тут носителей последующих, связанных со степью культур, а если говорить конкретно, волынцевской культуры (о ней речь пойдет ниже),

то отдельные иранские гидронимы, найденные за пределами ареала этой культуры, например в верховьях Десны и Сожа, могут быть следами пребывания тут только носителей зарубинецкой культуры. Во всяком случае, следов других предположительно ираноязычных культур в этих местах не обнаружено, в то время как миграция именно зарубинецкого населения сюда прослеживаются археологически.

Только с миграциями зарубинецкого населения в лесную зону Восточной Европы могут быть связаны иранские заимствования в восточнобалтийских языках. Никакая другая ираноязычная культура не может рассматриваться как донор этих заимствований. Эти данные, совместно с данными археологии позволяют утверждать, что зарубинецкая культура была ираноязычной. Таким образом, есть достаточные основания полагать, что мигрантов с северо-запада было недостаточно для ассимиляции лесостепной скифской культуры и, возникшая на этой основе зарубинецкая культура сохранила скифский язык, принадлежавший к индоиранским языкам.

Кроме балтийских и иранских гидронимов, в бассейне Верхнего Днепра имеются также финские гидронимы на севере и в бассейне Сейма и южнее его. (Топоров, Трубачев. Карта 2). Наличие финских гидронимов так далеко на юге может быть объяснено только тем, что юхновская культура была финоязычной, поскольку прослеживаются связи юхновской культуры с несомненно финской дьяковской культурой, о чем речь шла выше.

Славянские гидронимы на данной территории, как установили лингвисты, относятся к восточнославянскому типу (Русанова с. 63) , следовательно, славяне пришли сюда после распада общеславянского языка и формирования восточнославянского языка, то есть не ранее VIII в. Следовательно, в лесной зоне восточной Европы севернее линии Припять – Сейм славяне не могли сформироваться как языковая общность. Вместе с тем, сильные языковые связи славян и балтов предполагают длительное нахождение славян рядом с этой зоной.

5. Реконструкция

Итак, мы, с достаточной степенью достоверности, можем установить, на каких языках говорили носители культур, которые предшествовали пражской в ее ареале или же занимали соседние территории. Это нужно для того, чтобы реконструировать предисторию пражской культуры. Для ее реконструкции нам, прежде всего, нужно определить для себя район, в которой сформировалась эта культура, поскольку ареал пражской культуры слишком велик для того, чтобы все ее характерные особенности могли возникнуть одновременно на столь большой территории. Однако какой именно район был центром формирования этой культуры, непонятно, так как, несмотря на то, что памятники пражской культуры изучены относительно хорошо, бедность материальной культуры, очень малое количество импортных вещей сильно затрудняют датировку или же не позволяют сделать ее достаточно узкой, чтобы выявить наиболее ранние центры этой культуры.

Основной ареал пражской культуры сильно растянут с юго-востока на северо-запад и очевидно, что наша задача сводится к выбору между двумя возможными районами. Это южная Польша и северо-западная Украина, точнее верхнее и среднее Приднестровье и Волынь. Район южной Польши сразу же вызывает большие сомнения, поскольку, как уже говорилось выше, Польша ко времени возникновения пражской культуры была опустошена экс-центрными миграциями.

Кроме того, имеются находки в Поднестровье и верховьях Прута, которые датируются наиболее ранними датами пражской культуры – V в. н.э. На этих памятниках лепная пражская керамика сочетается с гончарной керамикой предшествующей черняховской культуры. Кроме того, в этом регионе выявлены наиболее ранние жилища славянского типа – полуземлянки с печью-каменкой. В других регионах пражской культуры памятники V в. н.э. пока не известны (Баран 1981 с. 172). Впрочем, не все археологи согласны с такой датировкой и утверждают, что более ранние памятники находятся в бассейне Вислы (Русанова).

Однако бесспорным является факт, что на территории Волыни находилось наиболее раннее укрепленное поселение пражской культуры. Это поселение находилось на возвышенном мысу реки Луга возле села Зимно. Поселение было укреплено подсыпкой земли, земляным валом и частоколом. Культурный слой поселения датируется V-VII вв. н.э.

На городище найдено много находок, следы литейного, кузнечного производства, украшения, импортные вещи и даже византийская монета Юстина (518-527 гг.) или Юстиниана (527-565 гг.). Исключительное положение городища Зимно подчеркивается тем, что тут найдено больше металлических предметов, чем на всех остальных памятниках пражской культуры. Кроме того, практически все ранние поселения пражской культуры – небольшие неукрепленные селения. Два других укрепленных поселения пражской культуры - Хотомель Брестской обл. Белоруссии и Шелиги в Польше, датируются археологами значительно более поздним временем – VII – VIII вв. (Археология УССР т 3, с 140).

Оба они располагаются на периферии пражской культуры, Хотомель – на границе с ареалом колочинской культуры, а Шелиги – суковско-дзедзицкой. Впрочем, есть основания относить Шелиги к суковско-дзедзицкой культуре. Зимнинское же городище находилось в глубине ареала пражской культуры. Это свидетельствует о том, что причиной возникновения такого поселения была не внешняя угроза, а некие внутренние причины.

Об особой роли Волыни в ранней истории славян свидетельствуют и письменные источники. Арабский географ Масуди в книге «Золотые луга», датируемой 940-ми годами сообщает о славянских племенах, «валинана» и «дулаба», причем указывает, что волыняне некогда господствовало над другими славянами. Царь волынян Маджак управлял другими царями славян. Однако потом среди славян начались раздоры и цари всех славянских племен стали править самостоятельно. (Гаркави, с. 135). О волынянах под именем «велюнзан» сообщает и Баварский географ, записи которого датируются периодом между 886 и 890 гг. Есть упоминание о волынянах и у арабского путешественника X в. ибн-Якуба. Современные историки считают, что территория племенного союза дулебов-волынян ограничивалась на севере Припятью, на юге доходила до верховьев Днестра, на западе до Западного Буга, а на востоке до реки Горынь. Такой ареал расселения племени дулебов определен на основании топонимов (Седов 1962 с. 202). О дулебах сообщает и «Повесть временных лет в связи с войнами последних с аварами: «Си (обры) же добре воеваху на словенах и примучиши дулебы, суцая словены и насилие творяху женам дулепским». Обры – это авары, народ тюркского происхождения, появившийся на Дунае в 560-х гг. Авары прошли тем же путем, каким до них проходили и каким после них будут проходить многие кочевые народы и осели в придунайских степях, создав тут свое государство – каганат. Авары постоянно делали набеги на соседей, в том числе славян. С тех пор во многих славянских языках слово «обр» обозначает великан, например, в чешском, словацком и словенском. Называть великанов именем враждебного народа – явление довольно распространенное. Например, в немецком языке Hüne означает великан, богатырь. Это слово происходит от названия народа, с которым в раннее средневековье некоторые германские племена вели ожесточенную борьбу – гунны.

Для нас интересно в этом предании то, что Нестор, говоря об столь отдаленном времени, знает только дулебов. Это объяснил еще Ключевский. Он писал: «Можно догадываться, почему киевское предание запомнило одних дулебов из времен аварского нашествия. Тогда дулебы господствовали над всеми славянами и покрывали их своим именем» (Ключевский т 1 с 110).

Итак, городище Зимно по всем признакам было политическим центром носителей пражской культуры. На том уровне развития, на котором находилась эта культура, политический центр обязательно должен был совпадать с эпицентром миграций. Косвенно доминирующую роль Волыни подтверждают и письменные источники. Следовательно, мы можем рассматривать Волынь и прилегающее Среднее и Верхнее Приднестровье как первоначальный район пражской культуры, из которого и начались миграции, сформировавшие ее ареал.

Такой вывод вынуждает нас детально рассмотреть процессы, происходившие на Волыни и Приднестровье непосредственно перед появлением тут пражской культуры. Это возможно благодаря тому, что этот район археологически достаточно хорошо изучен (Козак 1992).

Во II в. до н.э. в западной части Волыни и в Приднестровье проживало население поморско-подклёшевой культуры, которое пришло сюда с территории Польши. Как мы уже отмечали, в начале I в. до н.э. сюда с территории Польши переселились пшеворские племена, которые ассимилировали население поморско-клёшевой культуры. В середине I в. н.э. начинается расселение пшеворского населения Приднестровья вдоль левых притоков Днестра на юг. Позднее пшеворское население переходит Днестр и проникает в бассейн Прута (Козак 1984 с. 47). Кроме того, именно с середины I в. н.э. увеличивается количество пшеворских элементов на памятниках зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье. Пшеворские типы сосудов появляются в керамическом комплексе, западное происхождение имеют некоторые виды украшений, оружия, фибулы, шпоры, пшеворские черты появляются и в погребальном обряде. Исследователи считают, что в это время на Среднее Поднепровье в среду зарубинцев вселяются представители пшеворского населения (Максимов с. 114,126). Но особенно много пшеворцев мигрировало в бассейн Южного Буга (Хавлюк. с. 7–13).

Таким образом, первоначально пшеворское население появилось на Волыни и Приднестровье в начале I в. до н.э., ассимилировав население поморско-клёшевой культуры. В середине I в. н.э., вероятно, когда этот относительно небольшой резервуар наполнился, пшеворцы с Волыни и Верхнего Приднестровья начинают двигаться на юг, юго-восток и восток. Следовательно, население Волыни и Приднестровья сократилось. Установлено, что со второй половины I в. н.э. зарубинецкие племена, которые ранее жили в Полесье, практически полностью покидают свои прежние места обитания и переселяются на Волынь и Приднестровье (Смішко 1976 с. 7-8).

Показательным является то, что зарубинецкое население селилось на поселениях пшеворской культуры, хотя, как свидетельствуют многочисленные примеры, обычно при подобных миграциях в первое время после переселения пришельцы селятся отдельно, то есть население живет чересполосно. Появление зарубинецкого населения на поселениях пшеворской культуры свидетельствует о том, что эти поселения в значительной степени опустели. Однако археологи отмечают резкое увеличение количества памятников на Волыни и Приднестровье второй половины I–II вв. Это объясняется увеличением численности населения в результате миграции сюда зарубинцев (Козак 1992 с. 115). Возникают новые селища. Площади селений увеличились примерно в 2–3 раза. По оценкам археологов общее количество населения на Волыни и Приднестровье возросло примерно в 2,5–3 раза (там же). На Полесье в это время прослеживается влияние культуры штрихованной керамики, которая ранее занимала более северные территории.

Следовательно, произошла передвижка населения – пшеворцы ушли на юг и восток, на их место на Волыни и в Приднестровье переселилось зарубинецкое население Полесья, а на опустевшее Полесье начинают проникать носители культуры штрихованной керамики.

На рисунке 16 (составлен по Козак 1992 с. 9 рис. 1; с 73 рис 39) отчетливо видно, как двигалось население зарубинецкой культуры до I в. до н.э. занимавшее междуречье Припяти и Ствиго и верхнее течение Горыни и Стири. К концу I в. до н.э. оно полностью уходит отсюда на Волынь и частично проникает в бассейн Днестра и Сана. К концу II в. н.э. оно полностью уходит с Волыни и к середине IV в. н.э. занимает почти все среднее и верхнее Поднестровье и бассейн Сана вплоть до Вислы.

В результате ассимиляционных процессов на Волыни и Поднестровье во второй половине II–III в. н.э. сформировалась волынско-подольская группа пшеворской культуры, которая настолько сильно отличалась от культуры Висло-Одерского междуречья, что ее нельзя уже считать пшеворской (Козак 1992 с. 49).

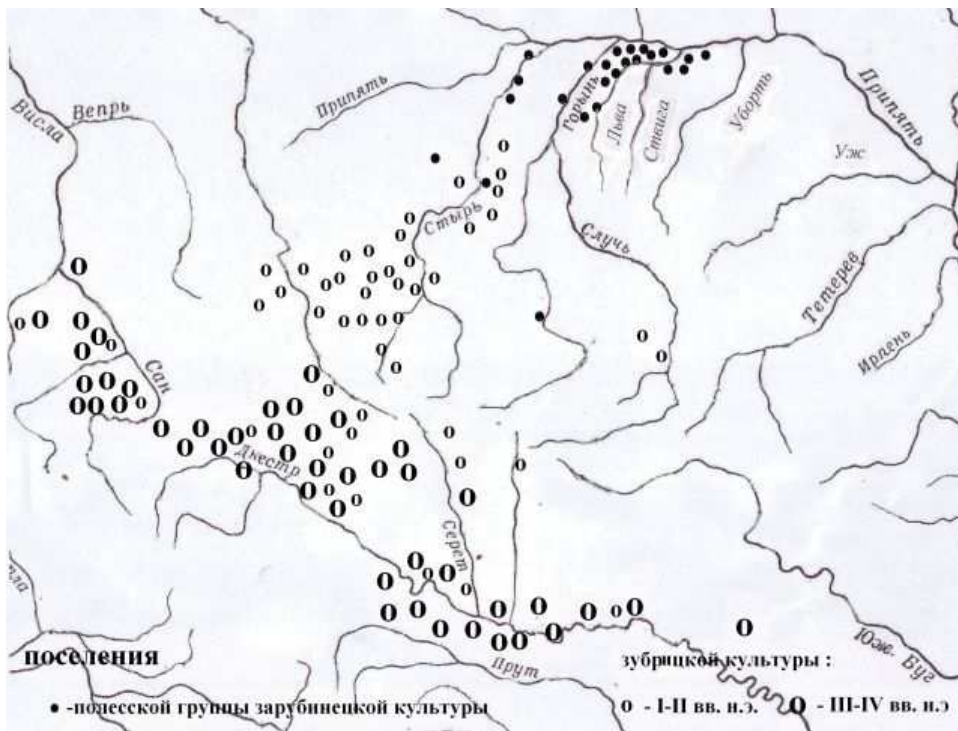

Рисунок 29

Для вновь возникшего культурного комплекса предложено название зубрицкой культуры (там же). Керамический комплекс этой культуры характеризуется сильным смешением пшеворских и зарубинецких черт, со временем в нем уже трудно выделить в нем черты этих культур (Козак 1992 с. 62). Однако в памятниках зубрицкой культуры ощущается сильное зарубинецкое влияние, в частности в домостроении и керамике (Козак 1992 с. 51).

В конце II – начале III в. н.э. заполняются основные резервуары пшеворской культуры в Польше. Начинается движение основной массы пшеворцев на восток и позднее на юг, как отмечалось выше. Именно в это время, как отмечают исследователи, резко возрастает количество пшеворских памятников в Верхнем Поднестровье и Западной Волыни (Козак 1984 с. 47). В это же время начинается быстрое движение пшеворцев далее на юг, от которого, остались лишь одиночные захоронения вооруженных воинов. На территории Польши в это время наблюдается сокращение пшеворских памятников.

Интересно, что одиночные захоронения вооруженных воинов конца II – начала III в. н.э. в Поднестровье явно не относились к местной культуре, а их появление тут не нарушило эволюционное развитие последней (Козак 1984 с. 50). Это значит, что пшеворское население с территории Польши прошло эти места быстро, транзитом, не повлияв на местное население.

В конце II в. н.э. на Волыни, которую как раз перед этим оставило население зубрицкой культуры, появляются вельбарские памятники (Козак 1992 с. 67). Памятники вельбарской культуры на Волыни датируются последней четвертью II – IV в. (там же). Причем, по-видимому, проникновение сюда шло двумя волнами – первая во II в., вторая – во второй половине III в. (Prahistoria ziem Polskich S. 136). Материалы зубрицкой и вельбарской культур позволяют сделать вывод, что между их носителями не было контактов. Культуры не сосуществовали на Волыни, так как зубрицкие слои тут перекрыты вельбарскими. При этом в Приднестровье нет следов пребывания носителей вельбарской культуры. Зато памятники вельбарской культуры найдены в верхнем течении Южного Буга и далее на юге, в степи. Следовательно, носители вельбарской культуры, то есть готы, заняли опустевшую Волынь, но при дальнейшем расселении на юг обошли с востока Поднестровье, куда их не пустило местное население.

В течение III в. зубрицкая культура постепенно трансформируется в памятники черняховского типа (Козак 1992 с. 67). Интересно то, что как раз накануне возникновения черняховской культуры во второй половине – конце II в. в Приднестровье население увеличилось как минимум вдвое. Если в конце I-II в. н.э. на поселениях одно домохозяйство в среднем занимало площадь 432 м. кв. то к концу II в. – 227 м. кв. (Козак 1982 с. 126). Кроме того, в это время появляются новые селища. Такой рост населения сказался на его уровне развития. На поселениях появляется сероглиняные гончарные

сосуды, значительно увеличивается количество металлических изделий, орудий труда, украшений. По данным палеоботанического анализа большинство находок зерен культурных растений относится к объектам конца II – III в. (Козак 1992 с. 125).

Интересным фактом является то, что на территории Приднестровья и Волыни черняховские и зубрицкие памятники сосуществуют некоторое время в III в. н.э. до исчезновения тут зубрицкой культуры. Следовательно, черняховские элементы были привнесены сюда извне. Однако, по мнению археологов в III в. н.э. на Верхнем Приднестровье и Волыни с возникновением черняховской культуры не произошло заметного изменения состава населения. Основными носителями новой культуры были прежнее население этих мест (Козак 1984 с. 65). Археологические материалы свидетельствуют, что на эту территорию вселялись отдельные группы сарматов, образуя изолированные поселения и могильники. Поэтому в составе черняховской культуры, население Среднего и Верхнего Приднестровья выделялось своей специфической культурой настолько, что некоторые археологи высказывают сомнения в принадлежности этого района к черняховской культуре вообще. (Щукин 2001)

Черняховская культура просуществовала до конца IV – начала V в. Начало сложения пражской культуры, как полагают некоторые исследователи, приходится на IV – V вв. В это время по среднему Днестру в среде черняховской культуры вырабатывается определенный, характерный для славян тип жилища и появляется печь – каменка. Именно в районе Приднестровья, как утверждают некоторые археологи, появляются наиболее ранние поселения пражской культуры V в., в формировании которой принимало участие местное население черняховской культуры (Баран 1988 с. 76 – 77).

Вот как археологи описывают эволюцию материальной культуры этого региона: «Типологически близкими славянской группе памятников V – VI вв. н.э. с керамикой пражского типа оказались зарубинецкие древности полеской группы и северная часть памятников черняховской культуры, сложившихся главным образом на основании последних, и юго-восточная группа пшеворской культуры. Элементы керамики зарубинецкой и пшеворской культур сочетаются в ряде памятников Верхнего Поднестровья и Побужья уже в первой четверти I тыс. н.э., а также в черняховских комплексах» (Баран 1978. с. 31-32).

Таким образом, очевидно, что зарубинецкое население пришло на Приднестровье тогда, когда отсюда ушла большая часть пшеворского населения. Следовательно, язык именно зарубинецкого населения должен был стать языком населения Волыни и Приднестровья. Последующие миграции носителей пшеворской и вельбарской культур непосредственно на Приднестровье не проникали. Пришлое сарматское население оседало в Приднестровье и на Волыни sporadически, отдельными небольшими группами и существенно не повлияло, как свидетельствуют археологи, на состав населения.

Следовательно, если пражская культура действительно возникла в Среднем Приднестровье, то зарубинецкое население, пришедшее сюда в I в. до н.э. должно было говорить на общеславянском языке. Вместе с тем, как мы отмечали выше, зарубинцы должны были говорить если не на иранском, то, во всяком случае, на сильно иранизированном языке. Славянский же язык имеет лишь небольшое число иранских заимствований. Однако носители зарубинецкой культуры пришли на Приднестровье не из Среднего или Верхнего Приднепровья, а из Полесья. Это значит, что они принадлежали к полеской группе зарубинецкой культуры, которая выделялась своим культурным своеобразием.

Так, на Полесье жилища представляли собой полуземлянки – срубы, в среднем Поднепровье – углубленные в материк жилища с каркасными стенами, а в Верхнем Поднепровье – наземные жилища столбовой конструкции.

Отличалось Полесье и погребальным обрядом. Тут обнаружено заметно большее количество урновых захоронений, часто перекрытых корчагами – «клошами», чего нет на Поднепровье. Кроме того и керамика Полесья вовсе не была полностью аналогична днепровской. Груболепная посуда Полесья, то есть не чернолощенная, по своей профилировке, пропорциям и орнаменту совершенно не такая, как посуда со Среднего Поднепровья (Максимов с. 10 –11).

Однако самым важным является не то, что полесские памятники зарубинецкой культуры выделяются своим своеобразием, а то, что они имеют прямую генетическую связь с предыдущей культурой населения этих мест – милоградской. Подавляющее большинство зарубинецких поселений Полесья расположены либо непосредственно на милоградских поселениях, составляя там верхние слои, либо в непосредственной близости от них, часто являясь их территориальным продолжением (Очерки по археологии Белоруссии с. 154). Домостроение зарубинецкой культуры Полесья подобно домостроению милоградской (там же с. 155). «Сходство в устройстве сооружений милоградской и зарубинецкой культур может быть отмечено прежде всего в применении общих строительных приемов» (Мельниковская с. 41). Похожим также является погребальный обряд (ямные погребения с кремацией на стороне в милоградской культуре и ямные и урновые погребения, с преобладанием первых, при кремации на стороне, в зарубинецкой); тип серпа (Очерки с. 159) и, наконец, керамика. Известно, что керамика имеет очень большое значение для выяснения степени близости различных культур. Зарубинецкая керамика Полесья была чернолощенной и груболепной, причем первая, как мы отмечали выше, несомненно, результат кельтского влияния. «По обжигу, цвету, характеру примеси в тесте груболепная керамика сравнительно близка милоградской. Разница лишь в том, что милоградская круглодонная, а зарубинецкая плоскодонная», хотя плоскодонная посуда изредка встречается уже в милоградской культуре (Мельниковская с. 98). Аналогична милоградской и форма округлобоких горшков (Очерки по археологии Белоруссии с. 162). Орнамент на груболепной керамике также напоминает милоградский (там же). Состав теста и приемы обработки милоградской и зарубинецкой нелощенной керамики настолько сходны, что специалисты не всегда могут определить, к какой культуре относятся фрагменты сосуда (Мельниковская с. 96). Интересно, что пряслица зарубинецкое население изготавливало в форме сосудов (Очерки по археологии Белоруссии с. 163). Такой же обычай бытовал и у племен милоградской культуры (Мельниковская с. 117). Орнамент на пряслицах также аналогичен милоградскому (Очерки по археологии Белоруссии с. 163).

Таким образом, весь известный нам комплекс зарубинецкой культуры Полесья очень схож с комплексом милоградской культуры. Мы уже отмечали выше, что милоградская культура на Верхнем Днестре была ассимилирована зарубинецкой. Однако археологи не имеют никаких сведений о движении населения из Поднепровья в Полесье. Вспомним, что природные условия Полесья неблагоприятны для земледелия и при этом ухудшаются с востока на запад. Движение в этом направлении было, образно говоря, движением «против шерсти». Сама же зарубинецкая культура явно испытала сильное западное влияние, причем признаки этого влияния сильнее в Полесье, чем на Днестре, что вполне понятно. Однако это предполагает движение населения с запада на восток, а не наоборот. Латенские элементы, подобные тем, которые характеризуют зарубинецкую культуру Поднепровья (чернолощенная посуда, украшения, некоторые элементы погребального обряда) милоградское население Полесья восприняло непосредственно от племен позднепоморской культуры, следы пребывания которых на Волыни фиксируются археологами.

В этой связи вероятным является предположение, что милоградское население Полесья было ассимилировано поморской культурой. Однако в отношении такого варианта развития событий есть серьезные сомнения, так как поморские поселения вглубь Полесья не заходят (Очерки рис 49 с. 139). Милоградские поселения Полесья, как и последующей зарубинецкой культуры концентрируются преимущественно в районе нижнего течения Ствиги в ее междуречье с Припятью. Именно тут позднее возник центр славянского Турово-Пинского княжества – город Туров. Эти земли не так заболочены, как окружающие и представляют собой своеобразный остров среди припятских болот. Тут на площади в 20 кв. км. археологами было открыто 11 селищ милоградской культуры (Очерки с 139), на этой же территории было обнаружено 17 селищ и 7 могильников раннего этапа зарубинецкой культуры (Очерки с.154). Поселения зарубинецкой культуры находились непосредственно на поселениях

Рисунок 23.

милоградской, достаточно взглянуть на рис. 19 и 22, чтобы увидеть, что расположение милоградских памятников в Полесье во многом схоже с расположением тут зарубинецких памятников. Разница лишь в том, что последних больше и заметна тенденция их перемещения в бассейн Ствы. Именно этот путь впоследствии вывел отсюда растущее зарубинецкое население на Волынь и Приднестровье.

Следовательно, район, который занимала полесская группа зарубинецкой культуры, находился в глубине обширных болот, то есть был хорошо защищен самой природой. Этот район – уникальный для Восточной Европы природный изолят, который было легко защищать. Сомнительно, чтобы в условиях, когда критический коэффициент тут был высок, сюда могли прийти пришельцы извне.

Таким образом, наша реконструкция привела нас к милоградской культуре. Как мы отмечали выше, милоградская культура возникла на Волыни в конце бронзового века, то есть в VIII – VII вв. до н.э. В основном керамические материалы с милоградских памятников восточной Волыни относятся к раннему скифскому времени не позднее VI – V вв. до н.э. (Мельниковская с.112). При сравнении милоградской керамики с материалами смежных культур Верхнего Поднепровья сразу обращает на себя внимание резкое отличие ее от юхновской, смоленской, верхнеокской, среднебелорусской (там же). Совершенно иной характер связей прослеживается между керамикой милоградской культуры и предшествующими ей памятниками на смежных территориях с юго-запада и юга. С керамикой высоцкой культуры, памятники которой смыкаются с милоградской территориально и хронологически, милоградскую посуду объединяет ряд форм характерных как для поздних высоцких так и для ранних милоградских (Мельниковская с.114). Связи милоградской культуры с высоцкой прослеживаются также в формах металлических предметов (Мельниковская с.152). Милоградские и поздние высоцкие захоронения по обряду трупосожжения практически идентичны – безурновых в овальных ямках часто без инвентаря. На милоградских городищах найдены около 100 керамических фигурок животных. Они характерны для лужицкой культуры, но практически не встречаются в лесной полосе севернее Полесья. В них обнаруживается полное стилистическое сходство с подобными фигурками из лесостепи, сходство по цвету, размеру. В высоцкой культуре глиняные фигурки животных и птиц входят в погребальный инвентарь (Там же).

Выше я уже отмечал обычай милоградского населения изготавливать пряслица в форме сосудов, впоследствии унаследованный зарубинецким населением. Интересно, что пряслица иногда изготавливались в форме сосудов, которые относятся к более ранним периодам существования культуры. В Белоруссии найдены пряслица, изготовленные в форме сосудов, характерных для более ранних этапов милоградской культуры Волыни (Мельниковская с.117). Однако более важно, что найдены пряслица, точно копирующие формы и орнаментацию сосудов высоцкой культуры (Sulimirski.Tabl. XIII, 9; XVII, 1; XIX, 20) и сосудов лужицкой культуры (Захарук с.22, табл. 1, 4-7). Очень интересная деталь – только население нижнего течения р. Ствиги в зарубинецкое время сохранило древний обычай, известный еще в лужицкой и высоцкой культурах – класть в могилу маленькие копии обычных керамических сосудов (Очерки по археологии Белоруссии с.154).

Таким образом, милоградская культура возникла на Волыни в соседстве с высоцкой культурой, которая считается многими археологами группой лужицкой культуры (Археология УССР т.2 с.42). Сходные черты милоградской и лужицкой культур, как я отмечал выше, также наблюдаются. Это дает некоторые основания предположить, что проникновение носителей лужицкой культуры на Волынь привело к формированию тут милоградской культуры. Как мы отмечали выше, лужицкая культура была культурой исторической общности полей погребальных урн, которая возникла в Карпато-Дунайском бассейне. Южнее Карпат в ареал лужицкой культуры входила территория Чехии. Очевидно, что население, которое сформировало лужицкую культуру на территории Польши, восточной Германии и Волыни,

пришло на эти земли откуда-то с территории Чехии или прилегающих земель. Однако вспомним, что на этих землях найдены памятники культур шнуrowой керамики. Следовательно, вполне возможно, что носители каких-то языков, входивших в общность культур шнуrowой керамики, некоторой время существовали в северной части Карпато-Дунайского бассейна, в котором, как мы говорили выше, расселились представители иной группы индоевропейских языков, а именно предков италиков, кельтов, иллирийцев и венетов, создавшие впоследствии культурную общность полей погребальных урн.

Итак, сверим нашу реконструкция событий, построенную на археологических данных с данными лингвистики. Праславяне, входили в общность прагермано-балто-славянских языков, которые совместно создали культурно-историческую общность культур шнуrowой керамики. Бесспорно, что кроме известных нам языков, в эту же общность входили и другие, не дошедшие до нас языки. Предположительно, в эту же общность входили и пратохары. Однако эти последние осели в лесной зоне несколько изолированно от остальных культур, на правом берегу среднего Днепра и впоследствии мигрировали в лесную зону Восточной Европы. Остальные языки шнуrowой общности расселялись через Волынь и Приднестровье, что и определило их близость. Большинство языков этой общности расселилось в лесной зоне Восточной и Центральной Европы севернее Карпатской горной системы. Праславяне же, вероятно, пересекли ее, возможно через «моравские ворота», эти подлинные «ворота народов» и осели на территории Чехии и Словакии. Находясь в северной части Карпато-Дунайского бассейна, славяне испытали влияние итало-кельтских языков, чем и объясняются древние италийско-славянские изоглоссы.

Затем начались миграции славян на север. Они расселяются по огромным просторам Польши и Германии, формируя тут лужицкую культуру. Субстратом этой культуры была западнотшинецкая культура, носители которой, вероятно, говорили на западнобалтийской языке. Однако падение вследствие этого у славянского населения критического коэффициента дало возможность расселиться на этой же территории носителям поморской культуры. Ассимиляция славян была довершена последующими миграциями германцев с территории Скандинавии и Дании. Однако ранее этого часть праславянского населения проникла на Волынь и далее вглубь Полесья, сформировав тут милоградскую культуру. Как я отмечал выше, милоградская культура сильно отличалась от прочих культур лесной зоны Восточной Европы, но ее население имело тесный контакт с носителями культуры штрихованной керамики, предположительно западными балтами.

Интересно отметить, что одним из знаковых совместных балто-славянских слов является название железа. На основании этого лингвисты датируют балто-славянские контакты датой не позднее 500 г. до. н.э., то есть временем распространения железа в Восточной Европе. Заметим, что Полесье является крупнейшим в восточной Европе месторождением болотных железных руд. Руды залегают на небольшой глубине или выступают наружу по берегам рек. Содержание железа – от 40 до 70%. Руда очень легкоплавкая, железо из нее можно получить даже на костре. Милоградская культура выделяется среди других культур лесной зоны широким применением железа. На милоградских городищах в большом количестве найдены обломки горнов, шлак, крицы и т.п. Нельзя, разумеется, утверждать, что именно через милоградскую культуру балты познакомились с железом, но широкое для своего времени распространение железоделательного ремесла у милоградского населения могло быть фактором, способствовавшим заимствованию балтами от славян названия этого металла.

На Верхнем Днепре население милоградской культуры было ассимилировано зарубинецкой культурой, но в глубине Полесья славянский язык уцелел. Следовательно, славяне Полесья не имели контактов с ираноязычным населением, но, несомненно, тесно контактировали с западными балтами. Кроме того, славяне имели некоторые контакты с населением поморской культуры, предположительно восточногерманскими племенами, от которых восприняли некоторые обычаи, в частности производство чернолощеной посуды.

В I в. до н.э. маленький полесский резервуар заполняется, критический коэффициент возрастает. Славяне мигрируют на Волынь. Чуть позднее освобождается место на Среднем и Верхнем Приднестровье, откуда уходит часть носителей пшеворской культуры, о которых, с большой вероятностью можно сказать, что они говорили на каком-то восточногерманском языке. Славяне мигрируют в Приднестровье и воспринимают тут многие элементы пшеворской культуры и языка. Время тесных контактов славян с пшеворцами соответствует времени заимствования из восточногерманских языков. Но когда на Волынь приходят готы, их контакты со славянами были минимальны, поэтому следов этого соседства в обоих языках практически нет.

В III – IV вв. начинается массовое оседание на землю сарматов и возникает и распространяется черняховская культура. Славяне в это время занимали единую область вдоль верхнего и среднего Днестра и вдоль Сана вплоть до Вислы, что составляет примерно 500 км. Оседавшие в этом районе сарматы были источником иранских заимствований и отдельные группы (племена) славян, контактируя с сарматами, заимствовали различные слова. Кстати, довольно значительная растянутость славянского ареала с северо-запада на юго-восток соответствует выводам лингвистов о том, что наиболее ранние диалектные различия у славян были между западными и восточными частями ареала. До периода черняховской культуры славяне были изолированы от иранского населения лесостепи полесскими болотами, поэтому общих для всех славян иранских заимствований почти нет.

Таким образом, предложенная реконструкция ранней истории славян объединяет известные нам археологические и лингвистические факты. Кроме различных заимствований она объясняет и бездиалектность общеславянского языка. Изолированный природой резервуар в Полесье дал ему возможность уцелеть от ассимиляции. Собственно говоря, локализация места развития славянского языка в Полесье не нова. Уже довольно давно лингвисты пришли к таким же выводам (Vasmer s.118). «Можно предполагать, что общеславянские племена во второй половине I тыс. до н.э. занимали лесную равнинную территорию от верховьев Западного Буга до среднего течения Днепра» (Филин с.147). Это и есть ареал милоградской культуры.

Однако остается непонятным, как небольшая группа славян, вышедшая из полесских болот и осевшая в Приднестровье, могла превратиться в самый многочисленный в Европе народ, занимавший огромные территории. Далее мы попытаемся в этом разобраться.

6. Расселение славян.

Расселение славян должно предшествовать распаду единого славянского языка как минимум на сто лет. Следовательно, если лингвисты датируют распад славянского языка VII – VIII вв., то расселение славян должно было начаться приблизительно в VI в. н.э. Для этого времени, кроме довольно обширной археологической базы мы уже имеем письменные источники. В первую очередь это касается книги Иордана «О происхождении и деяниях гетов», выдержки из которой я приводил, когда писал о переселении готов из Скандинавии в Польшу и о последующем их движении на юго-восток.

Эта книга представляет собой неумелую и путаную компиляцию из произведений более ранних авторов и народных преданий, но ничего лучшего в нашем распоряжении нет. Кроме книги Иордана мы можем воспользоваться книгой о войне с готами Прокопия из Кесарии.

Именно у этих авторов мы находим первые сведения о собственно славянах. Рассмотрим их подробнее. Иордан пишет, что к северу от Карпатских гор «начиная от места рождения реки Вистулы (Вислы), на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венедов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они зовутся склавенами и антами. Склавены живут от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским до Данастра и на север до Висклы (т.е. Вислы)... Анты же – сильнейшее из обоих племен распространяется от Данастра до Данапра... (Get. 34,35). Со склавенами все более или менее понятно. Это, несомненно, славяне. Интересно, что этноним «склавены» встречается не только у Иордана. Раннесредневековые авторы называют славян скалавами или скловенами. На востоке в это же время славян называли сакалаб или сакалиба. Встречается в раннесредневековых источниках и этноним «стлавены». Но в более позднее время славян называли только «славяне». Можно объяснить эти факты тем, что самоназвание славян восходит к слову «человек». Самоназвание от слов люди или человек встречается очень часто. Такое предположение высказывалось давно (Артамонов, 17). Переход ч в к, а к в с – обычное явление в фонетике. Возможно, что сочетанием «ск» или «ст» передавался звук ч, которого не было в языке авторов сохранившихся свидетельств.

Вместе со славянами упоминаются анты и венеды. По поводу этих этнических имен написано очень много, попробуем разобраться в этой проблеме и мы. О венедрах сообщают и другие авторы. В Певтингеровых таблицах, представляющих из себя список народов, через земли которых проходили дороги, венеды упоминаются дважды вместе с карпатскими бастарнами, гетами и даками, из чего следует, что венеды жили где-то возле Карпат. Плиний Старший также пишет о венедрах как о народе, жившем в районе с востока ограниченном Вислой. Из данных Тацита также можно предположить, что венеды жили на восток и север от Карпат. Птолемей сообщает о том, что венеды живут вдоль Венедского залива, под которым понимается Балтийское море, или часть его. Таким образом, венеды локализируются на территории Польши, причем большинство авторов помещает их севернее или восточнее Карпат.

На основании главным образом сочинения Иордана ранних славян отождествляют с венедрами. Следует заметить, что при всем желании из этой цитаты нельзя убедительно вывести, столь распространенный тезис о том, что Иордан писал о членении славян на три народа – венедов, антов и склавлен. Мне кажется, что Иордан достаточно определенно пишет о венедрах как о народе, **из которого** произошли многие новые народы, но преимущественно склавены и анты. В последнем предложении Иордан совершенно ясно пишет о двух, но никак не о трех народах. Впрочем, далее он, когда речь заходит о походе Германариха против венедов, вновь поясняет, что венеды «...происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венедов, антов и склавленов.» (119). Таким образом, Иордан сам себе противоречит в двух разных местах своего труда, хотя следует заметить, что второй раз он пишет о венедрах вскользь, ссылаясь на более раннее и подробное объяснение местонахождения и родственных связей этих народов.

Возможно, представление о том, что Иордан писал о тройственном членении славян получило такое распространение потому, что это совпадает с языковым членением славян на западных, южных и восточных. Однако в то время когда писал Иордан (первая половина VI в.), по практически единодушному мнению лингвистов, тройственного языкового членения славян еще не было. Этническое имя венеды многие исследователи относят к кельтам или иллирийцам. Славяне так себя никогда не называли. Все попытки этимологизировать слово венеды на славянской языковой основе нельзя признать убедительными (Филин с.52).

Племена с таким названием были известны на побережье Адриатики и в долине По.

От названия этого народа происходит название города Венеция и итальянской провинции Венето. Венетский язык известен по нескольким надписям и был родственен кельтскому, иллирийскому и италийскому языкам (Красновская. с. 29-34, 46-52). Кроме того, этноним венеты был известен на северо-западе Галлии, о чем сообщает Юлий Цезарь (Caes. Bell.Gal. III, 8-16). Мы уже говорили выше о том, что кельты (галлы) расселились по Европе из бассейна Дуная. Таким образом, этноним венеды или венеты был характерен для народов Карпато-Дунайского бассейна.

Я уже писал выше о том, что археологи и лингвисты отмечают сильное влияние кельтов и их языка на германские народы континентальной Европы. Присутствие кельтов на юге Польши с III века до н.э. фиксируют археологи. (Кухаренко 1969 с.101). В Южной Польше обнаружена также топонимия, несомненно, кельтского происхождения, (Трубачев 1991 с.42). Кроме того, гидронимы западнобалканского происхождения, обнаружены как в северной, так и южной Польше (Milewsky, s.37-86).

Примерно к началу нашей эры кельты на юге Польши были ассимилированы пшеворцами (Кухаренко 1969 с.104). Влияние кельтской культуры на пшеворскую, несомненно. О многих заимствованиях носителями пшеворской культуры у кельтов (посуда, фибулы, украшения) я писал выше. Мы ничего не можем сказать о влиянии кельтов на язык пшеворцев, но в готском языке, который занимал северную Польшу, довольно много кельтских заимствований. Можно предположить, что в языке пшеворского населения, которое непосредственно контактировало с кельтами, их было еще больше. Даже само название пшеворских племен, о котором пишет Тацит, лугии, несомненно, кельтского происхождения. Луг – это бог солнца у кельтов. Например, город Лугдун (совр. Лион), это, собственно, город Луга или Лугоград.

Вполне возможно, как это часто бывало в древности, что имя прежних обитателей данной местности было перенесено на новое население. То есть можно предположить, что, по крайней мере, часть южных племен пшеворцев могла получить среди германских народов имя венеды. Впоследствии, когда пшеворцы переселились на Волынь и Приднестровье, это имя было как-то связано с ассимилировавшими их славянами. Это объясняет тот факт, что Иордан, который пользовался готскими источниками, считает венедов славянами, в то время как византиец Прокопий из Кесарии, писавший в это же время о славянах, ничего о венедах не пишет. Венедами могли называть пшеворцев, а впоследствии и славян, готы. Именно поэтому это имя закрепилось в немецком языке за западными славянами в форме «венды», а от них попало к эстам и карелам в форме «вене». Однако поскольку сами славяне себя так никогда не называли, так же как и прочие соседи славян, у других народов такое название славян неизвестно.

Как мне кажется, перенос этнонима венеды с кельтов сперва на пшеворцев, а затем с них на славян подтверждается интересным фактом – у пшеворского населения существовал обычай не просто хоронить мужчин с оружием, но и ритуально его перед этим ломать, или сгибать. Причем этот обычай в более раннее время археологи фиксируют у кельтов (Kostrzewski s.228), а возник он еще в конце VI – V в. до н.э. (Монгайт с 186). Лингвисты допускают, что именно с этой традицией связана славянская группа слов «гибель», «погибать» (Трубачев 1991 с.42). Возможно, что так произошло переосмысление славянами кельтского обычая через германское посредничество.

Еще одним примеров кельтского влияния на славян посредством германского языка является слово «тын», которое принадлежало общеславянскому языку. Это слово лингвисты считают производным от кельтского *dup* в значении «частокол», «ограда».

Это слово было составной частью кельтских названий многих городов, например, упоминавшиеся выше Новиедун, то есть Новый город и Лугдун. Однако то, что в славянский это слово попало в форме «тын» свидетельствует о его заимствовании из какого-то германского языка с типичным для германцев оглушением «д» в «т» (Филин с.136).

Таким образом, есть серьезные основания полагать, что славяне в начале нашей эры имели довольно тесные контакты с восточными германцами, подвергшимися сильному кельтскому влиянию. Следовательно, этническое имя венеды вполне могло быть перенесено на часть пшеворского населения, а затем на славян, ассимилировавших этих германцев в Приднестровье. Именно поэтому у готов и сложилось впечатление, которое передает Иордан, что славяне происходят от венедов.

Второе племенное славянское имя, которое называет Иордан – анты. Нет никаких сомнений в том, что Иордан считает антов славянами, так же, как и в том, что отождествление антов с носителями пеньковской культуры справедливо. В пользу этого неопровержимо свидетельствуют хронология и место находок пеньковских древностей - от Днестра до Дуная, как пишет Иордан. Кроме того, славян и антов считает одним народом и Прокопий, прямо указывая, что язык у них один. (III – VII 14,26). Однако, заметим, что, несмотря на наличие единого языка, Прокопий четко отделяет антов от склавинов. Прокопий пишет о проживании славян и антов на левом берегу Дуная (I – V, 27,2). Между антами и склавиновыми возникают войны. Анты – ближайшие соседи склавинов (III – IV , 40,5). Это подтверждается находками смешанных пеньковских и пражских древностей в Подунавье. Именно на основании этих фактов многие ученые считают антов, то есть пеньковцев, славянами.

Однако, как мы уже отмечали выше согласно критерию бездиалектности **любая археологическая культура, синхронная пражской, не может быть славянской**. Это совершенно очевидно следует из вывода лингвистов о том, что распад славянского языка произошел не ранее VII – VIII в. н.э., в то время как пражская культура возникла в V в. Почему же письменные источники считают антов славянами?

Пеньковская культура определенно не похожа на пражскую. «Это проявляется в характере домостроительства, составе украшений и в керамическом комплексе. Пеньковская и корчакская (т.е. пражская – А.А.) посуда совершенно не похожи одна на другую» (Русанова с.100). Мы отмечали выше, что пеньковская культура, по мнению археологов, сформировалась на основе киевской, которая, как мы выяснили, была культурой западных балтов. Чрезвычайно важно, что лингвисты обнаружили западнобалтийские заимствования, имеющиеся только в болгарском языке и которых нет в других славянских языках. Следовательно, предки болгар имели когда-то тесные контакты с западными балтами, уже после того, как выделились из общеславянской общности. Кроме того, на Балканах обнаружены спорадические западнобалтийские топонимы. (Duridanov 1968,1969 (a)).

Переселение славян на Балканы происходило именно из районов правобережья нижнего Дуная, где найдены пеньковские и пражско-корчакские памятники и о которых письменные источники сообщают как о месте совместного проживания антов и славян. Кроме того, как уже отмечалось выше, балтийские гидронимы в бассейне Роси и Южного Буга, то есть в ареале пеньковской культуры, могут быть объяснены только балтийской атрибуцией пеньковцев. Для любой другой, из ближайших предшествующих культур, такая атрибуция исключена. Все эти факты дают достаточные основания для вывода о том, что анты-пеньковцы говорили на западнобалтийском языке.

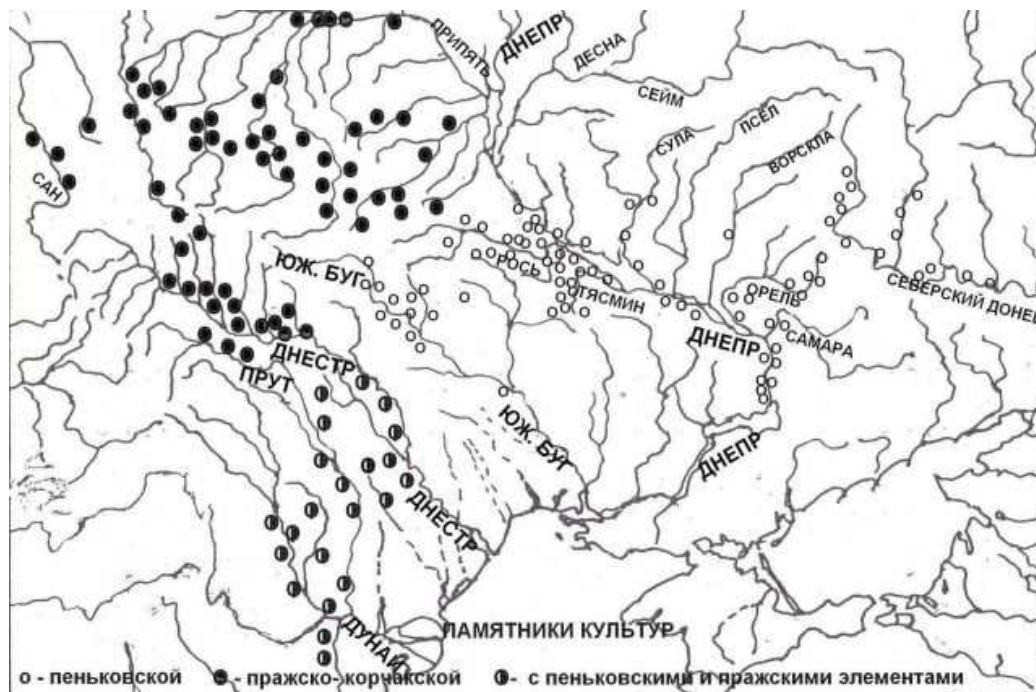
Расселение пеньковцев на юго-запад от Среднего Поднепровья, на Южный Буг и далее на территорию Молдавии и Румынии можно объяснить депопуляцией этих районов в результате гуннских и готских войн. Это переселение в свою очередь способствовало продвижению в Среднее Приднепровье населения пражской культуры. «...Распространение культуры типа Корчак и Луки Райковецкой (т.е. пражской культуры на разных этапах – А.А.) в пеньковском ареале, несомненно, связано с продвижением населения с севера... Это движение началось, вероятно, в начале VI в. » (Русанова с.100). Со временем черты пеньковской культуры исчезают, и на памятниках пеньковского ареала господствует керамика последующего этапа пражской культуры (типа Луки Райковецкой) и славянский тип жилищ (полужемлянки с печами- каменками) (там же).

Таким образом, археологические памятники рисуют картину ассимиляции пеньковцев славянами. Возникает культура смешанного типа, носители которой говорят на одном языке, но отличаются друг от друга особенностями речи, традициями, например, одеждой и т.п., что позволяло отличать антов от славян. Именно ассимиляцией пеньковского населения славянами объясняется внезапное исчезновение племенного имени антов уже через полвека после написания Иорданом своего труда.

Кроме того, лингвисты утверждают, что западнобалтийские языки наиболее близки к славянскому. Пеньковцы же, судя по всему, говорили на каком-то западнобалтийском языке, причем мы знаем из этой подгруппы только прусский язык, язык же пеньковцев, учитывая географическое положение, мог быть еще ближе к славянскому. Для византийцев близкие друг другу языки антов и славян, могли показаться диалектами одного языка, тем более что в это время ассимиляция антов славянами уже началась.

Этноним «анты» не является ни славянским, ни балтийским. Вероятнее всего, племенное название «анты», как полагают многие исследователи, производится от древнеиндийского слова *antas* (интересная деталь, вновь подтверждающая, что скифосарматские языки занимали среднее положение между иранскими и индийскими), имеющее значение «конец», «край» (Филин с.60). В этом случае племенное имя анты означает «живущие на краю». Такое название вполне возможно и находит многочисленные этнографические аналогии. По стечению обстоятельств сегодняшние жители этих мест (украинцы) имеют самоназвание, образованное по тому

Рисунок 24

же принципу. Ареал пеньковской культуры расположен именно по краю степи и вполне вероятно то, что так называли жителей лесостепи ираноязычные кочевники. Иордан упоминает еще один этноним в Северном Причерноморье, имеющий отношение к нашему исследованию. Как я отмечал выше, Иордан

сообщает, что, попав в землю Ойум, готы вступают в бой с племенем спалов и побеждают (Get, 27), после чего движутся в крайнюю часть Скифии. Кто были эти спалы, неизвестно.

Однако поскольку происходило это, вероятно, в первой половине III в.н.э. готы могли встретиться в этом районе со славянами, с носителями киевской культуры и с сарматами. Прокопий пишет о спорах – как об имени, которое раньше имели склавены и анты. (Bell. Goth. III, 14.19). О спалей сообщает Плиний (Plin. VI, 22) который относил расселение это племени к Танаису. В древности Танаисом называли Северский Донец и нижнее течение Дона.

Вряд ли спалы – это одно из сарматских племен. Античные авторы были неплохо осведомлены о сарматах и упомянули бы об этом. Наверняка спалы – это не славяне, потому что в русском языке сохранилось слово исполин. Как я уже говорил, называть великанов именем враждебного народа – явление довольно распространенное. Скорее всего, спалы – это название какой-то группы населения киевской культуры, которая имела контакты с зубрицкой культурой, ведь киевская культура была распространена от Волыни до Северского Донца.

Таким образом, наиболее ранние письменные источники о славянах не опровергают тезиса о бездиалектности славянского языка и, следовательно, единой славянской культуре V – VI вв. Вместе с тем именно к началу VI вв. относятся письменные сведения о расселении славян. Прокопий сообщает, что анты впервые напали на Империю в начале правления императора Юстина I (518-527 гг.). (Proc. B.G. III, 40,5). Славяне впервые вторгаются на территорию Империи позднее, в 545 г. (Proc. B.G. III, 13, 24-24). Эти даты соответствуют выводам лингвистов о времени распада единого славянского языка.

Расселение славян завершило великое переселение народов. Важно отметить, что в этот период, то есть с начала V вв. в Центральной и Восточной Европе наблюдался самый настоящий регресс. Для черняховской и пшеворской культур были характерны развитое гончарное дело, металлургия, в захоронениях найдено большое количество фибул, пряжки, подвески, ожерелья, изделия из стекла. В захоронениях пшеворской культуры, кроме этого найдено много оружия, мечи, копья, шпоры, умбоны от щитов. Многие из этих вещей найдены и на поселениях.

Количество гончарной сероглиняной посуды в конце IV – начале V вв. по сравнению с III – IV вв. постепенно уменьшается и к VI в. ее производство полностью прекращается, исчезают также большие металлургические центры со многими тысячами горнов одноразовой плавки. Вместо них найдены группы из нескольких таких горнов либо одиночные горны. Из археологических находок исчезают наральники. Резко сокращается количество металлических вещей, почти нет украшений. Характерно, что наиболее ранние славянские захоронения существенно беднее предшествующих захоронений на этой же территории, которые принадлежали черняховской и пшеворской культурам. В захоронениях находят только керамику и то далеко не всегда, каких-либо вещей практически нет.

Этот период во многих районах Центральной и Восточной Европы характеризуется сильнейшей депопуляцией. Мы уже говорили о том, что примерно к V в. н.э. территория Польши в результате экс-центральных миграций носителей пшеворской и вельбарской культур (восточногерманских племен) практически полностью запустела. Из Причерноморских степей на территорию Венгрии во главе с гуннами также ушла значительная часть населения. Кроме того, в результате набегов готов, гуннов и других народов, Балканы были опустошены.

Согласно третьему закону резервуара депопуляция и должна сопровождаться регрессом. Дело не в специфике пражской культуры, примитивной и бедной, а в объективных законах развития. По мере накопления плотности населения последующая стадия развития пражской культуры, культура типа Луки Райковецкой, характеризуется гончарной керамикой, многочисленными находками металлических изделий, украшений и импортных вещей.

Следовательно, расселение славян на огромных территориях было возможно только потому, что эти территории запустели. Посмотрим, как это было. Ранее всего славяне из Приднестровья начали заселять Воынь, опустевшую после ухода отсюда готов в IV в. Затем славянские поселения появляются в Полесье. К тому времени носители балтских культур – сперва киевской, а затем генетически связанной с ней колочинской культуры сильно продвинулись на юго-запад южнее Припяти, на Воынь и южное Полесье. Тут, кроме древних славянских гидронимов обнаружен большой массив балтских гидронимов (Трубачев 1968 с.272-273, карта 11). Интересно, что названия левых притоков Припяти повторяются на ее правом берегу. Подсчитано, что всего повторяются 16 названий, причем все эти названия балтийские. Разумеется, это не может быть случайностью (Седов 1963 с.123,124). Объяснение этому найдено уже давно – балты с левого, северного берега Припяти пришли на правый берег, оставленный славянами, и принесли с собой привычные им названия рек (Рыбаков 1979 с.190).

Переселение балтов на юг от Припяти, зафиксированное в гидронимах, соответствует памятникам колочинского типа. Они обнаружены в бассейне Тетерева, Ужа и на Случи, притоке Горыни (Русанова с.39). Именно в этом районе фиксируются балтийские гидронимы.

Вероятно, славяне находились под воздействием большего критического коэффициента, чем балты, так как им удалось вновь занять свои исконные земли. Археологические данные позволяют увидеть этот процесс. На одном из поселений пражской культуры северного Полесья, в окрестностях которого нет выходов камня, в наиболее раннем жилище печь сложена из обожженных глиняных вальков, имитирующих камни. По конструкции печь такая же, как ранние печи - каменки в более южных районах Приднестровья, где камня достаточно. Следовательно, первоначально пришельцы с юга, то есть славяне, пытались делать печи, так как это делают у них на родине и только впоследствии научились делать глинобитные печи. (Русанова с.25). Отношения с балтами не были мирными, поэтому в Полесье возникает одно из немногих городищ пражской культуры – Хотомель.

На востоке, как я уже отмечал выше, славяне, благодаря тому, что часть пеньковцев-антов мигрировала на юго-запад, смогли вселиться в ареал их культуры, а впоследствии полностью их ассимилировать. Миграции антов, а вслед за ними и славян на Балканы также происходили в условиях депопуляции этих мест вследствие набегов варварских народов. Исследователи давно обратили внимание на то, что славянские топонимы на Балканах и в Греции более всего распространены в горных районах. (Georgacas S 77). Это свидетельствует о том, что славяне первоначально заселяли горные районы, поскольку они были оставлены жителями. Как следует из многочисленных примеров, в условиях уменьшения количества населения сильнее всего пустеют наиболее неудобные для жизни районы.

В Чехию, Словакию и Венгрию славяне проникают не ранее VI в. н.э. Основная масса славян приходит сюда после ухода отсюда в Италию лангобардов в 568 г., хотя не исключено, что отдельные группы славян начали проникать сюда раньше (Русанова с.115 и сл). Таким образом, вновь проявляется принцип, который мы наблюдаем практически повсеместно: переселение славян осуществлялось на земли, из которых перед этим произошли массовые миграции населения.

Древнейшие славянские памятники между Одером и Заале относятся к концу VI – началу VII в. Также, как и во многих других местах, славяне заняли тут почти пустую территорию, которую перед их приходом покинули германцы.

Германские поселения V – VI вв. на этой территории немногочисленны, а к VII в. становятся единичными (Русанова с.137). Об ассимиляции славянами остатков германского населения свидетельствуют особенности материальной культуры и языка славян междуречья Одера и Заале. Как полагает большинство исследователей, продвижение славян на эту территорию происходило с юга из Чехии по течению Эльбы. Об этом свидетельствует близость элементов культуры (керамика, домостроение, погребальный обряд) и наличие общих топонимов (Русанова с.142).

Не совсем понятно, когда и как пришли славяне на территорию Польши. Как я уже отмечал выше, эта территория рассматривается некоторыми исследователями как центр расселения славян. Однако несомненно, что территория Польши перед приходом сюда славян и балтов была практически пуста. Даже тогда, когда тут расселились славяне, плотность их населения, по подсчетам археологов составляла лишь 15% от плотности населения предшествующей пшеворской культуры (Godlowsky S 99). Вероятно, именно миграции славян с запада Украины привели к высокой концентрации гаплогруппы R1a на территории Польши. Интересно, что лингвисты обнаружили во всех языках западнославянской подгруппы, кроме лужицкого, иранские заимствования (Трубачев 1967). Присутствие ираноязычных народов на территории Польши и Чехии не фиксируется ни археологически, ни лингвистически (т.е. на основании топонимов). Следовательно, иранские заимствования на эти земли могли быть принесены только миграциями славян с востока из Приднестровья.

Следует отметить, что до недавнего времени многие исследователи относили памятники суковско-дзедзицкой культуры к памятникам пражского типа. (Русанова с. 152). Такое смешение, вероятно, объясняется тем, что о балтах в бассейне Вислы и в ее междуречье с Эльбой письменные источники ничего не сообщают, хотя балтские гидронимы, как говорилось выше, тут обнаружены. Славяне расселились на запад, вероятно из бассейна Сана, где обнаружены поселения зубрицкой культуры. Вероятно, диалект именно этой группы славян стал основой формирования языков западных славян. Как и везде, славянские миграции направлялись на незаселенные территории, поэтому славяне двигались не на север, в бассейн Вислы, который заняли балты, а вдоль Карпатской горной системы на запад и потом, через Моравские ворота, на территорию Чехии, Словакии, Венгрии. По течению Эльбы, славяне, как уже отмечалось выше, проникли на Средний Одер в его междуречье с Заале.

Ассимиляция славянами балтов, носителей суковско-дзедзицкой культуры началось только в VII – VIII вв., когда на ее территории появляется славянская керамика и квадратные в плане полуземлянки с печами – каменками или глинобитными печами (Баран 1988 с.78-79). Значительную роль в этой ассимиляции сыграли, вероятно, миграции славян со Среднего Дуная, влияние которых отмечают археологи в культуре Польши (Русанова с 173). Эта ассимиляция не была мирной, о чем свидетельствует появление укрепленных поселений, таких как, например Шелиги.

На всех территориях, где найдены памятники пражской культуры, довольно быстро возникали новые культуры, при несомненной связи с ней имеющие существенные отличия. Только на территории Северо-Западной Украины сохраняется преемственность пражской культуры. Тут эта культура впервые была открыта и получила тогда название культуры типа Корчак. Она просуществовала неизменной в течение VI – VII вв. и плавно эволюционировала в культуру VIII – IX в. типа Луки Райковецкой. «Близость этих памятников настолько велика, что их следовало бы рассматривать как два периода одной и той же культуры.

Памятники типа Луки Райковецкой постепенно распространялись к югу, северу и востоку от корчакской территории. На других территориях славянские культуры сильно отличаются от культуры Луки Райковецкой» (Русанова с.12). Вероятнее всего, что столь разная эволюция пражской культуры в разных регионах ее распространения обусловлена тем, что на северо-западной Украине не было субстратного населения, то есть именно этот район и был местом возникновения пражской культуры.

Итак, расселение славян с Волыни и Приднестровья на запад, восток и юг происходило после массовых миграций, так называемого Великого переселения народов, в результате которого эти территории были сильно опустошены. Выше мы подробно рассмотрели ситуацию в лесной зоне Восточной Европы и выяснили, что следствием Великого переселения стали вторичные миграции населения этого большого региона общим результирующим вектором на запад. В результате этих миграций критический коэффициент в лесной зоне Восточной Европы не мог не упасть. В частности, балты ушли из междуречья Верхней Волги и Оки. Отлив балтов отсюда на запад начался в VI – VII вв., а в VIII в. этот регион был почти полностью покинут жителями. (Дьяковская культура).

Характерно, что население лесной зоны Восточной Европы примерно с VII в. перестает пользоваться укрепленными городищами и живет в открытых селищах. Таким образом, в лесной зоне Восточной Европы севернее линии Припять – Сейм в результате миграций населения на запад сильно упал критический коэффициент. Именно к этому времени относится начало расселения тут славян.

Расселение славян на больших территориях привело к нарушению контактов между отдельными племенами. Вследствие этого начинается формирование диалектных различий. Это всегда происходит в форме инноваций, которые охватывают не весь ареал языка, а его отдельные области. Начиная с VI – VII вв. одна группа таких инноваций охватывает только южные и восточные районы славянского населения. Другая группа инноваций охватывала только западные и восточные районы расселения славян. Инноваций же, которые охватывали бы только южных и западных славян, нет (Филин с. 221-222). Вместе с тем только к VIII – IX вв. относятся инновации, которые свойственны лишь восточнославянскому языку (Филин с.275).

Такое развитие славянских языков возможно лишь в том случае, если центр миграций славян находился в восточной части их ареала. Именно тут возникали инновации, которые потом распространялись мигрантами либо на юг, либо на запад, связывая, таким образом, восточнославянские языки либо с южнославянскими, либо с западнославянскими. Восточная часть ареала пражской культуры – это территория северо-западной Украины, то есть Волынь и Верхнее и Среднее Приднестровье. На правобережье Днепра славяне вышли позднее, ассимилировав тут, как отмечалось выше, носителей пеньковской культуры.

В результате исходящих миграций Волынь и Приднестровье потеряли почти все свое население к VIII в. В это время тут было заброшено Зимнинское городище, почти не осталось селищ. Центром формирования собственно восточнославянского языка становится Среднее Поднепровье. Именно оно послужило донором миграций, в результате которых славяне ассимилировали население многих районов Восточной Европы. Именно из Среднего Поднепровья славяне вновь заселили опустевшие Волынь и Приднестровье, которые, таким образом, оказались в зоне восточнославянских диалектов. Произошло это не ранее конца IX в. (Насонов с. 138), то есть тогда, когда восточнославянский язык уже сформировался.

Миграциям славян в лесную зону Восточной Европы предшествовали важные события в степи. После ухода на запад сарматов, готов и прочих народов, составлявших население черняховской культуры, в опустевшие причерноморские степи с востока приходят тюрки. Они говорили на языках булгарской или болгарской языковой группы. Закавказские и византийские хроники называют в это время в степи целый ряд племен: акациры, барсилы, сарагуры, уроги, савиры, авары, утигуры, кутургуры, болгары, хазары. Изобилие племенных названий вовсе не означает такое же изобилие языков или диалектов. Вследствие высокого критического коэффициента в степи постоянно происходили конфликты между разными группами населения, которые, то распадались, то объединялись. Арабский путешественник Ибн-Хаукаль, например, сообщает об идентичности хазарского и болгарского языков (Ибн-Хаукаль с 396). Кроме тюрков, в причерноморских степях жили и остатки ираноязычного населения – аланы или асы.

VI в. характеризуется постоянными войнами кочевых народов между собой и их набегами на земледельческое население о чем сообщают византийские и персидские источники. Во второй половине этого века в азийских степях возник тюркский каганат, который начал походы за Волгу, в Закавказье. В первой половине VII в. каганат распался, но междоусобицы среди степного населения продолжались. Все эти факты свидетельствуют о нарастании критического коэффициента у населения степей. Наконец, начинается оседание кочевников на землю. Часть болгар во главе с Аспарухом мигрировала на запад и осела южнее Дуная, основав тут Дунайскую Болгарию. Основная же часть кочевого населения осела в междуречье Днепра и Волги.

Осевшие на землю кочевники образовали салтово-маяцкую культуру. Исследуя памятники этой культуры, археологи обнаружили, что на лесных участках верховий Северского Донца, Оскола и Дона население обычно хоронило умерших в катакомбных могилах с большим количеством личных вещей и оружия. Кроме того, большинство населения тут было долихокранным, то есть длинноголовым. Судя по погребальному обряду и антропологическому составу это население было потомками алан, населявших степи в предшествующий период. Точно такого же типа захоронения долихокранного населения найдены археологами на Северном Кавказе, то есть там, где аланский (осетинский) язык дожил до наших дней.

Кроме того, в этих же районах лесостепи найдены захоронения совсем другого типа: в ямах с небольшим количеством инвентаря. Умершие, захороненные в этих могилах, принадлежали к брахикранному, то есть короткоголовому типу. Могильники этого типа расположены отдельно от могильников с катакомбными захоронениями. Основной массив захоронений в ямах располагался южнее, в нижнем течении степных рек – Дона, Донца, на Таманском и Керченском полуостровах и в горном Крыму (Плетнева 1986 с 41-46).

Благодаря исследованиям археологов мы можем реконструировать события, имевшие место в степи во второй половине I тыс. н.э. Первыми в лесостепных районах осели аланы, которые жили в степи до прихода сюда тюрков. Поэтому они заняли наиболее удобные для земледелия лесные земли на Северном Кавказе и в верховьях Донца и Дона. Затем начали переходить к земледелию болгары. Часть из них подселилась к аланам в лесостепи, но критический коэффициент тут был слишком высок и поэтому болгары оседают в долинах крупных рек степи, там, где можно заниматься лиманным земледелием и рыболовством. Часть болгар уходит в Дунайскую Болгарию, где найдены памятники салтово-маяцкой культуры, часть поселяются возле Керченского пролива с его рыбными богатствами и торговыми возможностями,

часть оседают в лесных районах Крыма. Опустевшие степи занимают родственные болгарам хазары, до этого жившие на территории Дагестана (Плетнева 1986 с 21).

Население салтово-маяцкой культуры было объединено в Хазарский каганат со столицей Итиль в дельте Волги. Интересно отметить, что в сохранившемся письме кагана придворному кордовского халифа Хасдаю, сообщается, что поскольку дождей в Хазарии выпадает мало, поля орошаются водой из рек (Коковцев с. 99). Никаких следов оросительных систем в Волго-Донских степях нет, поэтому, очевидно, что речь идет о пойменном земледелии.

Почти одновременно с салтово-маяцкой культурой, хотя, вероятно, несколько ранее возникает волынцевская культура, которая датируется VII – VIII вв. (117, с. 55-57]. Большинство памятников этой культуры расположено на среднем течении Десны, правобережье Среднего Днепра и в Посеймье, а также в верхнем и среднем течении рек Сулы, Псла, Ворсклы. Волынцевская керамика не находит ни прототипов, ни аналогий среди славянской керамики второй половины I тыс. н.э. (Седов 1982 с.137). Ближайшие аналогии ей обнаруживаются в салтовской посуде. (Плетнева 1967 с.103-134). Подобно салтовскому было и волынцевское домостроительство, отличался только похоронный обряд. Все памятники волынцевской культуры находятся в зоне иранских гидронимов Верхнего Днепра, поэтому, вероятно, кочевое ираноязычное население, прежде чем осесть в верховьях Донца и Дона, оседало севернее, на Сейме и Десне.

Чуть позднее возникновения волынцевской культуры примерно на той же территории возникает роменская культура. Как полагают археологи, лепная роменская керамика «обнаруживает несомненную близость с посудой Правобережья Днепра, относящейся к типу Луки Райковецкой. Несмотря на этнографические особенности роменских памятников в их создании, несомненно, принимали участие правобережные славянские группировки» (Румянцева с.60-61). Отметим, что волынцевское население селилось в неукрепленных селищах (Археология УССР т.3 с.195), следовательно, критический коэффициент тут оставался низким, что и позволило мигрировать сюда славянам. Волынцевское население проживало на этой территории совместно со славянами, о чем свидетельствуют некоторые находки археологов (Горюнов 1975 с.9).

Лингвисты полагают, что характер иранских гидронимов в бассейне Верхнего Днепра позволяет утверждать, что славяне восприняли эти гидронимы непосредственно от ираноязычного населения, следовательно, оба эти народа здесь когда-то сосуществовали (Топоров, Трубаев с. 244). Этот факт, а также связи этой культуры с салтово-маяцкой позволяют предположить, что она была создана ираноязычными племенами.

Именно контактами с ираноязычным населением некоторые исследователи объясняют название славянского племени северян, известного позднее по летописям в этих местах. Племенное название северян по происхождению явно не славянское и связывается с иранским «сев», что означает «черный». В этой связи интересно, что в этом регионе есть реки с названиями Сев, Сава, иранское происхождение которых бесспорно (Седов 1982 с.138). Контакты славян с иранцами не ограничивались Левобережьем, так как волынцевские памятники найдены и на Правобережье Среднего Днепра, то есть там, где возник восточнославянский язык. Весьма возможно, что именно эти контакты привели к иранским заимствованиям в восточнославянском языке, количество которых значительно больше, чем в общеславянском или в языках западных и южных славян. В таком случае носители волынцевской культуры говорили на сарматском, а не аланском языке, поскольку в этих заимствованиях имеется индийский элемент, о чем мы говорили выше.

Таким образом, славяне начинают проникать в лесную зону Восточной Европы севернее линии Припять – Сейм не ранее VIII в., то есть тогда, когда формируется восточнославянский язык. Историки давно заметили, что в письменных восточнославянских источниках район Среднего Поднепровья противопоставляется другим восточнославянским землям как «Русская земля» (Насонов). Это доказывает, что именно Среднее Поднепровье было центром миграций восточных славян и именно здесь сформировался восточнославянский язык.

Как полагают и лингвисты (Топоров, Трубачев с.244), и археологи (Седов 1982 с. 116), основной поток славянской колонизации направлялся на север по течению Днепра, причем раньше всего были освоены области на восток от Днепра. Тут доля балтийских названий существенно ниже. Области западнее Днепра осваивались славянами медленнее. Наиболее ранние курганы славян на север от Припяти датируются IX в. (Седов 1982 с. 116). Поэтому балтийское население просуществовало тут дольше, результатом чего явилось большое количество балтийских названий в бассейне Березины. Район на северо-запад от Припятского Полесья сохранил западнобалтийское население вплоть до XIII в. Тут источники фиксируют ятвягов, которые занимали Сувалкию, Верхнее Понеманье, Подляшье и Берестейскую волость. Эти сведения средневековых источников, подтверждаются гидронимией, содержащей этноним «ятвяги», на всей территории, которой найдены погребальные памятники, не имеющие аналогий ни в славянских, ни в восточнобалтийских древностях (Седов 1982 с. 119).

Таким образом, в результате первой волны миграций на север славяне ассимилировали население Днепровского бассейна, кроме отдельных районов в его западной части. Кроме того, славянизированы были Верхнее Подвинье, Приильмень и бассейн Великой, и частично бассейн Верхней Оки. В междуречье Волги и Оки миграция славян началась на рубеже IX и X вв. с северо-запада по рекам Мсте, Мологе и Волге и далее по правым притокам Волги и левым Клязьмы. По археологическим данным кроме новгородских словен сюда переселялись весь и смоленские кривичи. Несколько позднее с конца X -начала XI в с юго-запада и юга по Оке и вверх по ее левым притокам расселялись вятичи. (Кучкин с 55). Впрочем, эти миграции были очень немногочисленными и только в XI – XII вв. они стали интенсивнее (Горюнова с. 205). Однако основная масса нового населения пришла в Волго-Окское междуречье в XIII в. Археологические материалы свидетельствуют, что в этот период тут меняется антропологический тип населения. Монголоидные черты, характерные для угро-финнов, становятся менее выраженными, и население становится более европеоидным (там же).

Лингвисты отмечают, что говора восточной части Волго-Окского междуречья заметно отличаются от остальных говоров русского языка. (Кузнецов). Эти миграции происходили уже тогда, когда возникло государство восточных славян, поэтому в источниках нет племенных названий для междуречья Оки и Волги, кроме дославянского населения этого края – «меря» (Повесть временных лет. с. 13, 18).

В то же время многие лингвисты отмечают особенности западных русских говоров – новгородских и псковских. Эти особенности сближают западные русские говора с западными славянами (Зализняк). Такое сближение возможно вследствие архаичности языка, на котором говорили славяне первой волны миграций. Вторая волна миграций, в результате которой славяне заселили Волго-Окское междуречье, последовала через триста лет, язык новых мигрантов за это время уже существенно изменился.

Кроме того, миграции с правобережной Украины, где гаплогруппа R1a составляла более 50% населения, сформировали в Волго-Окском междуречье массив с примерно такой же частотой этой гаплогруппы.

Таким образом, и антропологические и лингвистические и генетические материалы свидетельствуют, что основная масса мигрантов в Волго-Окское междуречье пришла из Среднего Поднепровья. Мигранты принесли на север родные им топонимы: Переяславлю Южному, стоящему на реке Трубеже, соответствуют Переяславль-Залесский и Переяславль-Рязанский оба на реках Трубежах. Название правого притока Днепра – Лыбеди повторяют две реки Лыбеди – во Владимире и в Рязани (Попов А. с. 59-60). Дублируются и другие речные названия - Почайна, Ирпень и названия городов - Галич, Перемышль. (Толочко с 196) .

Уход населения с территории Украины привел к депопуляции некоторых регионов. Во второй половине XII и в XIII в. происходит полное запустение верховьев Южного Буга и упоминания о его центрах встречаются в летописях все реже. (Толочко с 125). По мнению археологов, населенные пункты на Южном Буге были оставлены населением уже к началу XII в. (Археология УССР т 3 с 392). Запустевает также территория Киевщины, то есть собственно «Русская земля». Археологи находят тут многочисленные городища, оставленные населением в конце XII – начале XIII вв. Археологи отмечают также уменьшение размеров городищ, возникших в XII – XIII вв. в Среднем Поднепровье, по сравнению с предшествующим периодом. (Археология УССР т 3 с 386).

На опустевших землях начинают оседать кочевники. Археологические находки свидетельствуют о поселениях тюрков в бассейне Роси, верховьях Южного Буга, на Тясмине и левобережье Среднего Днепра (Плетнева 1973 Толочко 1980). В бассейне Роси возникло племенное объединение осевших на землю тюрков, которых летописи называют «черными клобуками», сыгравшее значительную роль в истории Киевской Руси.

В соответствии с третьим законом резервуара, депопуляция должна была привести к определенному регрессу. Ослабление Киева в XIII в. очевидно, сколько бы некоторые ученые не доказывали обратное. Можно спорить о том, был ли упадок материальной культуры, хотя даже сторонники тезиса о восходящем развитии Киева вплоть до монгольского нашествия, признают ухудшение качества керамических изделий Киевщины (Толочко с 53), уменьшение объемов каменного строительства в конце XII – начале XIII вв. в Киеве (Толочко с 74). Однако никто не станет оспаривать тот факт, что военно-политическое и экономическое значение Киева и Киевщины резко упало, обладание Киевом стало лишь символом верховной власти в восточнославянском государстве. Ни Андрей Боголюбский, ни Всеволод Большое Гнездо, ни Даниил Романович, получив контроль над Киевом, не собирались туда переселяться.

Следует отметить, что мысль об ослаблении Киева в связи с переселением населения из Среднего Приднепровья на Волгу и Оку не нова. Еще Ключевский писал, что ослабление Киева и других важнейших древнерусских земель было вызвано оттоком населения на северо-восток и на запад. Но Ключевский полагал, что это переселение было вызвано натиском кочевников. (Ключевский с 285 и сл.). Впоследствии это мнение было поддержано многими историками. Этот тезис противоречит нашим выводам, поэтому нам придется рассмотреть ситуацию в степи.

Как уже отмечалось выше, в VII в. в степи произошло оседание кочевников на землю, возникновение Хазарского каганата и его археологической ипостаси – салтово-маяцкой культуры. В конце IX в. происходит ослабление Хазарского каганата.

Причина этого становится понятной, если мы проанализируем археологические материалы. Можно считать доказанным, что население из поселений бассейна Дона и Северского Донца переселилось в лесостепной район на Средней Волге. Это переселение происходило в течение VII – IX вв. несколькими волнами. Поселения на Донце и Дону существовали до X в., хотя имеется небольшое количество находок, относящихся и к X в. (Плетнева, Николаенко 1976 с 293-297). Именно к X в. относится возникновение Волжской Болгарии. К самому концу IX – началу X в. относится правление первого известного нам хана Волжской Болгарии Алмуша.

Ибн-Хаукаль сообщая о событиях 968-967 гг. пишет «Булгар – маленький городок и нет у него большого числа округов» (Калинина с.94). И это притом, что Булгар был столицей Волжской Болгарии. Уже в начале XII в. другой арабский путешественник, Аль-Гарнати, пишет о Булгаре, что это – огромный город (Аль – Гарнати с 24). Эти примеры показывают, как быстро росло население Волжской Болгарии.

Язык и Хазарского каганата и Волжской Болгарии был болгарский язык, резко отличающийся от остальных тюркских языков. Он занимает промежуточное положение между тюркскими и монгольскими языками и содержит максимальное среди тюркских языков (до 900) соответствий с монгольским. Единственным живым языком болгарской или булгарской подветви тюркских языков является чувашский язык. Благодаря поселению части болгар на Дунае, в современном болгарском (славянском) языке есть довольно много сходных слов с чувашским языком, которых нет ни в одном тюркском языке. О том, что когда-то предки чувашей жили на Северном Кавказе, свидетельствуют грузинские и армянские заимствования в чувашском языке. Интересно, что кроме многочисленных иранских заимствований (до 200) в чувашском языке обнаружены десятки индоарийских заимствований (Егоров; Федоров). Это подтверждает высказанное ранее предположение, что скифо-сарматский язык был промежуточным между иранским и индоарийским, поскольку болгары могли воспринять эти слова только от сарматов. Язык алан не мог быть таким донором, так как его прямой потомок, осетинский язык, относится к восточноиранским.

Таким образом, депопуляции степи и лесостепи предшествовало увеличение населения на Средней Волге, причем и археологический и лингвистический материал свидетельствует об этнической тождественности этого населения. Политически этот процесс отразился в резком ослаблении Хазарского каганата и усилении Волжской Болгарии. Миграции населения в Среднее Поволжье были вызваны действием первого закона резервуара, поскольку поселения не были уничтожены врагом, а просто оставлены населением. В то же время территория на Средней Волге, где началось расселение болгар, как свидетельствуют археологические данные, были практически пусты (Хузин)

Вследствие падения критического коэффициента в степях Хазарского каганата, появилась возможность для лесостепных полуоседлых племен стать кочевниками. Этой возможностью воспользовались венгры. Легенды о прародине на Востоке, так называемой Великой Венгрии, жили в венгерском народе до современности. В 1235 - 1236 гг. венгерский монах Юлиан попытался отыскать Великую Венгрию, чтобы обратить восточных венгров в христианство. Ему удалось где-то возле реки Итиль (Волга) и какого-то большого булгарского города найти народ, язык которого он понимал. Еще два европейских путешественника Плано Карпини в 1246 и Рубрук в 1253, упоминают Великую Венгрию, размещая ее на территории Башкирии (Путешествие ... с 48, 57, 72).

Из башкирской лесостепи венгры вышли в степи, постепенно перемещаясь на юго-запад. Древнерусская летопись под 898 г. фиксирует проход венгров мимо Киева на запад (ПСРЛ 1962 с. 17-18) в степи на среднем Дунае.

Однако основная масса населения, заполнившая опустевшие причерноморские степи, пришла с востока евразийских степей, как это было уже много раз. В начале X в. в причерноморские степи из-за Волги приходят печенеги (Плетнева 1990 с. 19), которые, как и последующие мигранты с Востока, говорили на языке, принадлежавшем к западнотюркским языкам. Летопись сообщает о том, что печенеги первый раз пришли на Русь в 915 г. для того, чтобы заключить мир с Игорем (ПСРЛ 1962 с. 32). Первый раз печенеги напали на Русь в 968г. в отсутствие Святослава и едва не взяли Киев. (ПСРЛ 1962 с.53). Таким образом, между приходом печенегов в украинские степи и первой их агрессией против Киевской Руси прошло 50 лет, то есть достаточное время для заполнения этого резервуара.

Несомненно, печенеги представляли серьезную опасность для восточных славян. Летопись сообщает, что сын Святослава, Владимир, вынужден был для защиты от них строить города по Десне, Остру, Трубежу, Суле и Стугне. Интересно, что населять эти города пришлось словенами (ильменскими), кривичами, чудью, вятичами, (Повесть временных лет с 83), то есть жителями севера. Следовательно, населения Киевщины, то есть собственно «Русской Земли» для этого не хватало. До нас дошло письмо епископа Бруно к императору Священной Римской империи Генриху II, в котором он описывает свою поездку к печенегам с целью обратить их в христианство. Бруно был в Киеве в 1006 году и видел, что Владимир оградил свои владения «... отовсюду самым крепким частоколом на весьма большое пространство» (Бруно с 76).

Однако укрепления не исключали печенежских набегов на пограничные города. Особенно сильным был печенежский натиск в последние годы I – в начале II тысячелетия, когда печенеги использовали княжеские раздоры. Однако после своего укрепления на киевском престоле, Ярослав в 1030-х гг. начинает строить города по Роси, то есть, по сути, переходит в наступление и захватывает район, ранее не заселенный восточными славянами (Плетнева 1990 с 21).

Показательно, что натиск печенегов на Византию особенно усилился в начале 990-х годов, то есть то же время, что и на Киевскую Русь. Император Алексей Комнин даже был вынужден обратиться за помощью ко всему «христианскому миру». Это свидетельствует о высоком критическом коэффициенте в причерноморских степях. Однако уже в это же время печенеги начинают проникать на Балканы и особенно в Венгрию, и поселяться там. Сын венгерского короля Золтана (середина X в) был женат на печенеженке. Венгерские источники сообщают о массовом переселении печенегов во владения венгерских королей, о поселениях печенегов на Тисе. Двум печенежским ханам был отдан во владение город Пешт. Постепенно печенеги были ассимилированы венграми и восприняли их язык и культуру (Расовский.).

Именно переселение печенегов привело к ослаблению их натиска на восточнославянские земли. На их место с востока проникают гузы, или, как их называют русские летописи, торки. Как и следовало ожидать, эти новые пришельцы не проявили сразу же воинственности. Места в степи пока хватало, так как гузов пришло сюда немного, их основной миграционный поток направился в Переднюю Азию и образовал там турецкое государство Сельджуков. И все же летописи сообщают о походах русских князей против слишком близко подкочевавшим к границе торков – в 1055 и 1060 (ПСРЛ 1962, с 152). Как уже отмечалось выше, (об этом свидетельствуют и археологические материалы и данные летописей),

очень большое количество торков и печенегов осела на границе Киевской Руси со степью, то есть в лесостепи. Бассейн Роси был населен преимущественно тюрками и крупнейший город Поросья назывался Торческ (Плетнева 1990 с 73 и сл.).

Вследствие следующего цикла оседания кочевников на землю в причерноморские степи приходят половцы. Историки относят это событие к 1020-м. годам. (Плетнева 1990 с 41). И вновь, как и печенеги, половцы вначале приходят на Русь, чтобы заключить мир, о чем сообщает летописец под 1055 г. (ПСРЛ 1962, с. 150). Первое нападение половцев на русские земли относится к 1060 г. (ПСРЛ 1962, с. 161). Таким образом, вновь понадобилось около полувека, чтобы резервуар наполнился снова.

Первоначально половцы нанесли ряд тяжелых поражений восточным славянам. Однако, начиная с конца XI в. ситуация коренным образом меняется. В результате деятельности Владимира Мономаха возникает система коллективных походов князей против половцев. Разумеется, нельзя сказать, что половцы были побеждены и уничтожены. Они продолжали совершать набеги на Киевскую Русь. Особенно много таких набегов было во время княжеских усобиц. Кстати, эти усобицы были результатом ослабления центральной власти вследствие расселения славян в лесной зоне Восточной Европы. Однако походы половцев дальше приграничных районов на территорию Руси, как правило, не углублялись. Обычно летописец пишет о нападениях половцев на пограничные со степью районы, многие из которых были населены осевшими тюрками.

С 90-х гг. XII в. давление половцев на русские земли ослабевает, а с начала XIII в. половцы совсем прекращают набеги на Киевское, Переяславское и Черниговское княжества (Археология УССР т 3 с 506; Толочко с. 131; Плетнева 1990 с. 168). Однако конец XII - начало XIII века был периодом больших, если не максимальных миграций населения из «Русской земли». Следовательно, между усилением набегов половцев и миграциями восточных славян из Среднего Поднепровья нет прямой корреляции. Разумеется, нельзя утверждать, что набеги кочевников никак не влияли на депопуляцию этого района. Однако первичным было наличие огромных, практически незаселенных земель в Волго-Окском междуречье, наиболее пригодны для подсечного земледелия, что приводило в действие первый закон резервуара. В этих условиях натиск кочевников мог лишь усиливать миграции, то есть чем меньше населения оставалось в Среднем Поднепровье, тем меньше было у него возможностей отбить набеги кочевников и тем большим был стимул для дальнейших исходящих миграций. Однако завершился этот процесс уже после татарского нашествия.

Заселение Волго-Окского междуречья создало возможности для формирования русского народа, в результате чего закончился процесс языковой дифференциации славян.

Историография.

Читатель, наверное, уже понял, что целью написания этой книги являлась не столько ранняя история славян, или, более широко, ранняя этническая история Восточной и Центральной Европы, сколько реконструкция развития человеческого общества на его ранних этапах. Я убежден, что такая реконструкция возможно только на основе определенной методики, потому, что наша обычная логика и здравый смысл нам в этом помочь не могут. Наш здравый смысл основан только на опыте, но условия жизни населения на ранних этапах развития настолько отличаются от тех, которые мы знаем, что выводы, сделанные только на основе здравого смысла и логики, часто просто не могут быть верными. Вот пример, связанный с темой предшествующего раздела. В одной из своих книг А.М. Сахаров писал:

«То, что объединительные процессы были возглавлены северо-восточными русскими князьями, объясняется тем, что именно земли в лесах междуречья Оки и Волги имели в XII – XIII вв. наибольшее экономическое развитие. Это было связано с перемещением части населения с юга, из лесостепной зоны, среднего Поднепровья. Жить там было тревожно вследствие вторжения кочевников – сначала печенегов, потом половцев. Пустели города и села, масса населения уходила на Северо-восток» (Сахаров с. 27). П.П. Толочко возразил Сахарову так: «Думается, что А.М. Сахаров упрощенно понимал как сам колонизационный процесс Волго-Окского междуречья, так и его последствия. Ведь освоение новых земель вовсе не предполагает запустения районов, из которых оно осуществляется. Из Среднего Поднепровья, наиболее густо заселенной части Киевской Руси, уходило свободное население, отлив которого не только не приводил к экономическому упадку районов выселения, а скорее способствовал их дальнейшему развитию» (Толочко).

Я надеюсь, что если читатель внимательно прочел эту книгу, то мне нет необходимости объяснять, почему П.П. Толочко не прав, хотя его мнение, безусловно, логично, и основано на здравом смысле. Именно поэтому я поместил историографический раздел не в начале книги, как это обычно делается, а в конце. Я хотел, чтобы читатель понял, что законы развития общества на разных этапах его развития разные. Если мы говорим о периоде активных миграций, когда население было занято скотоводством и самыми примитивными формами земледелия, то хорошо известные нам представления об обществе, живущим за счет трехполья, оказываются совершенно неприемлемыми. Вместо общества, известного нам, например, по древнерусским летописям, с многочисленным, прочно оседлым, миролюбивым населением, живущим вековыми традициями, перед нашим мысленным взором встают маленькие группы людей, рассеянных на огромных пространствах, людей воинственных, готовых сорваться со своих родных мест, забыть свои традиции и уйти очень далеко в совершенно чужие земли.

Именно так описывают византийские писатели славян VI – VII вв. Прокопий пишет о славянах так: « Живут они в жалких хижинах на большом расстоянии друг от друга и все они часто меняют место жительства» (III – VII, 14, 24). « Они жили, занимая страну разбросано, отдельными селениями. Потому и земли им нужно много» (III – VII, 14, 29 – 30). И Прокопий и Иоанн Эфеский пишут о славянах как о жителях лесов. По сообщению псевдо-Маврикия славяне селились « в лесах возле труднопроходимых рек, болот и озер» (Стратегикон XI). Привязка поселений к лесам, частая смена места поселений, низкая плотность населения – все это свидетельства того, что славяне, как, впрочем, и другие народы Северо-Восточной и Северной Европы, в первую очередь германцы, практиковали подсечное земледелие и, разумеется, пастбищное скотоводство. Вот что писал о германцах Тацит: «...хотя они ежегодно сменяют пашню, у них всегда остается излишек полей» (Germ 26). То же писал о германцах и Цезарь: «...им нельзя более года оставаться на одном и том же месте для возделывания земли» (De bell. Gall. IV, 1). В условиях лесной зоны такое земледелие, скорее всего, было подсечным. Например, очевидцы сообщают, что в России в конце XVIII – начале XIX вв. подсека после выжига засеивалась только один раз, а затем забрасывалась (Лепехин ч. 3 с 240, Чубинский с 17). Позднее, по мере роста плотности населения подсеку обычно засеивали как минимум 2-3 раза.

Археологические данные свидетельствуют, что поселения германцев, так же как и славян, были маленькими и недолговечными. Интересная деталь: после обнаружения так называемых «древних полей» в Дании, Голландии, на севере Германии, на Британских островах, в Скандинавии

свидетельства античных писателей о подвижной системе земледелия у германцев были поставлены под сомнение. (Гуревич с 104). Поля эти стало возможным обнаружить благодаря межам, несколько возвышающимися над ними и хорошо видными при аэрофотосъемке. Древние поля находят рядом с поселениями и датируются они периодом с начала железного века до эпохи Великого переселения (там же). Нет сомнения в том, что эти поля находились под обработкой длительное время, однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что хотя площадь отдельных участков в полях сильно колеблется в среднем она меньше гектара (Jankuhn. S 151 fl.). Совершенно очевидно, что такие участки были недостаточны для того, чтобы обеспечить среднюю семью продовольствием.

По-видимому, археологические данные свидетельствуют о хорошо известной этнографам ситуации, когда возле селения находятся участки, обрабатываемые интенсивно, но основная доля продукции, согласно принципу достаточности, производится на подсеке. Этот этап интенсификации зафиксирован русской поговоркой «Не поле кормит, а нива» (Даль с 544), понять которую можно только, если знать, что нива – это участок на подсеке (там же), а поле – лишённые деревьев земли, обрабатываемые длительный срок. Сохранились свидетельства очевидца, относящиеся к 70-м гг. XIX в. «Кроме обыкновенных полей крестьяне... сеяли хлеб на подсеках... Подсеки эти назывались в Кореле «нивами» (Чубинский с. 16-17). Такие же сведения сохранились для севера России (Щекотов Сельскохозяйственная культура с 116) и для Белоруссии (Левитский с 11). На Украине в Черниговской губернии в середине XIX в. «...почти каждый крестьянин или собственник имел две делянки земли, одну, расположенную около поселения и другую в лесах». Причём все удобрения вносились на малую делянку возле поселения (Есимонтовский с 4)

Приведенный выше пример еще раз подтверждает мысль о том, что для понимания исторических процессов, прежде всего, нужна методика. Однако в исторической науке сложилась странная ситуация когда необходимость создания моделей развития и выработка на их основе методики вообще отрицается. В англоязычной историографии для подобного подхода даже возник термин «туннельное видение» (Brucker p. 7). Исследовательский процесс в любой науке проходит две стадии: установление фактов и поиск закономерностей на основе этих фактов. Единственное исключение – это математика, наука абстрактная и в фактах не нуждающаяся. Коллекционирование фактов без создания на их основе обобщающих моделей превращает историю из науки в некое подобие художественной литературы. Как мне кажется, на постсоветском пространстве этот подход достиг своей завершенности. Впрочем, это не удивительно, если учесть что на протяжении более 70 лет считалось, что самая совершенная методика исторических исследований открыта Марксом и Энгельсом и ничего нового в этой области сделать нельзя в принципе.

Маркс, несомненно, был величайшим ученым и его вклад в науку неоценим. Вместе с тем, очевидно, что модель Маркса не может объяснить многие факты развития, твердо установленные наукой. В частности, согласно модели Маркса в классовых обществах прогресс есть результат классовой борьбы, а в бесклассовых прогресс происходит вследствие несоответствия между потребностями общества и имеющимися возможностями их удовлетворения. Иными словами, потребности людей являются главным двигателем прогресса. Однако люди из-за низкой производительности труда не могут их в полной мере удовлетворить.

Чтобы поднять производительность труда люди внедряют инновации – новые орудия труда и технологии, которые поднимают производительность труда. Это, в конечном счете, позволяет обществу производить некий избыток материальных благ, прибавочный продукт по терминологии Маркса, в отличие от необходимого продукта, который идет на поддержание жизни производителя. Как только возникает возможность производить прибавочный продукт, в обществе сразу же находятся люди, которые разными способами, добиваются от непосредственного производителя, чтобы он этот прибавочный продукт производил, присваивают его себе и таким образом живут. Возникает разделение труда, стратификация общества и государство.

Однако науке известно множество фактов, которые не укладываются в эту схему. Все они противоречат основополагающим тезисам Маркса о постепенном росте производительности труда и стремлении населения увеличить свой объем потребления. Я уже приводил выше некоторые факты, свидетельствующие о том, что переход к земледелию, например, сопровождался не ростом, а падением производительности труда. Собственно говоря, закон Бозеруп сам по себе в принципе опровергает тезис Маркса о том, что производительность труда в процессе развития общества росла, а ведь фактов, подтверждающих закон Бозеруп, собрано огромное количество.

Кроме того, мы уже приводили многочисленные примеры того, что отсталые народы вовсе не горят желанием применять более передовые, а значит, по Марксу, более производительные технологии в сельском хозяйстве. Если модель развития Маркса утверждает, образно говоря, что население хочет, но не может производить продукции больше, то предлагаемая мною модель исходит из положения, что население может, но не хочет производить продукции больше, чем это нужно для удовлетворения своих потребностей. Стратификация общества возникает не потому, что появился прибавочный продукт, а потому, что в ней возникла необходимость и население готово работать немного больше и отдать часть своей продукции представителям высших социальных страт. Нельзя же всерьез полагать, что горстка военных вождей и их воинов, составляющих самое большее несколько процентов от всего населения, только силой заставляла население отдавать часть продукции? Социальная организация была нужна населению для защиты от внешних врагов и поддержания внутреннего порядка, а потребность в ней возникает лишь тогда, когда плотность населения и критический коэффициент становятся достаточно для этого высокими. Небольшой пример - у эскимосов – нетсилликов, которые ни с кем не воевали, племенных вождей не было, а у эскимосов, живших в XVII веке на Лабрадоре и враждовавших с индейцами, племенные вожди были. Вместе с тем, эскимосы, не имели какой-либо формы власти, когда в летнее время кочевали небольшими группами, но когда они на зиму перебирались в относительно крупные зимние поселки, в них возникала сезонная властная организация, которая была нужна, чтобы поддерживать общественный порядок (История первобытного общества с 463). Нельзя же всерьез полагать, что именно зимой у эскимосов появлялся прибавочный продукт.

Если обобщить все факты, относящиеся к развитию доиндустриальных обществ, которые модель Маркса не может объяснить, то их можно разделить на две группы. Во-первых, модель Маркса является линейной, то есть согласно ей схема прогресса одинакова для всех без исключения обществ, независимо от природных факторов. Но любой историк знает, насколько специфичной является история каждой страны, вследствие чего невозможно свести развитие разных стран к стройной системе общественных формаций. Во-вторых, разные страны развиваются с разной скоростью, то обгоняя других, то отставая, то, вообще прекращая развитие.

Недостатки модели Маркса сами по себе не были бы столь губительны для нашей науки, если бы не догматизм в ее применении. Поэтому многие историки, хотя и были вынуждены отдать дань в цитировании Маркса и толковании исторических феноменов с точки зрения его модели, объясняли особенности развития отдельных стран традициями. В результате этого традиции стали важным компонентом модели развития, принятой в советской науке. Как мне кажется, этот подход настолько распространен и сегодня, что следует на нем остановиться более подробно.

Обычно особенности развития объясняются следующим образом: если очевидно, что страна А развивалась быстрее страны В то в работах историков можно встретить замечания о том, что в стране В традиции были сильнее, чем в стране А. Совершенно логичным в этой связи является вопрос: почему в одной стране традиции сильнее, чем в другой? Однако ответа на него нет.

Как мне кажется, объяснение особенностей развития традициями может лишь умилить своей наивностью. Оно, по сути дела ничего не объясняет, а всего лишь сводит все проблемы к некой мистической силе, которая раз почему-то возникнув, потом долго не выпускает общество из своего влияния и мешает ему развиваться так, как оно могло бы развиваться.

С моей точки зрения **традиция – это способ решения жизненной проблемы, закрепленный в общественном сознании.** Это закрепление происходит только потому, что **традиции – это самый рациональный способ решения жизненной проблемы в данной природной обстановке при данном уровне развития населения.** Таким образом, традиции при неизменных условиях жизни общества всегда рациональны. Полагать же, что люди достаточно долго будут следовать традициям во вред себе – нелепость.

Если мы не понимаем поведения людей прошлого, то это не означает, что в их действиях нет логики. Нужно пытаться понять эту логику, а не сводить все к непонятной силе традиций. Мы не понимаем поведения наших предков, как и наших современников из отсталых обществ только потому, что не знаем законов развития. Например, администрации многих отсталых стран долго боролись с подсечно-огневым земледелием. Когда у местного населения спрашивали, почему они упорно, несмотря на все запреты властей, продолжают его практиковать, эти люди как раз и объясняли это тем, что при подсечном земледелии труда нужно меньше, а результат будет больше, чем при пашенном. Иными словами при подсечном земледелии производительность труда выше. Поверить в это представители более развитых обществ не могли. Их опыт говорил им, что в современных обществах производительность труда в сельском хозяйстве неизмеримо выше, чем в отсталых с примитивной агротехникой. Сейчас мы уже знаем, в чем причина такого парадокса: интенсификация земледелия за счет увеличения трудозатрат на единицу площади действительно ведет к падению производительности труда, а в современных обществах развитие земледелия происходит главным образом не за счет роста трудозатрат, а за счет применения достижений науки и техники. Но приверженность населения отсталых стран подсечно-огневому земледелию объяснялась именно силой традиций.

Традиции вырабатываются достаточно долго именно потому, что общество подбирает оптимальные способы решения своих жизненных проблем. Постепенно формируется целый комплекс традиций, который охватывает все аспекты жизни населения. Такие общества даже получили название традиционных. Собственно говоря, традиционные общества – это доиндустриальные общества, которые находятся, пользуясь предложенной нами терминологией, либо в стационарном состоянии, либо в фазе незаполненного резервуара.

Характерной чертой таких обществ является отсутствие развития. Именно в этом и состоит причина приверженности таких обществ традициям. Ведь если изменения почти не происходят, не меняются и условия жизни, следовательно, традиционные методы решения жизненных проблем остаются оптимальными. В этом случае изменения будут просто вредными, так как результат их будет хуже оптимального. Следовательно, дело не в силе традиций, а в неизменности условий существования данного общества. **Изменяются условия – очень быстро изменяются и традиции.** Например, хорошо известно, что в России традиционным был принудительный общинный передел земель. На землях исторического ядра России этот обычай уходит в прошлое настолько далеко, что мы не знаем точно, когда он возник. Просуществовал же этот обычай до коллективизации, то есть был прерван искусственно. Следует ли в этом случае традицию общинных переделов земли рассматривать как некое свойство русского народа, присущее ему имманентно?

Однако есть и другие примеры, когда русское население жило по другой традиции. Например, в начале XVIII века у казенных крестьян Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Вятской, Пермской и Казанской губерний не было передельной общины. Земля находилась в свободном обороте, крестьяне продавали и покупали землю, среди землевладельцев были лица разных состояний. Среди крестьян существовало значительное неравенство. Неимущие и малоимущие крестьяне добивались от правительства запрещения на владение землей не крестьянами и введения переделов. В 1754 вышел указ о запрете владеть землей лицам других состояний и конфискации их земель в пользу крестьян. В 1766 был запрещен оборот земель между крестьянами, а в 1781 введены переделы. Аналогично развались события и у однодворцев – потомков московских служилых людей, поселенных на южной окраине. К началу XVIII в. у них не было ни общины, ни переделов, но в течение XVIII – первой половины XIX в. однодворцы по собственному желанию перешли к земельным переделам (Миронов с 369). Как объяснить эти факты? Если обычай общинных переделов был так свойственен русским людям, почему они его утеряли при переселении? И, что еще более интересно, почему в некоторый период времени они его вновь приобрели?

Ответы на эти вопросы дает нам предлагаемая модель развития. Переселение на север и северо-восток происходило преимущественно в течение XIV – XVII вв. Общим для этого периода было то, что переселение происходило главным образом по инициативе самих крестьян на их собственный страх и риск. Поэтому, когда крестьяне расселялись на новых землях, они действовали так, как им было лучше, то есть оптимально. Поскольку земли эти были заселены слабо, критический коэффициент был низок, то земли хватало всем. Следовательно, не было необходимости в переделах. Поэтому крестьяне распоряжались землей свободно. Но как только плотность населения приблизилась к критической, земли перестало хватать всем, основная масса населения, то есть те, кто победнее, стали требовать введения переделов. В условиях, когда переделы были нормальным явлением в центре страны, правительство пошло навстречу большинству и ввело переделы принудительно, запретив владеть землей не крестьянам. Аналогичным образом у однодворцев, которые были лично свободными и пользовались землей по своему усмотрению, первоначально переделы отсутствовали. Но как только плотность населения приблизилась к критической, опять-таки под давлением большинства, они ввели у себя переделы. Следует отметить, что переход к передельной общине происходил именно под давлением большинства, так как более трудолюбивое и предприимчивое меньшинство от отсутствия переделов выигрывало.

Эгалитаризм, то есть принудительное уравнивание состояний – обязательный лозунг крестьянского большинства во время всех революций.

Примеров того, что традиции возникают именно под влиянием внешних для общества условий можно привести множество. Например, любовь англичан к овсянке вошла в поговорку. В то же время у других наций есть свои особо любимые продукты питания, скажем рис у японцев или мамалыга у румын. Причина этой любви, разумеется, в традициях, но сами-то традиции возникли под влиянием окружающей среды. В сыром и прохладном морском климате Англии из всех злаков лучше всего растет именно овес, как наиболее влагостойкое злаковое растение. В то же время в теплом и влажном климате Японии рис, несомненно, оптимальное растение для выращивания из всех злаковых. Хотя там может неплохо расти и овес, но урожайность и питательность риса просто не имеют конкурентов в данных природных условиях. В то же время в жарком и сухом климате Румынии, на богатых черноземах именно кукуруза дает самые высокие урожаи. Хотя хорошо известно, что так было не всегда. До того времени, когда кукуруза попала в Европу, она просто не могла вытеснить другие злаки, скажем ту же пшеницу, которая, кстати говоря, в Румынии продолжает выращиваться в больших количествах, но является менее урожайной, а значит и более дорогой, чем кукуруза. Другой пример такого же рода – в Германии еще в XVIII веке слуги отказывались поступать на службу, если хозяин не давал обязательство, что будет кормить их исключительно зерновыми и не будет давать картофель. Однако прошло время и картофель, как более дешевый продукт питания, скоро стал самой распространенной пищей большей части населения Германии и сегодня Германия – страна, с богатыми «картофельными» традициями в питании.

Примеры с традициями в питании достаточно очевидны, но стоит только обратиться к другим традициям, все становится не так просто. В традиционном обществе, то есть доиндустриальном обществе со слабым развитием, практически все делается традиционно. Человек питается традиционной пищей, приготовленной по традиционным технологиям из традиционных продуктов, произведенных по традиционной агротехнике. Он одет в одежду, скроенную и сшитую по традиции, из традиционных материалов, полученных из традиционного сырья по традиционной технологии. Он живет в жилище, архитектура которого традиционна, выстроено оно также из традиционных материалов по традиционной технологии. При рождении над таким человеком совершают традиционные обряды, он отмечает традиционные праздники, с традиционными блюдами и обрядами. Он вступает в брак по традиционным обрядам и наконец, когда он умрет, его похоронят по традиции. Однако и в самых современных постиндустриальных обществах существуют традиции, которые возникли очень давно и слабо меняются с течением времени. Эти традиции связаны с культурно-идеологической стороной жизни общества – с праздниками, рождением, браком, похоронами. В то же время все, что имеет отношение к материальной стороне жизни – производство, обмен, деловая жизнь никак не связаны традициями. Причина этого состоит в том, что в современном обществе условия производства и обмена меняются стремительно. То же, что должно удовлетворять сравнительно слабо меняющиеся потребности человека меняется медленно. В самом деле, вследствие роста уровня развития растет и уровень потребностей, и производство также должно развиваться, чтобы обеспечить соответствующий уровень потребления. Но современный человек, как и его далекие предки с более низким уровнем развития,

испытывает потребность в празднике, в отдыхе от будней, поэтому многие современные праздничные ритуалы мало чем принципиально отличаются от ритуалов принятых в более примитивных обществах. Они отличаются лишь в той степени, в какой выросший уровень потребностей требует изменения этих ритуалов. Если же традиционные праздничные ритуалы удовлетворяют уровень потребностей современного человека, то тогда зачем же их менять. Ну, скажем, во время праздника принято наесться, что называется, до отвала. Почему – это понятно каждому – сытому человеку хорошо. Это черта присуща практически всем народам от самых примитивных до самых высокоразвитых и имеет своей основой биологическое единство человечества.

Таким образом, в традиционных обществах так сильны традиции только потому, что эти общества почти не развиваются. Следовательно, не меняются условия, в которых эти общества существуют, поэтому традиции, как оптимальные способы решения жизненных проблем также не меняются. **Объяснять же отсутствие развития в традиционных обществах сильными традициями – это значит объяснять причину ее следствием.** Из предлагаемой модели развития следует, что не потому нет развития, что сильны традиции, а потому сильны традиции, что нет развития. Традиции могут влиять на ход развития только одним способом – они создают определенную задержку в реакции общества на изменившиеся условия. Изменение условий предполагает изменение способов решения жизненных проблем. Обществу, которое решало все жизненные проблемы традиционно, необходимо понять, что условия жизни изменились, и традиционные методы решения жизненных проблем перестали быть оптимальными. Для этого нужно определенное время, так же как и для того, чтобы члены общества могли выработать новую линию поведения при решении жизненных проблем.

Теперь вернемся к проблеме ранней истории славян. Одной из целей написания этой книги было показать, что история языка в малой степени связано с его носителями и есть во многом результат случайный. Часто общность языка понимается как общность происхождения, но, как показывают генетические и антропологические исследования, часто между носителями близких языков нет соответствующей биологической близости. Только благодаря уникальному свойству языка сохранять свою систему, в исторической перспективе не произошло смешения различных языков, как постоянно происходило и происходит смешение культур и антропологических типов. И, тем не менее, нельзя сказать, что исследования ранней этнической истории не имеет смысла. Благодаря таким исследованиям, у нас есть возможность лучше понять развитие человечества.

О ранней истории славян написано очень много, но сегодня нет смысла говорить о гипотезах, разработанных ранее 70-х гг. прошлого века. До этого времени археологическая база данных не позволяла делать предположения, представляющие интерес и сегодня. С определенной долей условности все гипотезы о происхождении славян можно разделить на две группы: разработанные археологами на материалах археологии и лингвистами на материалах лингвистики. Разумеется, и археологи привлекают материалы лингвистов, и лингвисты привлекают материалы археологов, но всегда представитель определенной науки опирается на те материалы, которые ему ближе. Нужно сказать, что гипотезы лингвистов настолько умозрительны и неопределенны, что их трудно принимать всерьез. Примером является гипотеза О.Н. Трубачева о прародине славян в бассейне Среднего Дуная (Трубачев 1991). Эту гипотезу Трубачев строил лишь на топонимике и некоторых лингвистических наблюдениях, никак не обосновывая ее археологически.

Сегодня же археологический материал не только позволяет, но и требует указывать конкретные археологические культуры или группы как гипотетических носителей тех или иных языков.

Из гипотез археологов, прежде всего, нужно сказать о гипотезе Б.А. Рыбакова (Рыбаков 1979). Суть ее состоит в том, что все культуры, находящиеся в основном ареале пражской культуры с середины II тыс. до н.э. были славянскими. Сегодня такой «укрупненный» подход не может быть принят, поскольку благодаря накопленному археологическому материалу можно и нужно показать как носители того или иного языка формировали последовательную цепь культур, их так сказать «переход из одной культуры в другую».

В этом смысле достаточно обоснованной является гипотеза И.П. Русановой (Русанова). Основываясь на многочисленных измерениях керамики, она доказала сходство пражской керамики с некоторыми типами пшеворской керамики. Далее, опять-таки, опираясь на параметры керамики, Русанова находит сходство керамики пшеворской и подклошевой культур. Отсюда делается вывод о последовательной цепочке славянских культур: пражская, пшеворская и подклошевая. С археологической точки зрения выводы Русановой почти безупречны, но они не выдерживают проверки лингвистическими данными, поскольку германские связи пшеворской культуры можно считать доказанными. Следует отметить, что Русанова отрицала славянскую атрибуцию пеньковской культуры, на основе археологических данных показывала постепенный процесс ассимиляции антов славянами – носителями пражской культуры.

В.В. Седов написал много работ о ранней истории славян, больше других современных авторов. Вклад В.В. Седова в славянскую проблему настолько велик, что его взгляды нужно рассмотреть подробно. Взгляды Седова менялись, иногда значительно, поэтому я буду анализировать его последнюю книгу (Седов 2002). Свою реконструкцию ранней истории славян Седов, также как автор этих строк, начинает с Передней Азии, основываясь на работе Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова. Однако далее он опирается на работу Г. Краэ (Krahe H.), суть которой состоит в том, что иллиро-кельто-италийские и германо-балто-славянские языки составляли единую общность тогда, когда остальные индоевропейские языки уже отделились. Эта общность, называемая древнеевропейской, занимала Карпато-Дунайский бассейн и археологически ей соответствовала культурная общность полей погребальных урн. Расселение населения этой общности привело к формированию отдельных языков: иллирийцев, кельтов, италиков, германцев и славян. Балтов Седов не включает в число тех языков, которые возникли в результате распада общности полей погребальных урн, а выводит их формирование из культурной общности шнуrowой керамики (Седов 2002 с.63). Это явная неувязка с фактами, потому что балтские языки должны относиться к древнеевропейским, однако балтские культуры не имеют связей с культурной общностью полей погребальных урн. Кроме того, существует давняя традиция возводить балтов именно к шнуrowикам и Седов ранее ее придерживался (Sedovs 1992).

Возникновение славян Седов связывает с лужицкой культурой, часть населения которой проникает в восточную Прибалтику и тут участвует в формировании культуры западнобалтийских курганов, которая, по мнению Седова, была западнобалтийской. На основе этой культуры возникает поморская культура. Расселение носителей поморской культуры по ареалу лужицкой и возникновение вследствие этого культуры подклошевых погребений знаменует появление славян. Таким образом, язык славян восходит к древнеевропейской общности, но при этом он связан и западнобалтийским через контакты с поморской культурой. То, что поморская культура имела несомненные связи со Скандинавией, Седов объясняет миграциями небольших групп населения, впоследствии ассимилированных поморцами.

В результате проникновения в Польшу кельтов и последующего смешения кельтов и населения культуры подклошевых погребений возникает пшеворская культура. По мнению Седова эта культура – славянская. Однако имеется большое количество археологических связей пшеворской культуры с германцами. Кроме того, пшеворцы даже участвовали в войнах германцев в Галлии (Щукин 1994 с. 172-173). Поэтому Седов предполагает, что западная часть пшеворской культуры была германская, а восточная – славянская. Однако, как утверждают археологи, нет никаких оснований расчленять пшеворскую культуру на две части (Щукин 2001).

Далее начинаются миграции носителей пшеворской (славян) и вельбарской (готы) культур в Причерноморье, где они в смеси с сарматами образуют черняховскую культуру. В составе этой культуры, славяне образуют два массива – в Среднем и Верхнем Приднестровье и в лесостепной полосе от Подольской возвышенности до Среднего Поднепровья. После исчезновения черняховской культуры, на основе этих массивов формируется пражско-корчакская и пеньковская культуры.

В реконструкции предложенной Седовым, германские связи славян несравненно сильнее балтийских. Согласно этой реконструкции, славяне (подклошевая культура) находились в тесных контактах с западными балтами (поморская культура) 400 лет (с VI – II вв. до н.э.), а с германцами – 600 лет, в составе пшеворской и черняховской культур (со II до н.э. по IV в. н.э.). Причем если подклошевая культура несколько отличалась от поморской, то в составе пшеворской и черняховской культур славяне археологически неразличимы. Кроме того, непонятно, почему, если археологические находки свидетельствуют о совместном проживании пшеворцев и готов в составе черняховской культуры, в языке последних не осталось следов этих контактов.

Далее, археологические находки свидетельствуют об образовании пеньковской культуры на основе миграций на юг населения киевской культуры и Седов эти миграции признает (Седов 2002 с. 212), но уверен в том, что носители киевской культуры (балты), были ассимилированы в Среднем Поднепровье остатками черняховского населения. Такая реконструкция формирования пеньковской культуры маловероятна и с лингвистической точки зрения, поскольку предполагает разделение общеславянского языка на две, а не на три группы, причем не в VI – VII вв., как следует из выводов лингвистов, а на двести, или даже триста лет раньше.

При реконструкции расселения славян Седов причисляет к славянским целый ряд культур – волынцевскую, суковско-дзедзицкую, тушемлинскую, длинных курганов. Волынцевскую культуру он отождествляет с «Русским каганатом» письменных источников, хотя ранее сам высказывал мнение, что волынцевская керамика совершенно не похожа на славянскую керамику второй половины I тыс. н.э. (Седов 1982 с.137). То же самое можно сказать о тушемлинской культуре. Тушемлинская культура – ровесница пражской, и отделена от нее сотнями километров, следовательно, согласно критерию бездиалектности она не может быть славянской. Ранее Седов утверждал, что преемственность между тушемлинской и днепро-двинской культурой несомненна. (Седов 1970 с.39). Правда, Седов давно выражал уверенность в славянской атрибуции культуры длинных курганов, но при всем желании нельзя понять, на чем она базируется. Суковско-дзедзицкая культура моложе пражской, но сильно отличается от нее керамикой, домостроительством и похоронным обрядом и имеет несомненные связи, как отмечалось выше, с культурами западных балтов и тушемлинской культурой.

Таким образом, все эти культуры восходят либо к днепро-двинской, либо к культуре штрихованной керамики. Славян тут просто не может быть до VIII – IX вв., когда археологические материалы свидетельствуют о миграциях с юга, которые принесли сюда культуру Киевской Руси. Других миграций в этот регион не было, следовательно, не могло быть смены этноса. Это Седов прекрасно понимал, поэтому высказал предположение, что в лесную зону Восточной Европы в V в. н.э. имели место массовые миграции «среднеевропейского населения» (Седов 2002 с 354 и сл.), под которым понимается переселение славян с территории Польши на восток. Следы этих миграций Седов видел в распространении в это время в лесной зоне Восточной Европы предметов, имеющих несомненные аналогии в западных культурах: шпор, оружия, украшений, бритв и некоторых других. Не всякий археолог возьмет на себя смелость утверждать на этом основании, что имели место миграции, тем более такие массовые, что привели к смене языка, но никак не отразились на основных элементах культуры – домостроительстве, керамике или похоронном обряде. Как мне кажется, более осторожным и правильным было бы сделать вывод, что мы имеем дело с импортами, тем более что на карте находок среднеевропейских предметов (Седов 2002 рис 74 с 361) не менее трети этих находок была сделана на территории Литвы и Латвии.

Примерно так же обстоит дело с височными кольцами. Седов считал эти кольца несомненным маркером славянского населения на том основании, что славяне их носили в эпоху Киевской Руси. Некоторые типы этих колец были распространены на территории тушемлинской и суковско-дзедзицкой культур, длинных курганов и угро-финских культур: мерянской и муромской. По мнению Седова, финны эти кольца позаимствовали, а вот все остальные культуры, где такие кольца носили, были, несомненно, славянскими. Тот же факт, что много таких колец найдено на территории Восточной Литвы (Седов 2002 рис 80. с. 386), Седов объясняет оригинальной гипотезой о том, что местное неславянское население брало себе жен-славянок, которые носили височные кольца, а затем откуда-то сюда пришли предки литовцев, создавшие культуру восточнолитовских курганов.

Многолетний и неподдельный интерес В. В. Седова к славянской проблеме, его огромное трудолюбие вызывает у меня глубокое уважение, но мне искренне жаль, что такой талантливый исследователь, вместо того, чтобы следовать за фактами, пытался иногда строить гипотезы на основании своих априорных представлений.

Интересна точка зрения на проблему происхождения славян В.Д. Барана и его учеников: Д.Н. Козака и Р.В. Терпиловского (Баран, Козак, Терпиловский 1991). Именно эта группа ученых открыла в Поднестровье памятники, которые можно считать непосредственными предшественниками пражской культуры. Однако они полагают, что открытые ими памятники не были единственно славянскими и причисляют к славянским целый ряд культур: поморско-подклошевую, зарубинецкую, поскольку носители зарубинецкой культуры образовали на Волыни и Приднестровье зубрицкую культуру. Пшеворская культура в целом признается германской, но в ней есть славянский компонент, который в Приднестровье также участвовал в создании зубрицкой культуры. На основании славянской зарубинецкой культуры возникает киевская, следовательно, она – славянская. Затем на основании киевской возникают колочинская и пеньковская (антская) культуры, обе, естественно, славянские.

Надеюсь, читателю понятно, что эта концепция не выдерживает критики с точки зрения лингвистических материалов.

Если даже не говорить о возникновении поморской и подклошевой культур, распад зарубинецкой культуры в середине I в. н.э., когда полесская группа зарубинецкой культуры переселяется на Волинь, предполагает распад общеславянского языка на 500 лет раньше, чем это признается лингвистами. Допустить, что анты-пеньковцы говорили на языке, родственном общеславянскому, а потом остальные славяне их ассимилировали, нельзя, поскольку тогда следы антского диалекта все равно бы ощущались в южных и восточных славянских языках. Кроме того, непонятно, на чем основана уверенность в славянской атрибуции всех групп зарубинецкой культуры. Достаточно, чтобы на славянском языке говорило население полесской группы.

Следует отметить также работу М.Б. Щукина «Рождение славян» (Щукин 2001). Глубокое знание археологии славянской проблемы позволило Щукину убедительно показать слабые места в существующих концепциях ранней истории славян. Собственная концепция Щукина состоит в том, что, поскольку пражская культура по сравнению с предшествующими пшеворской и черняховской культурами примитивна, она должна быть связана с культурами лесной зоны Восточной Европы, такими как культура штрихованной керамики, днепро-двинская и тушемлинская.

Тот факт, что эти культуры находятся в ареале балтской топонимики, Щукин преодолевает, основываясь на мнении отдельных лингвистов о существовании единого балто-славянского языка, от которого отделился собственно славянский. Носители вышеназванных культур и говорили на балто-славянском языке, а формирование киевской культуры означало выделение из него уже собственно славянского. Затем киевская распадается на колочинскую, пеньковскую и некую третью на правобережье среднего Днестра и в Полесье, из которой впоследствии образуется пражская культура.

Хорошо владея археологическим материалом, Щукин не имеет методики для его осмысления, поэтому его выводы основаны только на здравом смысле. Отсюда непонимание регрессивных процессов при депопуляции, которые имели место в V-VI вв. Именно депопуляция Восточной и центральной Европы была причиной расселения славян на огромных территориях, но депопуляция обязательно сопровождается регрессом. Поэтому примитивность пражской культуры закономерна и отвергать ее связь на этом основании с населением Среднего и Верхнего бассейна Днестра черняховской культуры нельзя. Примерно одинаковая примитивность культур лесной зоны Восточной Европы и пражской культуры обусловлена примерно одинаковым уровнем развития. Население лесной зоны в течение всего анализируемого периода отставало от населения более южных районов, что было следствием разной емкости резервуаров.

Пражскую культуру нельзя считать генетической наследницей киевской, именно по той причине, что таковыми, несомненно, являются колочинская и пеньковская культуры. Из этого следует, что эти культуры славянские, что противоречит лингвистическому материалу, то есть критерию бездиалектности, как об этом уже говорилось выше.

Тенденция «записать в славяне» побольше культур, вызвана не только широтой славянской души, но и непониманием того, как славяне, занимавшие небольшую территорию, за исторически короткое время стали наибольшим народом Европы. Здесь мы снова видим яркий пример того, как ненадежен бывает наш здравый смысл. Если, в течение хорошо известного нам периода трехполюя, расселение этноса на огромных просторах – это залог его мощи и длительного существования, то в течение периода активных миграций – это залог неизбежности его последующей ассимиляции.

Расселение этноса в обширных резервуарах – реципиентах миграций означает потерю критического коэффициента, следовательно, замедление развития и утрату политической активности. Так было с кельтскими языками, занимавшими добрую половину Европы или с языками балтов, ареал топонимики которых огромен. Все эти языки уцелели лишь в относительно небольших резервуарах, где мог удерживаться более высокий критический коэффициент.

Выше я неоднократно показывал, что расселение славян было результатом падения критического коэффициента на огромных пространствах Европы вследствие Великого переселения народов. Славяне, образно говоря, оказались в нужное время в нужном месте. Далее, расселение славян завершило период активных миграций в Европе, так как произошло непосредственно перед переходом населения в наиболее населенных районах лесной зоны к двуполью и трехполью, а затем и к созданию государств. Причина этого в том, что были накоплена достаточная плотность населения, чтобы сделать такой переход неизбежным. Только это позволило славянам в основном сохранить освоенный ими ареал.

Все эти примеры наглядно показывают, что без определенной методики и критериев, устанавливаемых лингвистикой, славянскую проблему не решить. Если же говорить в высшей степени обобщенно, то Центральная и Восточная Европа, где, несомненно, находились славяне на ранних этапах их истории, делится на большие языковые ареалы. В Карпато-Дунайском бассейне в этот период господствами фракийские, иллирийские и кельтские языки, с которыми контакты славян практически не просматриваются. В степи и лесостепи господствовали индоиранские языки, с которыми славяне имели очень слабые и отдаленные контакты. Территория Польши и Восточной Германии была заселена германцами, с которыми славяне, несомненно, контактировали, но слабее чем с балтами, которые занимали всю лесную зону Восточной Европы, кроме северо-востока и севера, где жили финны. Место для славян остается только в Полесье, на что уже давно указывали лингвисты, например, Фасмер и Филин. Но Полесье – это милоградская культура, отличающаяся как от скифской культуры лесостепи, так и от балтских культур лесной зоны, хотя с последними ее контакты были весьма сильными.

Литература.

- Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М. 1965.
Алексаха А.Г. Введение в прогрессологию М. 2004.
Алексеев М. Е. Нахско-дагестанские языки// Языки мира: Кавказские языки. - М., 1999.
Аль - Гарнати. Путешествие Абд Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153) М. 1971
Амброз А.К. К истории верхнего Подесенья в I тысячелетии н.э. Советская Археология № 1. 1964.

- Андреев Ю.В. Крито-микенский мир // История древнего Востока. Т. 1 М. 1983.
- Артамонов М. И. Происхождение славян. Л., 1950.
- Артеменко И.И. Среднеднепровская культура. Советская археология № 3 1963.
- Археология СССР. Финно-угры и балты в Средневековье. М. 1987.
- Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М. 1987.
- Археология УССР т 1-3 Киев. 1985.
- Атгазис М.К. Вопросы этнической истории земгалов. В проблемы этнической истории балтов Рига 1977.
- Атлас почв Украинской ССР К. 1979.
- Баишев С.Б. Очерки экономической истории Казахской ССР. – Алма-Ата : Казахстан, 1974. – 360 с.
- Баран В.Д. Ранньослов'янське поселення у села Зелений Гай на Дністрі // Середні віка на Україні. К. т. 1.
- Баран В.Д. Славяне в середине I тыс. н.э. // «Проблемы этногенеза славян» К. 1978.
- Баран В.Д. Черняхівська культура (за матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу) К. 1981.
- Баран В. Д. Пражская культура Поднепровья. К. 1988.
- Баран В.Д., Козак Д.Н., Терпиловський Р.В. 1991. Походження слов'ян. Київ.
- Бергштрассер К. Опыт описания Олонецкой губернии. СПб. 1838.
- Березанская С.С. О балтском компоненте в культурах эпохи бронзы Северной Украины. // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов Рига 1981.
- Бернштейн С. Б. Сравнительная грамматика славянских языков. — М, Издательство "Наука". — 2005.
- Бирнбаум Х. Праславянский язык, достижения и проблемы в его реконструкции. М. 1987.
- Браун Ф. 1899. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб.
- Бруно // Памятники истории Киевского государства IX – XII вв. Л. 1936.
- Вінокур І.С. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II – V ст. н.е. К. 1972.
- Верещагин Н. К.. Млекопитающие Кавказа. М. – Л., 1956.
- Военно-статистическое описание Волынской губернии» т. 1 Киев. 1887.
- Гамкрелидзе Т.В, Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси 1984.
- Гаркави Л.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб 1870.
- География животных. М., 1951.
- Георгиев «Вопросы языкознания» 1958 № 1
- Гептнер В. Г., Слудский А. А. Млекопитающие Советского Союза. М., 1972.
- Германские и кельтские языки М. 2000.
- Горюнов Е.А. О памятниках волынцевского типа. Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР 1975.
- Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л. 1981
- Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии СССР. М. 1961 №94.
- Готский язык. Самара 2006.
- Гуревич А.Я. Аграрный строй варваров // История крестьянства в Европе т. 1 М. 1985.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М. т. 3. 1978.
- Даниленко В.М., Шмаглий М.М. Про один поворотний момент в історії неолітичного населення Південної Європи. «Археологія» 1973 №6.
- Деревья и кустарники СССР. / под ред. С.Я. Соколова. М-Л. т.1. 1949; Т. 2. 1951; т.3. 1954; т. 4. 1958; т. 5 1960.
- Дини П.У. Балтийские языки. М.: ОГИ, 2002. – 544с.
- Дьяковская культура. Сборник. Отв. ред. Ю. А. Краснов. М. 1974.
- Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа. История Армянского нагорья с 1500 по 500 г. до н.э. Хурриты, лувийцы, протоармяне / Еремян С.Т. — Ереван:

- Издательство АН Армянской ССР, 1968.
- Егоров В.Е. Чувашский язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары 1971.
- Есимонтовский. Описание Суражского уезда Черниговской губернии. Ч. 1 СПб. 1846.
- Засодимский П.В.В зырянском краю. Путевые очерки. М. 1901.
- Замятнин С.Н. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита. Проблемы истории первобытного общества. Москва – Ленинград. 1960
- Захарук М. Дослідження пам'яток доби бронзи та раннього заліза на Волині в 1950 р. АП. УССР т VI Київ 1956.
- Зализняк А.А. Древненовгородский диалект М. 1995.
- Ибн-Хаукаль Китаб сурат ал-ард. Лейден т 2 1939.
- Иордан. О происхождении и деяниях гетов «Getica». С-Петербург 2001.
- История древнего Востока ч.1 под ред. Дьяконова И.М. М. 1983.
- История древнего Востока ч.2 под ред. Бонгард-Левина Г.М. М. 1988.
- История крестьянства в Европе. / ред. Удальцовой З. В. Москва : Наука, 1986. – тт. 2, 3
- История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. / ред. Ю.В. Бромлей, А.И. Першиц, В.А. Шнирельман. М : Наука, 1986.
- Калинина Т.М. Сведения Ибн-Хаукиля о походах Руси времени Святослава // Древнейшие государства на территории СССР М. 1975.
- Катонова Е.М. Балто-славянские контакты и проблемы этимологии гидронимов. // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс 1981.
- Клейн Л. С. Древние миграции и происхождение индоевропейцев СПб, 2007.
- Ключевский В.О. Сочинения. Т. 1 М. 1987.
- Козак Д.Н. Пшеворська культура у Верхньому Подністров'ї і Західному Побужжі К. 1984.
- Козак Д.Н. Етнокультурна історія Волині (I ст. до н.е. – IV ст. н.е.) К. 1992.
- Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л. 1932
- Коротаев А. В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М : Восточная Литература РАН, 2003.
- Красновская Н.А. Фриулы. (Историко-этнографические очерки). М. 1971.
- Краузе В. Тохарский язык // Тохарские языки ред. Иванов В.В. М. 1969.
- Крушельницька Л.І. Північне Прикарпаття і Західна Волинь за доби раннього заліза. К. 1976.
- Кузнецов П.С. Русская диалектология М. 1951.
- Кулаков В.И. Древности пруссов. Археология СССР М. 1990 Г 1- 9.
- Куликаускане Р.К. Образование литовской народности. // Проблемы этнической истории балтов 1977 Рига
- Кульбака В., Качур В. Індоевропейські племена епохи палеометалу. – Маріуполь: Рената, 2000. – 80 с.
- Кузьменко Ю. К. Ранние германцы и их соседи. СПб. : Нестор-История, 2011.
- Кухаренко Ю.В. Археология Польши М. 1969.
- Кухаренко Ю.В. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях. Советская Археология. 1954 вып. 19.
- Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. М 1984.
- Левитский И.О. Очерк хозяйственных условий Полесья. Сельское хозяйство и лесоводство. 1878 №1.
- Лепехин И. Дневные записки путешествия 1768-1769 гг. СПб. 1771.
- Магомедов Б.В. О происхождении форм черняховской гончарной керамики. // Новые исследования археологических памятников на Украине. 1977.
- Магомедов Б.В. Каборга IV (раскопки 1973- 1974 // Могильники черняховской культуры. М. 1979.
- Магомедов Б.В. Черняховская культура северо-западного Причерноморья К. 1987.

- Мажюлис В. Лингвистические заметки к балтийскому этногенезу. Рига 1978.
- Мажюлис В.П. О связях литовско-латышского с другими древнебалтийскими диалектами // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Рига 1981.
- Мейе А. Общеславянский язык. М. 1961.
- Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. – М: Едиториал УРСС, 2002. – 512 с.
- Максимов А.Н. Накануне земледелия // Уч. зап. Института истории РАНИОН, 1929, т 3.
- Максимов Е.В. Зарубинецкая культура на территории УССР. К. 1982.
- Максимов Е.В. Терпиловский Р.В. Поселения киевского типа близ Чернигова // Проблемы этногенеза славян. К. 1978.
- Мельниковская О.Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке М. 1967.
- Мелюкова А.И. О датировке и соотношении памятников начала железного века лесостепной Молдавии // Советская археология 1972.
- Мерпет Н.Я. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке. Крат. Сооб. Инс. Арх. Вып. 105. 1965
- Мерпет Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М. 1974.
- Мерпет Н.Я. Древняя культурно-историческая общность и вопросы формирования культур шнуrowой керамики // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М. 1976.
- Мерпет Н.Я. О племенных союзах древнейших скотоводов Восточной Европы // Проблемы советской археологии. М. 1978.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи XVIII – начало XIX в. СПб. 2000 Том 1.
- Митрофанов А.Г. О происхождении культуры типа верхнего слоя Банцеровщины (V – VIII вв.) // Беларускія старожытнісці Менск 1972.
- Митрофанов А.Г. Железный век средней Белоруссии Минск. 1978.
- Монгайт А.Л. Археологические культуры и этнические общности «Народы Азии и Африки» 1967 №1.
- Мугуревич Э.С. Таутавичюс А.З. Состояние и задачи археологического изучения этногенеза балтийских народов // Проблемы этнической истории балтов Рига 1977.
- Насонов А.Н. «Русская земля» и образование древнерусского государства. М 1951.
- Новикова Л.А. Западные связи северопричерноморского очага металлообработки в эпоху поздней бронзы.// СА 1976 № 3.
- Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I- V вв. н.э. Москва-Сумы. 1991.
- Обломский А.М. Среднее Посеймье в позднеаримское время. Формирование южной границы колочинской культуры // Российская археология №4 1996.
- Очерки по археологии Белоруссии Минск. 1970.
- ПВЛ – Повесть временных лет. ч. 1 М-Л. 1950.
- Перхавко В.Б. Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана СА № 4 1979.
- Петров В.П. Подсечное земледелие. К. 1968.
- Петров В.П. Етногенез слов'ян. К.1972.
- Пидопличко И.Г. Амвросиевская палеолитическая стоянка и ее особенности. Краткие сообщения Института Археологии АН СССР 1953 вып. 2.
- Підопличко І. Г. Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР. Вып. 2. Кшв, 1956.
- Пиотровский Ванское царство М. 1959.
- Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура М. 1967.
- Плетнева С.А. Древности черных клобуков. // Свод археологических источников. вып. Е1 -19. М. 1973.

- Плетнева С.А. Хазары. М. 1986.
- Плетнева С.А. Половцы М. 1990.
- Плетнева С.А., Николаенко А.Г. Волоконский древнеболгарский могильник. // Советская археология №3. 1976.
- Покровська Є. Ф. Ковпаненко І. Т. Могильник біля села Калантаєва. Археологія 1961 т 12.
- Повесть Временных лет. Ч. 1 М-Л. 1950.
- Полное собрание русских летописей.
- Попов А.И. Географические названия М.Л. 1965.
- Приходнюк О.М. 1988. О генезисе древностей позднеримского и раннесредневекового времени Днепроовского лесостепного Левобережья //КСИА, вып.194.
- Проблемы этнической истории - Проблемы этнической истории балтов. Рига 1977.
- Расовский.Д.А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии.// Seminarium Kondakovianum. VI Praga 1933.
- Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры М. 1975.
- Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия М. 1979
- Рындина Н.В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы М. 1971.
- Сахаров А.М. Образование и развитие российского государства в XIV – XVII вв. М. 1969.
- Седов В.В. О юго-западной группе восточнославянских племен // Историко-археологический сборник. М. 1962.
- Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М. 1970.
- Седов В.В. Скифо-сарматские элементы в погребальном обряде черняховской культуры // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы М. 1978.
- Седов Происхождение и ранняя история славян . М. 1979
- Седов В.В. Восточные славяне в VI – XIII вв. // Археология СССР М. 1982.
- Седов В.В. Славяне М. 2002.
- Смішко М. Ю. Сарматські поховання біля с. Острівець Станіславської обл. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. 1962 вип. 4.
- Смішко М.Ю. Племена зарубинецької культури // Населення Прикарпаття і Волині за добу розкладу первіснообщинного ладу та в давньоруський час. К 1976.
- Соболевский А.И. Очерки из истории русского языка. Ч. 1 Киев 1884.
- Советов А.В. О системах земледелия. М.1950.
- Старостин С. А. Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. – М.: Наука, 1988. – С. 112-163.
- Тауавичюс А.З. Восточнолитовские курганы. Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М. 1959.
- Тауавичюс А.Э. Балтские племена на территории Литвы в I тыс. н.э. // Проблемы этнической истории балтов. Рига 1977.
- Телегин Д. Я. Степное Поднепровье и Нижнее Подунавье в неолите – энеолите // Каменный век на территории Украины. – К.: Наукова думка, 1990.
- Терпиловский Р.В. К проблеме контактов киевской и вельбаркской культур // Kultura wielbarska w mlodszyim okresie rzymskim. Lublin. 1989.
- Терпиловский Р.В. 1984. Ранние славяне Подесенья III-V вв. Киев.
- Терпиловський Р.В. 1994. Праслов'янські старожитності східної Європи. Перспективи пошуку // Старожитності Руси-України. Київ.
- Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. Памятники киевской культуры (Свод археологических источников). Киев. 1992.
- Титов В.С. Древнейшие земледельцы в Европе // Археология Старого и Нового Света.

- М. 1966.
- Толочко П.П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII – III веков. К. 1980.
- Топоров В.Н. К фракийско-балтийским языковым параллелям. I Балканское языкознание М. 1973.
- Топоров В.Н. К фракийско-балтийским языковым параллелям. II Балканский лингвистический сборник М. 1977.
- Топоров В.Н. Древняя Москва в балтийской перспективе// Балтийско-славянские исследования М. 1981.
- Топоров В.Н. Трубачев В.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья М. 1962.
- Тохарские языки ред. Иванов В.В. М. 1969.
- Третьяков П.Н. Этногенетический процесс в археологии // СА 1962, №4.
- Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. М. 1968.
- Трубачев О.Н. Из славяно-иранских лексических отношений Этимология М. 1967
- Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян М. 1991 .
- Фасмер Этимологический словарь русского языка. Т. 2 М. 1981.
- Федоров М. Р. Чувашский язык в семье алтайских языков Чебоксары ч 1 1980 ч 2 1983.
- Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М 1962.
- Фогель Э. Сведения о лесах в Волынской губернии. Лесной журнал 1836 №1.
- Хавлюк П. І. Зарубинецька культура Південного Побужжя та Лівобережного Дністра.// Археологія 1975 вип. 18
- Хорнаули Г. И. Топонимические свидетельства изменения природы высокогорных районов Грузии//Топонимика на службе географии. М. 1979. С. 28-31.
- Хузин Ф.Ш. Волжская Болгария в домонгольское время. (X – начало XIII в) Казань 1997).
- Цалкин В.И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. Материалы и исследования по археологии СССР. 1960. № 53.
- Черных Е.Н. На пороге несостоявшейся цивилизации//Природа № 2. 1976.
- Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-западе СССР. М. 1976. (а)
- Членова Н. Л. О времени появления ираноязычного населения в Северном Причерноморье // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. — М., 1984. — С. 259-268.
- Чубинский П.П. О состоянии хлебной торговли и производительности в северном районе. СПб.1870.
- Шадыро В. И. Ранний железный век Северной Белоруссии. Минск 1985.
- Шахов А.А. Земледелие и кормодобывание Печорского края и пути их развития. М. 1936.
- Шмаглий Н.М.Черняков И.Т. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра // Материалы по археологии Северного Причерноморья 1970 вып. 6
- Щукин М.Б. К истории Нижнего Поднепровья в первых веках нашей эры 1970. Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 12.
- Щукин М.Б. 1993. Проблема бастарнов и этнического определения пояншты-лукашевской и зарубинецкой культур // ПАВ, вып. 6.
- Щукин М.Б. 1994. На рубеже эр. СПб.
- Щукин М.Б. Рождение славян. <http://www.nestor.md/Russian/Sciukin.htm>, 2001.
- Эдельман Д. А. Ещё раз об этапах филиации арийской языковой общности / Вопросы языкознания, 1992, № 3
- Arredi B., Poloni E. S., Tyler-Smith C. The peopling of Europe // Anthropological genetics: theory, methods and applications / ed. Crawford, M. H. — Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2007. — P. 394.
- Barker G., Rasmussen T. The Etruscans. Oxford : Blackwell, 2000. – 379 p.
- Bartlett H. Fire in relation to primitive Agriculture and Grazing . Tropical University of Michigan 1954 vol. 2.

- Birnbaum H. Pre-Greek Indo-Europeans in the Southern Balkans and the Aegean// *The Journal of the Indo-European Studies*. V. 2 № 4 1974.
- Boserup E. The conditions of agricultural growth. L. 1965.
- Bouzek J. Homerisches Griechenland. Praha. 1969.
- Brucker G. Florence Redux // *Beyond Florence : The Contours of Medieval and Early Modern Italy*. Stanford. 2003
- Cartlidge P. Sparta and Laconia. A Regional History 1300-362 B.C. L., 1979.
- Desborough R.N.d'A The Last Mycenaeans and Their Successors. Oxford. 1964.
- Desborough R.N. d'A. The Greek Dark Ages. L.1972.
- Dimitrijević, S. Sjeverna zona — Neolitik u centralnom i zapadnom dijelu sjeverne Jugoslavije, *Praistorija jugoslavenskih zemalja II*, Sarajevo, 1979, pp 229—360.
- Duridanov I. Zum Baltoslav. *Baltistica*. Vilnus. 1968 4
- Duridanov I. Südslavisch-Baltische Ubereinstimmungen in Bereiche der Wortbildung. *Baltistica*. Vilnus. 1969. (a)
- Duridanov I. Thrakisch-dakische Studien. I Die thrakisch und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen // *Linguistique balkanique XIII* Sofia 1969.
- Finley M.I. Early Greece: the Bronze Age and Archaic Greece L., 1970.
- Flannery K. V. The ecology of early food production in Mesopotamia. *Science* vol 147 1965.
- Florescu A. C. Sur le problèmes du bronze tardif Carpat - Danubien et Nord - Ouest Pontique Dacia. N. S. 1967, № 11.
- Georgacas D. Place and other names in Greece of various Balkan origins // *Zeitschrift für Balkanologie* Sofia Bd III 1965.
- Georgiev V. La toponimie ancienne de la peninsule balkanique. Sofia 1961.
- Germanen – Slawen – Deutschen. *Forschungen in ihrer Ethnogenese*. Berlin 1969.
- Gimbutas M. Bronze age cultures in Central and Eastern Europe. Paris – The Hague – London. 1965.
- Gimbutas M. An archaeologist's view of Pre-Indo-Europeans.// *The Journal of Indo-European Studies*. V. II № 1974.
- Gimbutas M., Dexter M.R., Jones-Bley K. The Kurgan culture and Indo-Europeanization of Europe. 1997
- Gleirscher P. Die Räter. Chur 1991.
- Gleischer P., Nothdurfter H., Schubert E. Das Rungger Egg. Untersuchungen an einem eisenzeitlichen Brandopferplatz bei Seis am Schlern in Südtirol. Mainz 2002.
- Godlowsky K. Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodym okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim. Wrocław 1985.
- Gonda J. Vedic literature. Wiesbaden. 1975.
- Grebe K. Zur frühslawischen Besiedlung des Havelgebietes // *Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte*. Potsdam. Bd. 10 1976.
- Gwagnini A. Z kroniki Sarmacji europejskiej Alexandra Gwagnina z Verony. Kraków 1860.
- Harris D.R. Traditional systems of plant food production and the origins of agriculture in West Africa.//*Origins of African plant domestications*. / Harlan J.R., De Wet J.M.J., Stemler A.B.L. eds., The Hague : Mouton, 1976. 498 p.
- Hartman C.W. The Indians of Northwestern Mexico. *Congress International des Americanistes* 1897 vol. 10.
- Jakovljević, G. Arheološka topografija Bilogore, *Bjelovarski zbornik '89*, Bjelovar, 1989, pp 108—119.
- Jankuhn H. Vor- und Frühgeschichte vom Neolithikum bis zur Völkerwanderungszeit // *Deutsche Agrargeschichte*. Bd. 1 Stuttgart 1969.
- Joshi J.P. Madhubala. Life during the period of overlap of the late Harappa and PGW cultures. // *Journal of Indian Society of Oriental art*. 1978 vol. 9.
- Karsten T.E. Die Germanen. Eine Einführung in die Geschichte ihrer Sprache und Kultur. Helsingfors. 1928.
- Kaszubszczyzna. /Breza E. red. Opole 2001.

- Kostrzewski J. Celtyckie elementy w kulturze sloiańskiej // Słownik starożytności sloiańskiej 1963 W. T.1
- Krahe H. Sprache und Vorzeit. Heidelberg. 1954.
- Jakovljević, G. Arheološka topografija Bilogore, Bjelovarski zbornik '89, Bjelovar, 1989, pp 108—119.
- Jankuhn H. Vor- und Frühgeschichte vom Neolithikum bis zur Völkerwanderungszeit // Deutsche Agrargeschichte. Bd. 1 Stuttgart 1969.
- Lee R. What hunters do for a living, or how to make out on scarce resources. // *Man the Hunter*. Chicago 1968.
- Lehr-Splawinski T. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian. Poznań. 1946.
- Macgowan K. Hester J. Early man in the new World. N.Y., 1962.
- Macnik I. Wczesny epoka brazu // *Prachistoria ziem Polskich*. Wrocław 1978. vol. 3.
- Mallory J.P. In Search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology, and Myth. London: Thames & Hudson, 1989.
- Meillet A. Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique. Vienna. 1936.
- Mellaart J. The End of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean // *American Journal of Archaeology*, 1 1958 p. 9-23.
- Mellaart J. Earliest civilisation of the Near East. L. 1965.
- Milewsky T. Nazwy z obszary Polski podejrzenie o pochodzenie wenetyjskie lub iliryskie // *Slavia Antiqua XI* Poznań. 1964.
- Mill J.S. Principals of political economy / Ashley W.J., ed. New York : Kelley A. M. Publishers, 1965.
- Morinitz S. Contributii archeologie la istoria Tracilor Timpurii // *Académija Rebulicii Sociáliste România*. Bucuresti. 1978.
- Mylonas G.E. Mycenae and Mycenaean Age. Princenton. 1966.
- Nicolas D. Economic reorientation and social change in the XIV th. century Flanders // *Past and Present* № 70 (1976).
- Piggott S. *Ancient Europe from the Beginnings of Agriculture to Classical Antiquity*. Edinburgh 1965.
- Prahistoria ziem Polskich W. 1981.
- Price G. *Encyclopedia of the languages of Europe*. Willey-Blackwell, 2000. – 520 p.
- Renfrew, Colin. Time Depth, Convergence Theory, and Innovation in Proto-Indo-European // *Languages in Prehistoric Europe*. Amsterdam, 2003.
- Rix H. Rätisch und Etruskisch. Innsbruck. 1998.
- Salins M. Stone Age economics. Chicago, 1972 .
- Salisbury R.F. From stone to steel: economic consequences of a technological change in New Guinea. Cambridge, 1962.
- Sedovs V. *Balti senatne*. Riga 1992.
- Schumacher S. Die rätische Inschriften. Geschichte und heutiger Stand der Forschung. Innsbruck. 1992.
- Schumacher S. Sprachliche Gemeinsamkeiten zwischen Rätisch und Etruskisch // *Der Schem.* 72, 1998 S 90-114
- Silberbauer G. Report to the government of Bechuanland on the Bushman survey. Gaberones. // *American Antiquity* 1966 v. 68 № 4.
- Simone C. de. Tirreni a Lemnos. Evidenza linguistica e tradizioni storiche, Firenze 1996
- Snodgrass A.M. *The Dark Age of Greece*. Edinburgh, 1971.
- Stieber Z. Problem najdawniejszych różnic między dialektami słowiańskimi // *I Międzynarodowy Kongres Archeologii Słowian*. Vol I Wrocław – Warszawa – Krakow. 1968.
- Studies in Greek, Italic, and Indo-European Linguistics*/ Davies A. M., Meid W. eds. Innsbruck, 1976.
- Sulimirski.T. Kultura wysocka. W. 1956.Tabl. XIII, 9; XVII, 1; XIX , 20.
- Szymanski W. Szeligi pod Plockiem na początku wczesnego sredniowiecza. Wrocław – Warszawa- Krakow. 1967.

Tanaka J. Social structure of the Bushmen, Proc. of the VIII th International Congress
of Anthropology. and Ethnography. Sciences. 1968 v. III Tokyo.

Vasmer M. Der ostdeutsche Volksboden- Breslau- 1926.

Vermeule E. Greece in the Bronze Age. Chicago. 1964.